

EDMUND
HUSSERL

HUSSERLIANA Bd.X

ZUR PHAENOMENOLOGIE
DES INNEREN
ZEITBEWUSSTSEINS
(1893-1917)

Hrsg. von Rudolf Boehm.
Nachdruck der 2. Verb. Auflage

KLUWER ACADEMIK
PUBLISHERS
1969

ЭДМУНД
ГШЛЬ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ I

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
ВНУТРЕННЕГО
СОЗНАНИЯ
ВРЕМЕНИ

РИГ "ЛОГОС"
ИЗДАТЕЛЬСТВОТНОЗИС"
МОСКВА
1994

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ

Собрание сочинений

Под общей редакцией проф. В. И. Молчанова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Молчанов В. И. (*председатель*), Анашвили В. В. (*ученый секретарь*),
Гайдено П. П., Зотов А. Ф., Калиниченко В. В., Михайлов А. А.,
Мотрошилова Н. В., Никифоров О. В.

Том I. Феноменология внутреннего сознания времени

Перевод В. И. Молчанова

Редактор К. Ф. Блохин

Художник В. П. Коршунов

Федеральная целевая программа книгоиздания России

РУССКОЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Редакционно-издательская группа «ЛОГОС»

Издательство «ГНОЗИС»

Издательство «МОСКОВСКОГО КЛУБА»

Участники проекта перевода и публикации Собрания сочинений Э. Гуссерля выражают глубокую признательность швейцарским феноменологам профессору д-ру Элмару Холенштайну, доценту д-ру Исо Керну, профессору д-ру Гвидо Кюнг, доценту д-ру Эдварду Марбаху, а также Институту Восточной Европы в Фрибуре (Швейцария) за финансовую поддержку, которая сделала возможным выход этого тома.

Редакционно-издательская группа «Логос» выражает свою благодарность Kluwer Académie Publishers за предоставление прав на издание томов Гуссерлианы на русском языке.

Мы благодарим сотрудников Архива Гуссерля в Лувене и, в особенности, профессора Самуэля Айслинга за поддержку.

РИГ «ЛОГОС», 1994

Перевод, предисловие В. И. Молчанов, 1994

Художественное оформление В. П. Коршунов, 1994

Edmund Husserl

Gesammelte Werke

WISSENSCHAFTLICHES BEIRAT

Moltschanov V. I. (Leiter), Anaschwili V. V.,
Gaidenko P. P., Zotov A. F., Kalinitschenko V. V.,
Michailov A. A., Motroschilova N. V., Nikiforov O. V.

RUSSISCHE PHAENOMENOLOGISCHE GESELLSCHAFT

LOGOS Verlag

GNOSIS Verlag

Die Teilnehmer des Projekts der Übersetzung und Veröffentlichung der Gesammelten Werke von Husserl äußern ihre herzliche Dankbarkeit den schweizerischen Phänomenologen, Herrn Professor Dr. Elmar Holenstein, Herrn Dozent Dr. Iso Kern, Herrn Professor Dr. Guido Küng, Herrn Dozent Dr. Eduard Marbach, wie auch dem Osteuropa Institut in Fribourg (Schweiz) für die finanzielle Unterstützung, die es möglich macht, diesen ersten Band erscheinen zu lassen.

Der Verlag Logos bringt seinen Dank dem Kluwer Académie Publishers zum Ausdruck für die Gewährung der Druckrechte bezüglich der Veröffentlichung der Übersetzungen von Husserliana ins Russische.

Wir sind den Mitarbeitern des Husserls-Archivs in Leuven, und insbesondere Herrn Professor Samuel Ijsseling verpflichtet für ihre kollegiale Unterstützung.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Предисловие.</i>	VII
ЛЕКЦИИ ПО ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВНУТРЕННЕГО СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ	
Введение	
Первый раздел. УЧЕНИЕ БРЕНТАНО О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВРЕМЕНИ	13
Второй раздел. АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ.	23
ДОПОЛНЕНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ К АНАЛИЗУ СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ	107

Проект «Русской Гуссерлианы» предусматривает прежде всего публикацию основных работ Эдмунда Гуссерля:

«Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени»;

«Картезианские медитации»;

«Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»;

«Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии», кн. I (Идеи I);

«Логические исследования», тт. 1,2.

В дальнейшем усилия будут сосредоточены на переводах и публикациях тех работ Гуссерля, которые содержат по преимуществу конкретный анализ конкретных проблем.

Издание на русском языке основных трудов Э. Гуссерля, положившего начало феноменологии как философского направления, уже давно стало необходимостью. Без феноменологических текстов, доступных широкому кругу читателей, и прежде всего исследователей и студентов, едва ли станет возможным в России приобщение к опыту феноменологической философии, а кроме того к опыту многочисленных направлений и течений философии XX века, почти все из которых в той или иной степени испытали влияние феноменологии.

Дело, однако, не только в академических студиях, ибо феноменология, и прежде всего в лице ее основоположников - Brentano, Гуссерля и Хайдеггера - это попытка осмыслить кризис европейской культуры и выявить фундаментальную связь истоков этого кризиса с «натурализированием сознания» и «забвением бытия».

Феноменология не только возникает на рубеже веков, но и сама выражает определенный рубеж, смену парадигм европейской философии. Завершая эпоху конструктивизма и иррационализма (от Канта до Маркса и Ницше), феноменология открывает воз-

возможности рефлексивно-дескриптивной философии, то есть возможности рефлексивного исследования бесконечно многообразных видов человеческого опыта.

В феноменологии Гуссерля исследование сознания как особого поля, как особого региона бытия, не означает ухода в некий замкнутый мир ментальных сущностей. По замыслу Гуссерля, исследование интенционального бытия сознания, бытия, направленного на многообразные виды предметностей, образуют науку, равную по объему естествознанию, то есть науку, предмет которой - многообразные виды смыслоформирования, придания смысла, понимания смысла, сочетания актов сознания, в которых формируется смысл, и понятого, обнаруженного или сформированного смысла.

Фундаментальной предпосылкой феноменологии является то, что, с одной стороны, любая предметность, любое положение дел является или может явиться в сознании в качестве определенной смысловой конфигурации, а, с другой стороны, само сознание являет себя в своей интенциональной сущности в себе самом, обнаруживает себя как феномен.

Можно спорить о том, насколько радикальным оказался феноменологический поворот, насколько радикальным оказался отказ феноменологии от понимания сознания как деятельного, продуцирующего, объективирующего свою спонтанность в «имманентных или трансцендентных единствах» (материал для этих размышлений дают уже публикуемые в настоящем издании гуссерлевские 4 Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени). Однако несомненно следующее: феноменология, во-первых, это не новая «философская система» (будь то Гегель или Бергсон), устанавливающая с помощью понятийных конструкций тот или иной строй мироздания, во-вторых, это не афористично-генеалогическая философия (Маркс, Ницше), провозглашающая вторичность сознания (почти текстуальные совпадения «Немецкой идеологии» и «Воли к власти» в этом аспекте поразительны), философия, срывающая «все и всяческие маски» и обнажающая при этом якобы основу основ: способ производства «материальной жизни» или энергетические связки воли. Кроме того, феноменология — это и не «философия личного опыта» (Киркегор), углубляющаяся в индивидуальную экзистенцию и лишаящая опыт интересности и общезначимости.

Феноменология это наука о сознании, исследование сознания. Способы верификации утверждений этой науки основаны на опыте самого сознания. Выдвинутое Ф. Brentano положение о том, что метод философии должен быть таким же, как и метод естествознания, означает лишь, что в философии также действует критерий опыта. Подобно тому, как естествоиспытатель проверяет правильность своего понимания тех или иных, скажем, физических или химических процессов посредством других физических или химических процессов, так и философ должен проверять любые дескрипции смыслоформирования в собственном рефлексивном опыте. Это не означает, что в феноменологии не может быть ошибок; естественнонаучные теории также оказываются иногда ложными несмотря на подтверждаемость их опытом. Гуссерль подчеркивал, что очевидность может быть ошибочной, но она при этом не перестает быть очевидностью. Также как в естествознании, в философии не следует отождествлять два вида различий - между научностью и ненаучностью утверждений и между их истинностью и ложностью. В то же время, феноменология - это не «систе-

ма науки», как это полагал Гегель. По своему замыслу, феноменология критична и самокритична, развертывание науки о сознании происходит не линейно, но плюралистично.

Гуссерль, как и Brentano, осознавал, что феноменология - это новое начало в философии, что новая наука о сознании еще неизвестна современникам, что философия как строгая наука еще не началась. Характерно, что через несколько десятилетий подобную же мысль высказал М. Мерло-Понти: «Философия. Ей еще все предстоит. В озарениях Гуссерля, Хайдеггера и Сартра, в интуициях биологов, этнологов и психоаналитиков мы имеем лишь возможность догадываться о том, какой она может быть» *. В этом феноменология радикально отличается от большинства философских течений XIX века и многих современных школ, которые так или иначе провозглашают конец философии.

Обращение к Гуссерлю - «назад к Гуссерлю!» - не есть обращение к некоему канону или непререкаемому авторитету. Скорее это можно сравнить с ученичеством у ремесленника: смотреть и «учиться видеть».

Публикуемые в первом томе «Русской Гуссерлианы» «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» - одна из самых трудных работ Гуссерля, но в то же время, как это ни парадоксально, одна из самых доступных для непредвзятого читателя. Это объясняется как раз тем, что Гуссерль апеллирует к внутреннему опыту своих слушателей, а затем — читателей, предлагая проверить и перепроверить проведенный анализ сознания времени. Гуссерлевский анализ феноменологии внутреннего сознания времени дает чрезвычайно богатый материал для конкретного исследования многообразных способов осуществления рефлексии. В этом смысле публикуемые «Лекции...» трудно переоценить.

Тема времени в феноменологической философии принадлежит к числу основных. Уже в «Логических исследованиях» Гуссерль намечает эту тему при соотнесении различных понятий сознания (Иссл. V, гл. 1, § 1) ". Особую значимость проблемы времени Гуссерль подчеркивал во всех своих основных работах - в Идеях I, В «Картезианских медитациях», где анализ темпоральных структур играет важную роль при постановке проблемы интересности, в «Кризисе европейских наук».

Анализ проблемы времени, а в феноменологии - это анализ внутреннего сознания времени, относится к периоду творчества Гуссерля, который последовал непосредственно за первым изданием «Логических исследований». Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени Гуссерль впервые прочитал в 1905, а затем в 1910. Записи лекций, обработанные Эдит Штайн, были изданы М. Хайдеггером по предложению Гуссерля в *Jahrbuch für Philosophie und phä-*

М. Мерло-Понти. Интервью / Логос. Выпуск 2. Москва, 1991. с. 32.

См. «Проблемы онтологии в современной буржуазной философии». Рига: Зинатне, 1988. с. 282-298

nomenologische Forschung, Bd. IX, а затем отдельным изданием: *Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins*. Halle, Max Niemeyer, 1928. Эти лекции были затем воспроизведены вместе с многочисленными добавлениями в X томе собрания сочинений Гуссерля (*Husserliana X*, Haag, 1966). Этот том был издан известным феноменологом Рудольфом Боемом, который сверил тексты Гуссерля по имеющимся рукописям, расположил их тематически и установил время их написания (с 1893 по 1917 гг.). При этом оказалось, что первоначальные лекции 1905 года содержат более поздние вставки 1908-1911 гг. (См. *Husserliana X*, S. 389-390), что свидетельствует о попытках Гуссерля придать тексту структурное единство. В полной мере эта работа не была завершена, и наряду с ядром концепции текст содержит, с одной стороны, целый веер различных проблем, а с другой - отчасти повторяющиеся описания.

К анализу проблемы сознания времени Гуссерль обращался на протяжении всего творчества. Помимо указанного тома, анализ сознания времени содержится и в других опубликованных томах собрания сочинений Гуссерля, и прежде всего в «Анализе пассивного синтеза» (*Husserliana XI*, Haag, 1966) и в текстах, озаглавленных «Фантазия, образное сознание, память» (*Husserliana XXIII*, The Hague, 1980). Кроме того, в Гуссерлевском архиве в Лувене (Бельгия), а также в Кёльне и Фрайбурге (Брайсгау), хранятся еще неопубликованные рукописи 30-х годов (Манускрипты С), в которых Гуссерль пытался соединить представление о сознании как потоке и как чистом Я в концепции «живущего настоящего» (*Lebendige Gegenwart*). *

В настоящем издании публикуется перевод только первоначальных лекций 1905 и 1910 годов, перевод сделан с издания *Husserliana*. Bd. X. Haag: Nijhoff, 1966.

Анализ гуссерлевского сознания времени читатель может найти в следующих работах: Молчанов В. И. *Время и сознание. Критика феноменологической философии*. М., 1988. Рубене М. *Учение Гуссерля о времени // Критика феноменологического направления современной буржуазной философии*. Рига, 1981. Рубене М. *Проблема прошлого в феноменологическом учении о времени Э. Гуссерля // Проблема сознания в современной буржуазной философии*. Вильнюс, 1983. Bernet R. *Die ungegenwärtige Gegenwart. Anwesenheit und Abwesenheit in Husserls Analyse des Zeitbewußtseins // Zeit und Zeitlichkeit bei Husserl und Heidegger, Phänomenologische Forschungen*, 14, Freiburg/München, Alber, 1983. Bernet R. «Einleitung»: Husserl, E. *Texte zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins (1893-1917)*, herausgegeben und eingeleitet von R. Bernet, Hamburg, Felix Meiner, 1985, S. XI-LXVII. Eigler G. *Metaphysische Voraussetzungen in Husserls Zeitanalysen*, Meisenheim/Glan, Verlag Anton Hain, 1961. Held K. *Lebendige Gegenwart. Die Frage der Seinsweise des transzendentalen Ich bei Edmund Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik*, Den Haag, M. Nijhoff, 1966 (*Phaenomenologica* 23). Kern I. *Zeitbewußtsein // Bernet R. Kern I. Marbach E. Edmund Husserl: Darstellung seines Denkens*. Hamburg, Meiner, 1989, Kapitel 3, § 2. Sokolowski R. *The Formation of Husserl's Concept of Constitution*, The Hague, M. Nijhoff, 1964 (*Phaenomenologica* 18).

Предпосылкой феноменологического изучения времени является «исключение объективного времени», т. е. всех условий и соглашений, «привязывающих» время к тому или иному виду движению объектов. В феноменологии рассматривается только данность временных объектов, которую нельзя измерить хронометрами', и описывается структура акта сознания, благодаря которой воспринимаются длительность и последовательность. Тем самым выделяются два уровня сознания времени: темпоральность содержаний, т. е. данностей временных объектов и темпоральность актов сознания, конституирующих схватывание всех временных различий. Сами темпорально-конститутивные акты находят свою основу в «абсолютном сверхвременном потоке сознания», который Гуссерль назвал «абсолютной субъективностью».

Первичной темпоральной структурой акта сознания является, по Гуссерлю, удержание первичного сознания Теперь, или Теперь-точки, в постоянно изменяющемся континууме, так называемом шлейфе ретенций, который присоединяется к первичному впечатлению, или импрессиональному сознанию. Соответственно, к Теперь-точке «присоединяется» не только первичная память (ретенция), но и первичное ожидание, или предвосхищение, протекция. Структура ретенция-теперь-протенция лежит в основе описания темпорального характера восприятия и памяти, которая как воспроизводящая память радикально отличается от ретенции. Ретенция рассматривается не только как фундаментальная структура акта сознания, в которой устанавливаются те или иные временные различия, но и как основа рефлексии.

Термин Гуссерля *Zeitbewußtsein* ставит перед переводчиком определенную проблему, ибо он поддается различным истолкованиям. Во-первых, это «осознание времени», что соответствует, с одной стороны, буквальному значению немецкого слова, а, с другой - проблеме: как мы осознаем время. Во-вторых, этот термин может быть передан как время-сознание (ср. англ. перевод Дж. Черчилля: *The Phenomenology of internal Time-Consciousness*, Indiana Univ. Press, 1964), если речь идет о противопоставлении объективного и субъективного времени. В пользу такого перевода говорит, казалось бы, термин «внутреннее», ибо говорить о внутреннем времени привычней, чем о внутреннем сознании.

Тем не менее, задача, поставленная Гуссерлем, заключается в том, чтобы выявить первичные формы *сознания*, в которых так или иначе представлены временные различия - длительность, последовательность, одновременность, настоящее, прошлое, будущее. У Гуссерля речь идет прежде всего о сознании, конституирующем время, о сознании, которое затем само раскрывается как временное. Иными словами, с одной стороны, речь идет об осознании времени, а с другой - о сознании как временном. Эти два основных смысла мы передаем, в зависимости от контекста - или как «сознание времени», если речь идет о

В благодарность за издание «Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени» в 1928 году Гуссерль подарил Хайдеггеру массивные золотые часы с цепочкой, однако вскоре часы перестали идти, что как бы символизировало исключение объективно измеримого времени. (Эту историю я узнал от профессора Ф.-В. фон Геррманна, которому ее рашшал Хедетгер.)

проблеме осознания временных различий, или же как «сознание-время», если речь идет о темпоральное™ самого сознания. Эти два смысла связаны между собой, но не тождественны. Их различие выражает не только указанный переход — от осознания времени к временности сознания, но и более общую проблему: темпоральность сознания предстает в феноменологии Гуссерля не только в качестве предпосылки для решения вопроса о том, как мы осознаем время, но темпоральность сознания и темпоральность бытия (у Хайдеггера) приобретает статус одной из фундаментальных предпосылок современной философии.

Перевод термина *Zeitbewußtsein* как «сознание-время» согласуется как раз с задачей, которую ставит перед собой Гуссерль: не время представить как сознание, но сознание понять как временное. Термин «внутреннее сознание-время» позволяет сохранить тот смысл, что речь идет о внутреннем времени, но не об объективном, однако основной смысл заключается в том, что сознание «внутри себя» конституирует время, но не «отражает» его, не считывает его с объектов. Именно поэтому Гуссерль неоднократно говорит в «Лекциях...» о *внутреннем сознании*.

Таким образом, вопрос о том, как мы осознаем время, перерастает у Гуссерля в вопрос о темпоральное™, или временности сознания. Именно здесь обнаруживается глубокое различие между Гуссерлем и Brentano, ибо, по Brentano, мы осознаем временное, но само сознание, или психические феномены, не являются темпоральными. В этом вопросе Гуссерль следует, скорее, Канту, для которого временные синтезы лежат в основе познавательной способности. Недаром в гуссерлевских описаниях, особенно во второй части лекций, появляются такие слова как «работающая спонтанность», «продуцирующее сознание» и т.д.

С одной стороны, Гуссерль следует Brentano в основном для феноменологии вопросе — о радикальном различии сознания и предметности, или, в терминологии Brentano, психических и физических феноменах, но, с другой стороны, Гуссерль, выделив сферу чистого сознания, следует в основном Канту в понимании его «текстуры». Если в «Логических исследованиях» Гуссерль подчеркивал, что акт сознания не следует понимать как деятельность, как работу, то в публикуемых «Лекциях...» Гуссерль приближается к воззрению, которое он ранее отвергал. И дело не только в метафорике «спонтанности», «производства», «работы» и т.д. Главное в этом контексте — выдвижение на первый план такой характеристики сознания как конституирование. Именно конституирование включает в себя и синтез-схватывание, и временную протяженность. По смыслу, это очень близкие вещи. Если само сознание истолковывается как временное, то его основная деятельность заключается в синтезе различных временных фаз, в схватывании определенных интервалов и содержаний, наполняющих эти интервалы.

Кроме этой кантианской тенденции, у Гуссерля несомненно обнаруживаются определенные мотивы «философии жизни» (впрочем, еще Гегель в «Феноменологии духа» определил сознание как жизнь): сознание предстает у Гуссерля как живое, как жизнь, как переживание, как жизненная сила.

Как раз в этом у Гуссерля намечается разрыв, диссонанс между пониманием сознания и рефлексии, хотя сам Гуссерль дефинитивно стремился всегда их сблизить: рефлексия, как и сознание, истолковывается как переживание, как

схватывание. В то же время, в реальной аналитической работе рефлексия предстает у Гуссерля как осуществление многообразных различий, как акт различения, но не акт схватывания, не акт синтеза.

Различие и синтез как акты — фундаментально различны, и, строго говоря, «схватывание различий», если под различием понимать различение, но не различное, — это противоречие в терминах, ибо схватывание — всегда синтез, постижение той или иной целостности, того или иного единства. Кроме того, различение — это всегда предпосылка синтеза, но не наоборот¹. Метод рефлексии, или, точнее, реальное осуществление рефлексии — как оно представлено в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени» — это осуществление многообразных различий: между Теперь и ретенцией, ретенцией и воспоминанием, памятью и фантазией, между объективным и имманентным временем, между уровнями внутреннего сознания времени, между репродукцией объекта в сознании и воспроизведением самого сознания и т.д.

Однако установка Гуссерля — представить само сознание как временное и конститутивно-синтезирующее приводит к тому, что Гуссерль сближает, вплоть до отождествления, два радикально различных акта: различение и синтез. Это проявляется прежде всего в том, что возможность рефлексии Гуссерль объясняет при помощи ретенции^{*}: благодаря цепочке ретенций, мы можем, по Гуссерлю, «удержать» прошедший «поток сознания», мы можем направить внимание на прошедшие фазы переживаний и т.д. Это, конечно, не вызывает сомнения, но в данном случае Гуссерль проясняет, скорее, возможность воспроизведения предшествующих фаз сознания, не замечая, что сколько бы раз мы ни воспроизводили прошедшие переживания и их фазы (в этом состоит как раз, по Гуссерлю, «свобода»), это еще не означает, что мы подвергаем их анализу в рефлексии. Ретенция есть, конечно, необходимое, но не достаточное условие рефлексии. Сама ретенция как синтетическая структура, удерживающая «первоначальное впечатление», уже выделена в рефлексии, уже отделена от Теперь-точки, уже противопоставлена, с одной стороны, Теперь, а, с другой — воспоминанию. Здесь необходимо заметить, что Гуссерль не называет ретенцию актом — в том смысле, что сама ретенция не схватывает объект, но формирует сам акт схватывания. Однако в данном контексте — противопоставления различения и синтеза — ретенцию можно назвать синтезирующим, или даже первично синтезирующим актом.

Это смешение различения и синтеза проявляется у Гуссерля непосредственно в тексте: «Благодаря повороту внимания и схватыванию переживание получает новый модус бытия, оно становится «различенным», «выделенным», и это различение есть как раз не что иное, как схватывание, а различенность — не что иное, как быть-схваченным, быть предметом поворота»^{**}.

Очевидно, однако, что «поворот внимания» и схватывание требуют различения, первичного разграничения переживаний, но не наоборот: мы не можем

* Подробнее об этом см.: Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта / Логос. Выпуск 3. Москва, 1992.

** См. Приложение IX: Первичное сознание и возможность рефлексии.

*** См. с. 154 наст. изд.

схватить переживание, или «обратить на него внимание», без того, чтобы первоначально не различить, не разделить два или несколько переживаний. Речь идет не о том, чтобы отделить одно переживание от другого переживания, как будто мы уже знакомы с одним и с другим: сама отделенность одного переживания от другого формируется в акте различения, который первичней, чем акт идентификации, лишь завершающий, если это необходимо, опыт сознания, но не имеющий место без соответствующего различения.

Различие между реальным процессом мышления как проведением различий и попыткой представить первичные слои сознания как конститутивно-синтезирующие структуры составляет основное напряжение, внутреннюю коллизию в размышлениях Гуссерля о времени и сознании времени. Гуссерль, по видимому, ощущал неудовлетворительность тотального отождествления сознания и времени, и это выразилось в том, что, по Гуссерлю, самый глубинный слой субъективности - абсолютный поток сознания - сам в себе уже нетемпорален. Лишь метафорически, по Гуссерлю, абсолютную субъективность можно назвать потоком. Гуссерль, однако, не усматривал в этой субъективности «различающую силу»; абсолютный поток сознания выглядит у Гуссерля как нечто аморфное, как некая неопределенная основа очевидности, в которой формируется некоторое «смотри!». В абсолютном потоке сознания сливаются синтез и различие, они уравниваются, а слой конститутивного многообразия (фазы Теперь, ретенции и протенции) предстает в качестве синтезирующей структуры.

Гуссерлевский скрупулезный анализ сознания времени вводит нас в проблемную сферу современного философствования, в основе которой - едва заметный переход смысла от временного к вневременному. Конечная временность — это и конечное как временное, и конечное, или предельное, как вневременное. Последнее как своеобразный эрзац вечности как раз и есть «условие возможности» философствования «между Платоном и Ницше».

Гуссерлевское учение о сознании и времени и хайдеггеровское «Бытие и время» ставят перед философским мышлением вопрос, в какой мере возможно отождествлять сознание и бытие с временем и временностью, и намечают возможные пути поиска оснований, которые не были бы ни гипостазированными ментальными и вечными сущностями, ни сверхподвижными «полезными фикциями», появляющимися и исчезающими в «вечном» потоке становления.

*Виктор Молчанов
Декабрь 1993*

ЛЕКЦИИ ПО ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВНУТРЕННЕГО СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ

Введение

- § 1. Исключение объективного времени 6
- § 2. Вопрос о происхождении времени 11

Первый раздел

УЧЕНИЕ БРЕНТАНО О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВРЕМЕНИ

- § 3. Первичные ассоциации 13
- § 4. Получение будущего и бесконечное время 16
- § 5. Изменение представлений посредством
 темпоральных свойств 17
- § 6. Критика 13

Второй раздел

АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ

- § 7. Истолкование схватывания временных объектов
 как мгновенного схватывания или как длящегося акта 23
- § 8. Имманентные временные объекты и их модусы явления 26
- § 9. Сознание явлений имманентных объектов 28
- § 10. Континуум феноменов протекания. Диаграмма времени 30
- § 11. Первичное впечатление (Urimpression)
 и ретенциальная модификация 32
- § 12. Ретенция как специфическая интенциональность 34
- § 13. Необходимость предшествования впечатления
 по отношению к любой ретенции. Очевидность ретенции 36
- § 14. Воспроизведение временных объектов (вторичная память) 38
- § 15. Модусы осуществления репродукции 40
- § 16. Восприятие как ориентация-на-настоящее
 в отличие от ретенции и воспоминания 41
- § 17. Восприятие как акт конституирующий самоданность
 в противоположность репродукции 44
- § 18. Значение воспоминания для конституирования
 сознания длительности и последовательности 45
- § 19. Различие ретенции и репродукции (первичная и вторичная
 память или фантазия) 49
- § 20. Свобода репродукции 51
- § 21. Уровни ясности репродукции 52
- § 22. Очевидность репродукции 53

- § 23. Совпадение репродуцированного Теперь с прошлым 54
- § 24. Протекции в воспоминании 56
- § 25. Двойная интенциональность воспоминания 57
- § 26. Различие между воспоминанием и ожиданием 59
- § 27. Воспоминание как сознание
 о бывшем воспринятом бытии 61
- § 28. Воспоминание и образное сознание.
 Воспоминание как полагающая репродукция 63
- § 29. Воспоминание настоящего 63
- § 30. Сохранение предметной интенции
 в ретенциальном изменении 65
- § 31. Первичное впечатление и объективная
 индивидуальная временная точка 67
- § 32. Участие репродукции в конституировании
 одного объективного времени 73
- § 33. Некоторые априорные законы времени 75
- § 34. Разделение уровней конституирования 77
- § 35. Различия конституируемых единств
 и конститутивного потока 77
- § 36. Темпорально-конститутивный поток
 как абсолютная субъективность 79
- § 37. Явления трансцендентных объектов
 как конституируемых единств 79
- § 38. Единство потока сознания и конституирование
 одновременности и последовательности 81
- § 39. Двойная интенциональность ретенции
 и конституирование потока сознания 84
- § 40. Конституируемые имманентные содержания 88
- § 41. Очевидность имманентных содержаний.
 Изменение и неизменность 89
- § 42. Импрессия и репродукция 93
- § 43. Конституирование явлений вещей и вещей.
 Конституируемые схватывания и первичные схватывания 95
- § 44. Внутреннее и внешнее восприятие 100
- § 45. Конституирование не-темпоральных трансценденций 102

ВВЕДЕНИЕ

Анализ (о)сознания времени — давний крест дескриптивной психологии и теории познания. Первым, кто глубоко ощутил огромные трудности, которые заключены здесь и кто бился над ними, доходя почти до отчаяния, был Августин. Главы 14-28 книги XI «Исповеди» даже сейчас должны быть основательно проштудированы каждым, кто занимается проблемой времени. Ибо гордое знанием Новое время не может здесь похвалиться блистательными достижениями или значительно более важными результатами, чем этот великий мыслитель, столь ревностно сражавшийся с этой проблемой. Вместе с Августином можно сказать и сейчас: «*Si nemo a me quaerat, scio, si quaerenti explicare velim, nescio*».

Естественно, что такое время, знаем мы все: оно есть наиболее известное. Однако, как только мы делаем попытку от- дать себе отчет об (о)сознании времени, установить верное отношение между объективным временем и субъективным соз- нанием времени и понять, каким образом временная объектив- ность, следовательно, индивидуальная объективность вообще может конституироваться в субъективном сознании времени, и как только мы делаем попытку подвергнуть анализу также чисто субъективное сознание времени, феноменологическое содержание переживаний времени, мы вовлекаемся в сферу весьма специфических трудностей, противоречий, смешений.

Исходным пунктом нашего исследования может послу- жить изложение брентановского анализа времени, который он, к сожалению, никогда не публиковал, но только сообщал на лекциях. Этот анализ был весьма кратко воспроизведен Марти в его работе, посвященной развитию ощущению цвета, которая появилась в конце семидесятых годов, и в нескольких словах — Штумпфом в его психологии (восприятия) тона (Tonpsychologie).

§ 1. Исключение объективного времени

В качестве предпосылки нужно еще сделать некоторые общие замечания. Мы намереваемся провести феноменологический анализ сознания времени. Это предполагает, как и при любом таком анализе, полное исключение каких бы то ни было допущений, установлений и убеждений относительно объективного времени (всех трансцендирующих предположений о существующем). В объективном отношении каждое переживание, как и каждое реальное бытие и момент бытия, может иметь свое место в одном единственном объективном времени, следовательно, и переживание восприятия времени и само представление времени. Возможно, что для кого-то интересно определить объективное время какого-либо переживания, в том числе переживания, конституирующего время. Было бы, по-видимому, также интересно исследовать, как время, которое в сознании времени положено как объективное, соотносится с действительным объективным временем, и соответствуют ли оценки временных интервалов объективно действительным временным интервалам, или как они отклоняются от них. Но это не задачи феноменологии. Так же как действительная вещь, действительный мир не есть феноменологическое данное, так же и время мира, реальное время, время природы в смысле естествознания, а так же психологии как естественной науки о душевном [не есть феноменологическое данное].

Когда мы говорим об анализе сознания времени, о временном характере предметов восприятия, памяти, ожидания, может показаться, конечно, что мы уже допускаем как-будто объективное течение времени и затем, по существу, изучаем только субъективные условия возможности интуитивного постижения времени (*Zeitanschauung*) и непосредственного (*eigentlich*) познания времени. Однако то, что мы принимаем (*hinnehmen*), не есть существование времени мира, существование длительности какой-либо вещи и т. п., но — являющееся время, являющаяся длительность как таковые. Это, однако, суть абсолютные данности, в которых было бы бессмысленно сомневаться. Затем мы допускаем, конечно, и существующее время, однако, это не есть время мира опыта, но имманентное время протекания сознания. То, что сознание процес-

са звучания, мелодии, которую я как раз слышу, обнаруживает последовательность, — в отношении этого мы обладаем очевидностью, которая делает бессмысленным каждое сомнение или отрицание.

То, что означает исключение объективного времени, возможно, станет еще яснее, когда мы проведем параллель с пространством, так как пространство и время обнаруживают столь часто отмечаемые и значительные аналогии. К сфере феноменологически данного принадлежит сознание пространства (*Raubewußtsein*), т. е. переживание, в котором интуитивное постижение пространства (*Raumanschauung*) осуществляет себя как восприятие и фантазия. Если мы открываем глаза, то мы смотрим в объективное пространство — это означает (как показывает рефлектирующее наблюдение): мы имеем визуальные содержания ощущений, которые фундируют явление пространства и явление определенных, так-то и так-то пространственно расположенных вещей. Если мы абстрагируемся от любого трансцендирующего толкования и сведем явление восприятия (*Wahrnehmungerscheinung*) к первично данным содержаниям, то они дают континуум поля зрения, который есть нечто квази-пространственное, но не является, скажем, пространством или плоской поверхностью в пространстве. Грубо говоря, этот континуум есть двойственное непрерывное многообразие. Мы обнаруживаем там такие отношения как одно рядом с другим, одно над другим, одно внутри другого, замкнутые линии, которые полностью отграничивают часть поля и т. д. Но они не являются объективно пространственными отношениями. Не имеет вовсе смысла, например, говорить, что точка зрительного поля отдалена здесь на один метр от угла этого стола, или находится рядом, или над ним. Точно так же не имеет, конечно, явление вещи какого-либо пространственного положения и каких-либо пространственных отношений. Явление дома не расположено около или над домом, в одном метре от него и т. д.

Аналогичное имеет силу и в отношении времени. Феноменологические данные суть постижения времени (*Zeitauffassungen*), переживания, в которых является временное в объективном смысле. И опять-таки, феноменологически данными являются моменты переживания, которые особым образом фундируют постижение времени как таковое, т. е. возможные

специфически темпоральные содержания этого постижения, (то, что умеренный нативизм называет изначально временным). Но ничто из этого не есть объективное время. Посредством феноменологического анализа нельзя обнаружить даже самую малость объективного времени. «Первичное временное поле» не есть некоторая часть объективного времени, переживаемое Теперь, взятое как таковое, не есть точка объективного времени и т. д. Объективное пространство, объективное время и вместе с ними объективный мир действительных вещей и процессов — все это трансценденции. Заметьте, однако, что пространство и действительность не являются трансценденциями в некоем мистическом смысле, как «вещь в себе», но они суть как раз феноменальное пространство, феноменальная пространственно-временная действительность, являющаяся форма пространства, являющаяся форма времени (Zeitgestalt). Это все не есть переживания. И порядок связей, которые могут быть обнаружены в переживаниях как подлинных имманентностей, не встречаются в эмпирическом, объективном порядке, они не согласуются с этим порядком.

К развитой феноменологии пространственного принадлежало бы также исследование данных определенного местоположения (нативизм допускает такое исследование на основе психологической установки), которые составляют имманентный порядок «поля визуальных ощущений» и само это поле. Эти данные относятся к являющимся объективным местоположениям (Ort) так же, как данные качества — к являющимся объективным качествам. Если там говорят о знаке, указывающем на место, то здесь нужно было бы говорить о знаке, указывающем на качество. Ощущаемое красное есть феноменологическое данное, которое, когда оно одушевлено определенной функцией схватывания, представляет объективное качество; оно само не есть качество. Качество в собственном смысле, т. е. свойство являющейся вещи, не есть ощущаемое, но воспринимаемое красное. Ощущаемое красное есть красное только в эквивокации, поскольку красное есть имя реального качества. Если по отношению к определенным феноменологическим событиям говорят о «совпадении» («Deckung») одного и другого, то все же нужно обратить внимание на то, что ощущаемое красное лишь посредством схватывания приобретает значение момента, который представляет качест-

во вещи; взятое само по себе оно ничего такого в себе не содержит. [Следует так же обратить внимание], что «совпадение» представляющего и представленного ни в коем случае не означает совпадения [как результата деятельности] отождествляющего сознания, чей коррелят выражается в словах «одно и то же». Если мы называем ощущаемым феноменологическое данное, которое посредством схватывания делает осознанным объективное в живой данности, которое тогда называется объективно воспринятым, то мы так же должны тогда, в том же самом смысле, различать ощущаемое временное и воспринимаемое временное*. Последнее означает объективное время. Первое, однако, не есть само объективное время (или место в объективном времени), но феноменологическое данное, посредством эмпирического схватывания коего конституируется отношение к объективному времени. Темпоральные данные, если угодно, темпоральные знаки не суть сами темпора.

Объективное время принадлежит связям предметностей опыта. Ощущаемые темпоральные данные не просто ощущаются, они уже несут в себе свойства схватывания, и к последним в свою очередь относятся определенные требования и полномочия: на основе ощущаемых данных измерять являющиеся времена и временные отношения друг относительно друга, так-то и так-то приводить их в объективный порядок, так-то и так-то отделять кажущиеся порядки от действительных. То, что конституируется здесь как объективно значимое бытие, есть, в конечном счете, одно бесконечное объективное время, в котором все вещи и события, тела и их физические свойства, души и их душевные состояния имеют свое определенное временное положение, которое может быть измерено хронометром.

Может быть — здесь мы не будем судить об этом — объ-

«Ощущаемое» носило бы тогда признак относительного понятия, которое в себе ничего не говорило бы о том, чувственно (sensuell) ли ощущаемое, является ли оно вообще имманентным в смысле чувственного; другими словами, оставалось бы открытым, конституировано ли уже само ощущаемое, и, возможно, совершенно иначе, чем чувственное. Однако, все это различие лучше всего оставить в стороне; не каждое конституирование имеет схему: содержания схватывания — схватывание. (Здесь и далее примечания Гуссерля)

§ 2. Вопрос о «происхождении времени»

ективные определения в конечном итоге имеют свою основу в констатациях различий и отношений темпоральных данных или даже в непосредственном равенстве этим темпоральным данным. Безусловно, однако, что, например, ощущаемое «одновременно» не есть объективная одновременность, ощущаемое равенство феноменологически-темпоральных интервалов не есть объективное равенство временных интервалов и т. д., ощущаемое абсолютное временное данное не есть без всяких оговорок то, что переживается как бытие (Erlebtsein) объективного времени (это верно так же и для абсолютного данного Теперь). Схватывание, притом очевидное схватывание содержания, так, как оно переживается, это не означает еще схватывания объективности в эмпирическом смысле, объективной действительности в том смысле, в котором речь идет об объективных вещах, событиях, отношениях, об объективно пространственных и временных положениях, объективно действительных пространственных и временных образах и т. д.

Посмотрим на кусок мела, закроем и откроем глаза. У нас теперь есть два восприятия. Мы говорим при этом: мы видим тот же самый кусок мела дважды. У нас есть при этом темпорально отделенные содержания, мы усматриваем феноменологическое временное расхождение (Auseinander), разделение, однако в предмете нет никакого разделения, он тот же самый: в предмете длительность, в феномене — изменение. Так, мы можем субъективно ощущать временную последовательность там, где объективно надо констатировать сосуществование. Пережитое содержание «объективируется», и теперь объект конституируется из материала пережитых содержаний в [определенном] модусе схватывания. Предмет, однако, не есть просто сумма или комплекс этих «содержаний», которые вообще в него не входят, он есть большее, чем содержание и, определенным образом, нечто другое. Объективность принадлежит к «опыту» и притом к единству опыта, к закономерностям данных в опыте связей природы. Говоря феноменологически: объективность конституируется как раз не в «первичных» содержаниях, но в свойствах схватывания (Auffassungscharakteren) и в закономерностях, принадлежащих к сущности этих свойств. Полностью в этом разобраться и привести к ясному пониманию должна именно феноменология познания.

В соответствии с этими размышлениями, мы так же принимаем во внимание различие между феноменологическим (или теоретико-познавательным) вопросом о происхождении и психологическим [вопросом о происхождении] всех понятий, конституирующих опыт, и, следовательно, относительно понятия времени. Теоретико-познавательный вопрос о возможности опыта — это вопрос о сущности опыта, и прояснение его феноменологической возможности требует возврата к феноменологическим данным, из которых состоит феноменологически то, что дано в опыте (das Erfahrene). В той мере, в какой то, что дано в опыте, расщепляется на противоположность «несобственного» и «собственного» (eigentlich), и в той мере, в какой собственный опыт, интуитивный и, в конечном счете, адекватный, дает масштаб для оценки опыта [вообще], требуется специфическая феноменология «собственного» опыта.

В соответствии с этим, вопрос о сущности времени приводит к вопросу о «происхождении» времени. В этом вопросе о происхождении речь идет о первичных формообразованиях сознания-времени, в которых интуитивно и непосредственно конституируются первичные различия временного как изначальные источники всех очевидностей, относящихся ко времени. Этот вопрос о происхождении не следует смешивать с вопросом о психологическом происхождении, с полемикой эмпиризма и нативизма. В этой дискуссии задается вопрос о первичном материале ощущений, из которого у человеческого индивида и даже рода возникает объективное созерцание пространства и времени. Для нас же вопрос об эмпирическом генезисе безразличен, нас интересуют переживания в их предметном смысле и их дескриптивном содержании. Психологическая апперцепция, которая схватывает переживания как психические состояния эмпирических субъектов, психофизических субъектов, и устанавливает между этими переживаниями связи, будь это чисто психические или психофизические, а также прослеживает становление, само-формирование и само-преобразование психических переживаний естественнонаучным образом, эта психологическая апперцепция есть нечто совершенно другое, чем фено-

менологическая апперцепция. Переживания не упорядочиваются нами в какой-либо действительности. С действительностью мы имеем дело лишь постольку, поскольку она есть полагаемая, представленная, созерцаемая, понятийно помысленная действительность. В отношении проблемы времени это означает: нас интересуют переживания времени. То, что они сами определены в объективном времени, то, что они принадлежат к миру вещей и психических субъектов и в этом мире имеют свое место, свою действенность, свое эмпирическое бытие и возникновение, это нас не касается, об этом мы ничего не знаем. Зато, нас интересует то, что в этих переживаниях полагаются «объективно темпоральные» данные. Именно такое описание относится к сфере феноменологии, что соответствующие акты полагают то или иное «объективное», точнее, принадлежит обнаружение априорных истин, которые присущи различным конститутивным моментам объективности. Мы стремимся привести к ясности Аргіогі времени, исследуя сознание времени, выявляя его сущностное конституирование и выделяя специфически присущие времени содержания схватывания и свойства актов, к которым сущностно принадлежат априорные законы времени. Я имею в виду при этом, естественно, следующие, само собой разумеющиеся, законы: что устойчивый временной порядок есть бесконечный ряд двух измерений, что два различных времени никогда не могут быть одновременными, что их отношение несимметрично (*ungleichseitiges*), что существует транзитивность, что каждому времени принадлежит более раннее и более позднее и т. д. Общие вступительные замечания на этом заканчиваю.

ю

20

25

Первый раздел

УЧЕНИЕ БРЕНТАНО О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВРЕМЕНИ

§ 3. Первичные ассоциации

ю

Теперь мы попытаемся, исходя из брентановского учения о происхождении времени, получить доступ к поставленным проблемам. Brentano полагает, что он нашел решение в первичных ассоциациях, в «возникновении непосредственных представлений памяти т. е. таких, которые присоединяются, согласно закону, не знающему исключений, к соответствующим представлениям в восприятии (*Wahrnehmungsvorstellung*) без всякого опосредования». Когда мы нечто видим, слышим или вообще воспринимаем, то происходит это всегда так, что воспринимаемое остается для нас некоторый период времени настоящим, хотя и не без модификаций. Отвлекаясь от других изменений, таких как интенсивность и полнота, которые проявляются то в меньшей, то в более заметной степени, необходимо еще постоянно констатировать иное и весьма своеобразное изменение: что именно такого рода пребывающее в сознании является нам как более или менее прошлое, как будто оно темпорально отодвинуто назад. Когда, например, звучит мелодия, то отдельный тон не исчезает полностью вместе с прекращением вызвавшего его стимула и, соответственно, возбуждения нерва. Когда звучит новый тон, прошедший не исчезает бесследно, в противном случае мы не могли бы ведь заметить отношение последовательных тонов, мы имели бы в каждый момент один тон, и тогда в промежутке до появления второго тона — незаполненную паузу, однако никогда не имели бы представления мелодии. С другой стороны, дело не ограничивается пребыванием представлений тона в сознании. Если бы они оставались неизменными, тогда вместо мелодии мы имели бы аккорд одновременных тонов, или, скорее, дисгармоническое смешение тонов, как мы бы получили, если бы мы все тоны, которые уже прозвучали, взяли бы од-

20

35

повременно. Лишь благодаря тому, что появляется такая своеобразная модификация, что каждое ощущение тона, после того как исчез вызвавший его источник возбуждения, пробуждает из себя самого подобное представление, имеющее временную определенность, и [лишь благодаря тому], что эта временная определенность непрерывно изменяется, можно обладать представлением мелодии, в котором отдельные тоны имеют свое определенное место и свою определенную временную границу. Итак, это общий закон, что к каждому данному представлению естественным образом присоединяется непрерывный ряд представлений, из которых каждое воспроизводит содержание предыдущего, однако таким образом, что оно постоянно прикрепляет к новому (представлению) момент прошлого.

Таким образом, фантазия здесь обнаруживает специфическим образом свой продуктивный характер. Здесь имеет место единственный случай, где она поистине творит новый момент представлений, а именно: временной момент. Таким образом, в сфере фантазии мы открыли источник представлений времени. Психологи до Brentano тщетно пытались обнаружить истинный источник этого представления. Психологов сбивало с толку вполне понятное смешение субъективного и объективного времени, и это не позволяло увидеть заключающуюся здесь подлинную проблему. Многие полагают, что на вопрос о происхождении понятия времени нельзя ответить иным образом, чем на вопрос о происхождении наших понятий цветов, тонов и т. д. Так же, как ощущаем мы цвет, ощущаем мы длительность цвета; как качество и интенсивность, так и временная длительность является имманентным моментом ощущения. Внешнее раздражение возбуждает посредством формы физических процессов качество, посредством их жизненной силы — интенсивность и посредством своей продолжающейся длительности — субъективно ощущаемую длительность. Однако, это очевидная ошибка. То, что раздражение длится, еще не означает, что ощущение ощущается как длящееся, но только то, что ощущение так же длится. Длительность ощущения и ощущение длительности — две разные вещи. И точно так же при последовательности. Последовательность ощущений и ощущение последовательности не одно и то же.

Таким же образом должны мы возразить, естественно, и тем, кто хочет свести представление длительности и последовательности к фактам длительности и последовательности психических актов. Все же мы проведем возражение специально в отношении ощущений.

Можно было бы допустить, что наши ощущения длились бы или следовали друг за другом, а мы бы об этом все же совершенно ничего не знали, ибо наши представления не несли бы в себе ни малейшей темпоральной определенности. Если мы рассмотрим, например, случай последовательности и допустим, что ощущения исчезают вместе с вызвавшими их раздражениями, тогда мы имели бы последовательность ощущений без всякого понятия о временном потоке. С появлением нового ощущения мы бы не помнили уже о бытии (Gewesensein) предыдущего; в каждый момент мы имели бы только сознание только что произведенного ощущения, и не более того. А так же и дальнейшая длительность уже произведенных ощущений не привела бы еще нас к представлению последовательности. Если при последовательности тонов более ранние удерживались бы точно в таком же виде, в каком они были, в то время как звучали бы все новые и новые, тогда мы имели бы в нашем представлении одновременную сумму тонов, но не последовательность тонов. Здесь не было бы никакого различия с тем, что все эти звуки звучали бы одновременно. Или другой пример: если бы в случае движения движущееся тело удерживалось бы в сознании в каждом конкретном положении без всяких изменений, тогда пробегаемое пространство являлось бы нам непрерывно заполненным, но мы не имели бы представления движения. К представлению последовательности приходят лишь благодаря тому, что предыдущие ощущения не пребывают в сознании неизменными, но специфическим образом изменяются, и притом непрерывно изменяются от момента к моменту. При переходе в фантазию ощущение получает постоянно изменяющийся временной характер, и содержание является в каждый последующий момент все более и более отодвинутым в прошлое. Эта модификация не является более делом ощущения, на него не действует раздражение. Раздражение производит содержание представления в настоящем. Если исчезает раздражение, то исчезает и ощущение. Но ощущение само теперь становится творческим:

оно производит равное или почти равное себе по содержанию и обогащенное временным характером представление фантазии (Phantasievorstellung). Это представление опять пробуждает новое, непрерывно к нему присоединяющееся представление и т. д. Это постоянное присоединение темпорально модифицированного представления к данному представлению Brentano называет «первичными ассоциациями». В качестве следствия своей теории Brentano приходит к отрицанию восприятия последовательности и изменения. Мы полагаем, что слышим мелодию, а, следовательно, еще слышим только что прошедшее, между тем — это лишь видимость, вызываемая живостью первичной ассоциации.

§ 4. Получение будущего и бесконечное время

Интуитивный опыт времени (Zeitanschauung), который возникает благодаря первичной ассоциации, еще не есть представление о бесконечном времени. Интуиция времени претерпевает дальнейшее преобразование и притом не только в отношении прошлого, она приобретает совершенно новое ответвление благодаря прибавлению будущего. Основываясь на явлении мгновенной памяти, фантазия образует представление будущего в процессе, который сходен с тем, благодаря которому мы, следуя уже известным отношениям и формам, достигаем, при определенных обстоятельствах, представлений цветов и тонов каких-то новых видов. Мелодию, которую мы слышали в определенной тональности, в соответствии с совершенно определенными качествами тона, мы можем в фантазии передать в другой тональности. При этом вполне может быть так, что мы, исходя из известных тонов, пришли бы к тонам, которых мы еще никогда не слышали. Подобным образом фантазия формирует из прошлого — представление будущего, а именно — в ожидании. Это как раз ложный взгляд, что фантазия не в состоянии предложить ничего нового, что она исчерпывает себя в повторении тех моментов, которые уже были даны в восприятии. Что, наконец, касается полного представления времени, представления бесконечного времени, то оно является формацией понятийного представления, совершенно так же, как и бесконечный ряд чисел, бес-

конечное пространство и т. п.

§ 5. Изменение представлений посредством темпоральных свойств

Согласно Brentano, нужно обратить внимание еще на одно особенно важное специфическое свойство представлений времени. Временные модусы (Zeitspezies) прошлого и будущего обладают тем своеобразием, что они изменяют элементы чувственных представлений, с которыми они связаны, но не определяют (determinieren) их, как это делают прочие модусы, присоединяющиеся к ним. Более громко звучащий тон С есть все же тон С, как и звучащий более мягко; напротив, бывший тон С не есть тон С, бывшее красное не есть красное. Темпоральные определения не детерминируют, но существенно изменяют, совсем как определения «представленный», «желаемый» и т. п. Представленный талер, возможный талер — не есть талер. Только определение «теперь» является исключением. Существующее теперь А есть действительное А. Настоящее не изменяет, но оно так же не определяет. Если я добавлю к представлению человека Теперь, то человек вследствие этого не получает никакого нового признака, т. е. никакого признака по отношению к нему не указывается. В восприятии ничего не прибавляется к качеству, интенсивности и пространственной определенности вследствие того, что оно представляет нечто как Теперешнее. По Brentano, модифицирующие предикаты времени ирреальны, реально только определение Теперь. Примечательно при этом то, что ирреальные временные определения могут принадлежать к непрерывному ряду вместе с одной единственной действительно реальной определенностью, к которой они присоединяются бесконечно малыми порциями. Реальное Теперь все снова и снова становится нереальным. Если задать вопрос, каким образом реальное может стать нереальным посредством присоединения модифицирующих темпоральных определений, то нельзя дать иного ответа чем этот: к каждому Возникновению и Прекращению, которое имеет место в настоящем, определенным образом присоединены в качестве необходимого следствия темпоральные определения соответствующего вида. Ибо все, что

есть, станет (и это очевидно и само собой понятно, вследствие того, что оно есть), бывшим, и есть, вследствие того, что оно есть, будущее бывшее (ein zukunftig Gewesenes).

§ 6. Критика

Переходя к критике представленной теории, мы должны прежде всего спросить: чего она достигает и чего она хочет достичь. Очевидно, движется она не на той основе, которую мы выявили как необходимую для феноменологического анализа сознания времени: она работает с трансцендентными предпосылками, с существующими временными объектами, которые посредством раздражения вызывают в нас ощущения и т. п. Она, таким образом, являет себя в качестве теории психологического происхождения представления времени. Одновременно, однако, она содержит в себе частично теоретико-познавательные соображения об условиях возможности сознания объективной временности, которое само является и должно быть способно являться как временное. Сюда же относится и критическое рассмотрение своеобразий предикатов времени, которые должны соотноситься с психологическими и феноменологическими предикатами. Эти отношения, однако, не прослеживаются далее.

Брентано говорит о законе первичной ассоциации, согласно которому к соответствующим восприятиям присоединяются представления мгновенной памяти. При этом полагается, очевидно, психологический закон новообразований психических переживаний на основе данных психических переживаний. Эти переживания принадлежат к сфере психического, они объективированы, они имеют свое время, и речь идет об их становлении и порождении в этом становлении. Все это принадлежит к сфере психологии, и нас здесь не интересует. И все же в этом рассмотрении имеется феноменологическое ядро, и только его мы будем придерживаться в последующих рассуждениях. Длительность, последовательность, изменения являются. Что же заключено в этом явлении (Ersheinen)? В последовательности, например, является некоторое «Теперь» и в единстве с ним — «прошлое». Единство сознания, которое интенционально охватывает настоящее и прош-

лое, есть феноменологическое данное. Вопрос теперь в том, действительно ли, как утверждает Брентано, прошлое является в этом сознании в модусе фантазии.

Там, где Брентано говорит о получении будущего, он различает первичный интуитивный опыт времени (Zeitan-schauung), который он считает творением первичной ассоциации, и более широкую интуицию времени, которая также возникает из фантазии', но не из первичной ассоциации. Мы можем так же сказать: интуитивному опыту времени противопоставит несобственное представление времени, представление бесконечного времени, времен и временных отношений, которые не реализованы созерцательно. Здесь в высшей степени удивительно, что в своей теории интуитивного опыта времени Брентано совершенно не принял в расчет бросающиеся в глаза различия между восприятием времени и фантазией времени, различия, которых он не мог не увидеть. Пусть он даже отказывается говорить о восприятии временного (за исключением Теперь-точки как границы между прошлым и будущим): но все же нельзя отрицать различия, которое дает нам возможность говорить о восприятии последовательности и о воспоминании некогда воспринятой последовательности (или так же фантазии последовательности), и это различие нужно как-то объяснить. Если уже первичная интуиция времени есть продукт фантазии, что же отличает тогда эту фантазию временного от той фантазии, в которой осознается бывшее временное (Zeitliches), т. е. такое, которое не принадлежит к сфере первичной ассоциации, не соединено в одном сознании с текущим восприятием, но которое некогда составляло единство с прошедшим восприятием? Если воспроизведение вчера пережитой последовательности означает воспроизведение первично пережитого вчера временного поля, и это последнее уже предстает как континуум первично ассоциированных фантазий, то мы бы должны теперь иметь дело с фантазией фантазии. Мы наталкиваемся здесь на непреодоленные трудности брентановской теории, которые ставят под вопрос верность его анализа первичного сознания времени." На то, что

Фантазия охватывает здесь все воспроизводящие акты, не употребляется в качестве противоположности полагающим актам. Соответствующий позитивный подробный анализ ср. §19, с. 49 ел.

он не смог справиться с этими трудностями, указывают, кроме этого, еще и другие недостатки.

Брентано не разделяет акт и содержание, или акт, содержание схватывания и схваченный предмет. Мы, однако, должны прояснить себе, на чей счет следует отнести временной момент. Если первичная ассоциация присоединяет постоянную последовательность представлений к каждому восприятию, и вследствие этого создается временной момент, то мы должны спросить: что это за момент? Принадлежит ли он к свойству акта, как сущностное его отличие, или к содержаниям схватывания, скажем, к чувственным содержаниям, если мы, например, рассматриваем цвета и тоны в их временном бытии. Согласно учению Брентано, представление как таковое не допускает никаких дифференциаций, и, если отвлечься от их первичных содержаний, между представлениями как таковыми нет никаких различий, и только, остается, что к первичным содержаниям восприятия снова и снова непрерывно присоединяются фантазмы, равные качественно, но уменьшающиеся по интенсивности и полноте. При этом параллельно фантазия присоединяет новый момент, временной. Эти рассуждения неудовлетворительны в различных аспектах. Свойства времени, последовательность и длительность мы обнаруживаем не только в первичных содержаниях, но так же и в схватываемых объектах и в схватывающих актах. Анализ времени, который ограничивается одним уровнем, недостаточен, он должен, скорее, следовать всем уровням конституирования.

Давайте, однако, воздержимся от всех трансцендирующих истолкований и постараемся провести в отношении имманентных содержаний ту точку зрения, согласно которой темпоральную модификацию следует понимать как привхождение момента, называемого темпоральным моментом, переплетающегося с совокупностью прочих содержаний — с качеством, интенсивностью и т. п. Пусть именно теперь зазвучал переживаемый нами тон А, пусть он возобновляется первичной ассоциацией и его содержание непрерывно удерживается. Однако это означало бы: тон А совсем не является истекшим (во всяком случае до того, как уменьшится его интенсивность), но остается настоящим. Все различие состояло бы в том, что ассоциация должна быть к тому же творческой и прибавлять но-

вый момент, называемый «прошлым». Этот момент содержит в себе градации (*stuft sich ab*) и непрерывно изменяется и, в соответствии с этим, А есть более или менее прошлое. Таким образом, прошлое, насколько оно попадает в сферу первичного интуитивного опыта времени, должно было бы быть одновременно настоящим. Временной момент «прошлое» должен был бы быть настоящим моментом переживания в том же самом смысле, как момент «красное», который мы актуально переживаем — что, однако, является все же очевидной бессмыслицей.

Возможно, возразят: само А есть нечто прошедшее, однако в сознании, благодаря первичной ассоциации, существует новое содержание А со свойством «прошлое». Между тем, если в сознании постоянно присутствует тождественное [себе] содержание А, пусть даже с некоторым новым моментом, то тогда ведь А не есть прошлое А, но оно длится; таким образом, оно есть теперь настоящее и постоянно настоящее, и вместе с новым моментом «прошлое» — настоящее и прошлое в одном. — Но благодаря чему мы узнаем, что А было ранее, было уже до бытия (*Dasein*) этого настоящего? Откуда получаем мы идею прошлого? Присутствие А в сознании в качестве настоящего, благодаря прибавлению нового момента, (пусть мы его и назовем моментом прошлого) трансцендирующее сознание не может прояснить [заявлением]: это есть прошлое А. Оно не в состоянии дать ни малейшего представления о том, что то, что я имею теперь в сознании в качестве А с его новым свойством, идентично чему-то, чего теперь нет в сознании, но было в нем. — Что же представляют собой пережитые теперь моменты первичной ассоциации? Суть ли они сами времена? Тогда мы приходим к противоречию: все эти моменты существуют теперь, они заключены в одном и том же сознании предмета, они, таким образом, одновременны. И все же последовательность времени исключает одновременность. Быть может, это не сами темпоральные моменты, но, скорее, признаки темпорального? Однако в этом случае у нас есть только новое слово, сознание времени еще не проанализировано, еще не прояснено, как на основе таких признаков конституируется сознание прошлого, в каком смысле и каким образом, благодаря каким схватываниям эти пережитые моменты функционируют иначе, чем моменты качества, и функционируют та-

АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ

ким образом, что осуществляется отнесенность сознания Теперь к не-Теперь.

Весьма сомнительной является так же попытка представить прошедшее как нереальное, несуществующее. Привходящий психический момент не может все же создавать ирреальность, не может устранять существование в настоящем. В самом деле, вся область первичных ассоциаций есть настоящее и реальное (geell) переживание. К этой области принадлежит весь ряд произведенных первичной ассоциацией первичных временных моментов вместе с прочими моментами, которые принадлежат к временному предмету.

Таким образом, мы не можем считать удовлетворительным анализ сознания времени, который стремится прояснить интуитивную временную протяженность только через непрерывные градации новых моментов, которые каким-то образом прибавляются или вплавляются в те моменты содержания, которые конституируют темпорально локализованную предметность. Короче говоря, сама временная форма не есть ни временное содержание, ни комплекс новых содержаний, каким-либо образом присоединяющихся к временному содержанию. И если Brentano все же не впал в ошибку, на манер сенсуализма, сведения всех переживаний к простым первичным содержаниям, и даже был первым, кто усмотрел радикальное различие первичных содержаний и свойств актов, то все же, как показывает его теория времени, он как раз не принял в расчет свойства актов, которые являются решающими для этой теории. - Вопрос о том, как возможно сознание времени, и как его следует понимать, остается нерешенным.

§ 7. Истолкование схватывания временных объектов как мгновенного схватывания или как длящегося акта

В Brentanовском учении действует в качестве побудительного мотива мысль, которую выдвинул Герbart и воспринял Lotze, и которая играла большую роль во всем последующем периоде времени: а именно, что для схватывания последовательности представлений (например, а и б) необходимо, чтобы они были абсолютно одновременными объектами некоторого связующего знания (Wissen), которое объединяло бы их совершенно нераздельно друг от друга в одном единственном и неделимом акте. Все представления пути, перехода, отдаления, короче говоря, все те представления, которые содержат некоторое сравнение многих элементов и выражают отношения между ними, могут быть мыслимы только в качестве продукта вневременного охватывающего [их] знания. Они все были бы невозможны, если само представление растворилось бы во временной последовательности. С этой точки зрения, кажется очевидным и даже неизбежным допущение, что созерцание временной протяженности имеет место в некотором Теперь, в некоторой временной точке. Вообще, кажется само собой разумеющимся, что каждое сознание, которое подступает к какой-либо целостности, к какой-либо множественности различимых моментов (следовательно, каждое сознание отношений или комплексов), стягивает свой предмет в некоторую неделимую временную точку; каждый раз, когда сознание направлено на целое, части которого последовательны, оно может быть созерцательным сознанием этого целого только тогда, когда части как репрезентанты сходятся в единстве мгновенного созерцания.

Против этой «догмы моментальности сознания целого»

5

10

15

20

2j

2a

25

30

35

(как он ее называет) У. Штерн выдвинул возражение*. [Он полагает] что существуют случаи, в которых схватывание осуществляется лишь на основе темпорально протяженного содержания сознания, растягивается по временному интервалу (Zeitstrecke) (так называемое «время присутствующего» (Präsenzzeit). Так, например, дискретная последовательность может быть целиком удержана посредством связующего сознания, посредством единого акта схватывания без ущерба для неодновременности ее членов. То, что множество следующих друг за другом тонов образуют мелодию, возможно лишь вследствие того, что последовательность психических процессов объединяется «без церемоний» в один целостный образ. Они существуют в сознании друг за другом, но они оказываются в пределах одного и того же целостного акта. Мы не имеем, конечно, все тоны сразу, и мы слышим мелодию не благодаря тому обстоятельству, что при [звучании] последнего [тона] длятся еще предыдущие, но тоны образуют единство последовательности с общим воздействием формы схватывания. Естественно, это воздействие завершается лишь вместе с последним тоном. Соответственно, имеет место восприятие темпорально последовательных единств, точно так же, как со-
 5
 10
 15
 20
 25
 30
 35

существующих (во времени), а затем также — и непосредственное схватывание идентичности, равенства, подобия, различия. «Не требуется искусственного допущения, что сравнение осуществляется всегда вследствие того, что рядом со вторым тоном существует образ памяти первого; скорее, все в целом содержание сознания, которое разворачивается внутри времени присутствующего (Präsenzzeit), становится равномерно основой образующихся схватываний равенства и различия».

То, что в этих рассуждениях и во всей, связанной с ними дискуссии препятствует прояснению обсуждаемых проблем — это отсутствие совершенно необходимых различий, которое мы обнаружили уже у Brentano. Остается все-таки вопрос, каким образом следует понимать схватывание трансцендентных временных объектов, которые распространяются по длительности, наполняя ее непрерывным тождеством (как не-

*Psychische Präsenzzeit». Zeitschrift für Psychologie, Bd. XIII (1897), S. 325 ff. Ср. также: W. Stern. Psychologie der Veränderungsauffassung, 1898.

изменяющиеся вещи) или постоянным изменением (например, процессы в вещах, движение, изменение и т. п.)? Объекты этого рода конституируются в многообразии имманентных данных и схватываний, которые сами протекают как последовательность. Возможно ли объединить в одном Теперь-моменте эти, друг за другом протекающие, репрезентирующие данные? И затем возникает совершенно новый вопрос: каким образом наряду с «временными объектами», имманентными и трансцендентными, конституируется само время, длительность и последовательность объектов?

Эти различные направления описания (которые упомянуты здесь только бегло и требуют еще дальнейшей дифференциации) не должны в этом анализе упускаться из виду, хотя эти вопросы тесно взаимосвязаны и не могут быть разрешены друг без друга. Ведь очевидно, что восприятие временного объекта само обладает временностью, что восприятие самой длительности предполагает длительность восприятия, что восприятие любой временной формы (Zeitgestalt) само обладает своей временной формой. И если мы не будем принимать во внимание никаких трансценденций, то у восприятия останется, в соответствии со всеми его феноменологическими конституентами, его феноменологическая временность, которая принадлежит его неустранимой сущности. Так как объективная временность каждый раз конституируется феноменологически, и только благодаря этому конституированию присутствует для нас в сфере явлений (erscheinungsmässig) как объективность или момент объективности, то феноменологический анализ времени не может прояснить конституирование времени без обращения к конституированию временных объектов. Под временными объектами в данном контексте мы понимаем объекты, которые не только представляют собой единства во времени, но содержат также в себе временное протяжение. Когда звучит тон, то мое объективирующее схватывание может сделать своим предметом тон, который здесь длится и замолкает, а не длительность тона или тон в его длительности. Последний как таковой есть временной объект. То же самое верно и в отношении мелодии и любого изменения, да и для всякой устойчивости (Verharren), рассматриваемой как таковой. Возьмем в качестве примера мелодию или связную часть мелодии. Все это кажется поначалу весьма простым: мы слы-

5

10

15

20

25

30

35

5

10

15

20

25

30

35

шим мелодию, т. е. ее воспринимаем, ибо ведь слушание есть восприятие, И вот звучит первый тон, приходит второй, затем третий и т. д. Не должны ли мы сказать: когда звучит второй тон, то я слышу его, однако я более не слышу первого и т. д. Следовательно, я слышу на самом деле не мелодию, но отдельный теперешний тон. То, что истекшая часть мелодии для меня является предметной, мы склонны объяснять воспоминанием, и то, что при каждом приходящем тоне мы не полагаем, что это уже все [вся мелодия] — предвосхищающим ожиданием. Однако это объяснение не может нас удовлетворить, ибо все сказанное можно отнести и к отдельному тону. Каждый тон сам имеет временное протяжение. Когда раздается звук я слышу его как теперь, при дальнейшем звучании он обладает потоянно новым Теперь, и каждое предыдущее Теперь превращается в прошлое. Следовательно, я каждый раз слышу только актуальную фазу тона, и объективность всего длящегося тона конституируется в континууме акта, который частью является воспоминанием, в своей наименьшей, точечной части — восприятием, а в более обширной части — ожиданием. Это, кажется, возвращает нас к брентановскому учению. Здесь нужен более глубокий анализ.

§ 8. Имманентные временные объекты и их модусы явления

Мы исключаем теперь любое трансцендентное схватывание и полагание и берем тон как чисто гилетическое данное. Он начинается и прекращается, и все его единство длительности, единство всего процесса, в котором он начинается и заканчивается, «отодвигается» после окончания во все более отдаленное прошлое. В этом погружении в прошлое я еще прочно его удерживаю, имею в ретенции, и пока она сохраняется, он обладает своей собственной временностью, он тот же самый, его длительность — та же самая. Я могу направить внимание на его модусы бытия данности (Gegebensein). Он и длительность, которую он наполняет, осознаются в непрерывности «модусов», в «постоянном потоке»; и определенная точка, определенная фаза этого потока называется «сознание начинающегося тона», и в нем первая временная точка длительности

тона осознается в модусе Теперь. Тон дан, т. е. он осознается как теперешний; однако, он осознается как теперешний, «пока» какая-либо из его фаз осознается как теперешняя. Если, однако, какая-либо временная фаза (соответствующая некоторой временной точке длительности тона) есть актуальное Теперь (исключая начальную фазу), то непрерывность фаз осознается как «прежде», и весь интервал временной длительности от начальной точки до Теперь-точки осознается как истекшая длительность, остальной же интервал длительности еще не осознается. В конечной точке эта последняя сама осознается как Теперь-точка, и вся длительность осознается как истекшая (или так происходит в начальной точке нового промежутка времени, который больше не есть тональный промежуток). Во время всего этого потока сознания один и тот же тон осознается как длящийся. «До этого» (не считая случая, когда он ожидался) он не осознается. «После этого» он «еще» осознается «некоторое время» в ретенции как бывший, он может быть удержан в фиксирующем взгляде как устойчивый и пребывающий. Весь интервал длительности тона или «определенный» («der») тон в его распространении предстает тогда как нечто, так сказать, мертвое, более не производящее себя жизненно, как структура, не одушевленная производящей точкой Теперь, [структура], которая, однако, постоянно модифицируется и погружается в «пустоту». Модификация всей протяженности тогда аналогична и по существу тождественна той модификации, которую претерпевает во время актуального периода (длительности) истекшая часть длительности при переходе сознания к постоянно новому продуцированию.

То, что мы здесь описали, есть тот способ, каким «является» имманентно-временной объект в постоянном потоке, как он «дан». Описать это способ, не означает описать саму являющуюся временную длительность. Ибо это есть тот же самый [не сводимый к модусам данности] тон вместе с присущей ему длительностью, который, хотя и не был описан, но предполагался в описании. Та же самая длительность есть теперешняя, актуально себя выстраивающая длительность, а затем прошедшая, «истекшая» длительность, еще осознаваемая, или в воспоминании «как бы» заново созданная длительность. Тот же самый тон, который теперь звучит, есть то, что в «более позднем» потоке сознания обозначается: он есть бывший, его

длительность истекла. Точки временной длительности удаляются для моего сознания аналогично тому, как точки покоящегося в пространстве предмета удаляются для моего сознания, когда я отдаляю «себя» от предмета. Предмет сохраняет свое место, точно так же сохраняет тон свое время, каждая точка обладает устойчивостью, однако она уплывает в дали сознания, расстояние от производящего Теперь становится все больше. Сам тон — тот же самый, но тон «в модусе как» он является — всегда другой.

§ 9. Сознание явлений имманентных объектов

При более внимательном рассмотрении мы можем различить здесь еще другие направления описания:

1. У нас могут быть очевидные высказывания об имманентном объекте самом по себе: то, что он теперь длится, что определенная часть длительности протекла, что схватываемая в Теперь точка длительности тона (конечно, вместе с его тональным содержанием) постоянно погружается в прошлое, и постоянно новая точка длительности приходит в Теперь или есть теперь, что истекшая длительность отдаляется от актуальной Теперь-точки, которая непрерывно каким-либо образом заполнена и движется во все более отдаленное прошлое и т.д.

2. Мы можем также говорить о способе, которым «осознаются» все такие различия явления имманентного тона и его содержания длительности. Мы заняты входящей в актуальное Теперь тональной длительностью восприятия и говорим, что тон, длящийся тон, воспринят, и каждый раз в полной мере собственно воспринята из интервала длительности тона только точка, характеризующаяся как Теперь. Об истекших интервалах мы говорим: они осознаются в ретенциях, и притом не строго разграниченные части или фазы длительности, которые находятся в окрестности актуальной Теперь-точки, осознаются с уменьшающейся степенью ясности; более отдаленные фазы, лежащие еще далее в прошлом, осознаются совершенно неясно, как пустые. И точно так же после протекания всей длительности: по мере отдаления от актуального Теперь близлежащее к нему обладает еще некоторой ясностью, тогда

как целое исчезает во мраке, в пустом ретенциальном сознании, и исчезает в конце концов полностью (если можно так утверждать), как только прекращается ретенция'. При этом мы находим в ясной сфере большую отчетливость и различенность (и тем большую, чем ближе она лежит к актуальному Теперь). Чем дальше мы отдаляемся от Теперь, тем большая обнаруживается расплывчатость и слитность. Рефлексивное погружение в единство расчлененного процесса позволяет нам наблюдать за тем, что артикулированная часть процесса при погружении в прошлое «сжимается» — вид временной перспективы (внутри первичного временного явления), аналогичный пространственной перспективе. Когда временной объект движется в прошлое, он сжимается и становится одновременно смутным.

Теперь необходимо подробнее исследовать то, что мы можем здесь обнаружить и описать как феномен темпорально конституирующего сознания, сознания, в котором конституируются временные предметы с их временными определенностями. Мы различаем длящийся имманентный объект и объект в определенном модусе (Objekt im Wie), осознанный как настоящий или как прошедший. Любое темпоральное бытие «является» в каком-либо и непрерывно изменяющемся модусе протекания, и «объект в модусе протекания» всегда в этом изменении иной, в то время как мы все же говорим, что объект и каждая точка его времени и само это время суть одни и те же. Это явление, «объект в модусе протекания», мы не можем назвать сознанием (также и пространственный феномен, тело в определенном модусе (im Wie) явления — с той или другой стороны, ближе или дальше — мы не можем назвать сознанием). «Сознание», «переживание» относится к своему объекту посредством явления, в котором предстает именно «объект в определенном модусе». Мы должны понять, очевидно, что об «интенциональности» речь может идти в двух смыслах, смот-

Было бы естественно провести параллель между модусами явления и модусами сознания временных объектов и модусами, в которых является и осознается пространственная вещь при изменяющейся ориентации; далее рассмотреть «временные ориентации», в которых являются пространственные вещи (которые одновременно суть временные объекты). Все же пребываем мы пока в имманентной сфере.

ря по тому, имеем ли мы в виду отношение явления к являющемуся или отношение сознания, с одной стороны, к «являющемуся в определенном модусе», а с другой — к просто являющемуся.

§ 10. Континуумы феноменов протекания. Диаграмма времени

В отношении феноменов, которые конституируют имманентные временные объекты, мы лучше не будем говорить о явлениях, ибо эти феномены сами суть имманентные объекты и суть «явления» совершенно в другом смысле. Мы говорим здесь о «феноменах протекания» (Ablaufphänomenen), или еще лучше — о «модусах временной ориентации», а в отношении самих временных объектов — об их характере протекания (напр., Теперь, Прошлое). О феномене протекания мы знаем, что это есть непрерывность постоянных изменений, образующая неразрывное единство, которое нельзя разделить на участки, которые могли бы существовать сами по себе, на фазы, которые могли бы существовать сами по себе, на точки в непрерывности. Части, которые мы абстрактно выделяем, могут существовать только в целостном протекании, и точно так же фазы, точки непрерывности протекания. Мы можем сказать с очевидностью об этой непрерывности, что она определенным образом по своей форме неизменна. Немыслимо, чтобы непрерывность фаз была бы такой, что содержала бы дважды один и тот же модус фазы, не говоря уже о том, чтобы такой модус тянулся вдоль целого участка. Так же как временная точка (или каждый временной промежуток) отличается от другой, так сказать, индивидуально, и ни одна [точка] не может иметь место дважды, так и никакой модус протекания не может иметь место дважды. И все же мы должны будем провести дальнейшие различия и дать более точные определения. Прежде всего мы отмечаем, что модусы протекания имманентного временного объекта имеют начало, так сказать, точку-источник. Это есть тот модус протекания, вместе с которым начинается существование имманентного объекта. Он характеризуется как Теперь. В непрерывном продолжении модусов протекания находим мы затем такое примечательное свойст-

во, что каждая последующая фаза протекания сама есть непрерывность, постоянно расширяющаяся непрерывность прошлого. С непрерывностью модусов протекания длительности объекта мы сопоставляем непрерывность модусов протекания каждой точки длительности, которая, само собой разумеется, заключена в непрерывности тех первых модусов протекания: таким образом, непрерывность протекания длящегося объекта есть континуум, фазы которого суть непрерывности модусов протекания различных временных точек длительности объекта. Если мы идем вдоль конкретной непрерывности, то мы продвигаемся в [сфере] постоянных изменений, и здесь постоянно изменяется модус протекания, то есть, непрерывность протекания соответствующих временных точек. Поскольку приходит постоянно новое Теперь, изменяется это Теперь в прошлое, и при этом вся непрерывность протекания прошлых [позиций] предшествующей точки движется равномерно «вниз», в глубину прошлого. На нашей схеме сплошная горизонтальная линия иллюстрирует модусы протекания длящегося объекта. Они простираются от точки А на некоторый определенный промежуток, который имеет в качестве конечной точки последнее Теперь.

10

ij

20

25

3°

35

10

20

Затем начинается линия модусов протекания, которые более не содержат Теперь (этой длительности), длительность не есть более актуальная длительность, но прошедшая и все глубже погружающаяся в прошлое. Схема дает таким образом полный образ двойной непрерывности модусов протекания.

§ 11. Первичное впечатление (Urimpression) и ретенциальная модификация

«Точка-источник», начиная с которой начинается «производство» длящегося объекта, есть первичное впечатление. Это сознание схватывается в постоянном изменении: постоянно изменяется живое тональное Теперь (Ton-Jetzt) (как осознующееся (bewusstmässig), «в» сознании) в [нечто] бывшее; все новое тональное Теперь постоянно сменяет [Теперь], перешедшее в модификацию. Однако, когда сознание тонального Теперь, первичное впечатление, переходит в ретенцию, то сама эта ретенция опять-таки есть Теперь, есть актуально существующее. В то время как она сама актуальна (но не актуальный Тон), она есть ретенция бывшего тона. Внимание может быть направлено на Теперь: на ретенцию; оно может, однако, быть направлено на ретенциально осознанное: на прошедший тон. Каждое актуальное Теперь сознания подлежит однако закону модификации. Оно изменяется в ретенцию (von) ретенции, и так постоянно. Соответственно этому, образуется такой устойчивый континуум ретенций, что каждая последующая точка есть ретенция для каждой предыдущей. И каждая ретенция есть уже континуум. Тон вступает, «он» продолжается устойчивым образом. Тональное Теперь (das Ton-Jetzt) превращается и бывшее тональное Теперь (Ton-Gewesen), импрессиональное сознание текучим образом постоянно переходит во все новое ретенциальное сознание. Идя вдоль потока, или вместе с ним, мы имеем постоянный, относящийся к начальной точке ряд ретенций. Кроме того, каждая предыдущая точка этого ряда в качестве некоторого Теперь оттеняется опять-таки в смысле ретенции. К каждой из этих ретенций присоединяется, таким образом, непрерывность ретенциальных изменений, и эта непрерывность сама есть опять-таки точка актуальности, которая оттеняется ретенци-

ально. Это не ведет к простому бесконечному регрессу, так как каждая ретенция есть в себе непрерывная модификация, которая, так сказать, несет в себе наследие прошлого, принимая форму рядоположенности оттенков. Дело обстоит не так, что в продольном измерении потока каждая предыдущая ретенция заменяется новой, даже пусть это происходит постоянно. Скорее, каждая последующая ретенция есть не просто непрерывная модификация, исходящая из первичного впечатления, но непрерывная модификация всех предыдущих непрерывных модификаций той же самой начальной точки.

До сих пор мы рассматривали преимущественно восприятие, или первичное конституирование временных объектов, и пытались аналитически понять данное в них сознание времени. Сознание временности, однако, осуществляется не только в этой форме. Когда истек временной объект, когда актуальная длительность уже миновала, то при этом ни в коем случае не исчезает сознание уже теперь прошедшего объекта, хотя оно уже более не функционирует как воспринимающее, или, лучше сказать, импрессиональное сознание. (При этом мы удерживаем как и прежде в нашем внимании имманентные объекты, которые не конституируются собственным образом в «восприятии»). К «впечатлению» присоединяется первичная память, или, как мы говорили, ретенция. В основном мы уже проанализировали этот модус сознания в рассмотренном ранее случае. Ибо непрерывность фаз, которая присоединялась к каждому «Теперь», была ничем иным, как такой ретенцией, или непрерывностью ретенций. В случае восприятия временного объекта (для нынешнего рассмотрения не играет никакой роли, возьмем мы имманентный или трансцендентный) оно имеет границу каждый раз в схватывании Теперь, в восприятии в смысле Как-Теперь-полагания (Als-Jetzt-Setzung). Когда воспринимается движение, то имеет место момент за моментом некоторое Как-Теперь-схватывание, в нем конституируется актуальная Теперь-фаза самого движения. Но это Теперь-схватывание есть как бы ядро кометного хвоста ретенции, к которому отнесены предыдущие Теперь-точки движения. Если, однако, восприятие более не имеет места, если мы более не видим движения или — если речь идет о мелодии — мелодия сыграна и наступила тишина, то к последней фазе присоединяется не новая фаза восприятия, но только фаза

свежей памяти, к последней снова таковая и т. д. При этом происходит непрерывно отодвигание в прошлое, один и тот же непрерывный комплекс подвергается далее модификации, вплоть до исчезновения; ибо вместе с модификацией идет рука об руку ослабление, которое в конечном итоге завершается неощутимостью. Первичное временное поле очевидно ограничено, точно так же, как и при восприятии. Да в общем и целом можно было бы отважиться на утверждение, что временное поле имеет всегда то же самое расширение. Оно перемещается как бы поверх воспринятого и схваченного сразу же в памяти движения и его объективного времени, подобно тому, как поле зрения — поверх объективного пространства. ' 5 10

§ 12. Ретенция как специфическая интенциональность

Остается еще рассмотреть подробнее, каков вид модификации, которую мы обозначили как ретенциальную. Когда восприятие в собственном смысле переходит в ретенцию, то говорят о том, что содержания ощущений затихли, побледнели и т. д. Теперь же, согласно предыдущим рассуждениям, ясно, что ретенциальные «содержания» — это совсем не содержания в первичном смысле. Когда тон затихает, то он сам ощущается с особой полнотой (интенсивностью), и к этому присоединяется быстрое ослабление интенсивности. Тон еще здесь, еще ощущается, но только как отзвук. Это истинное ощущение тона следует отличать от тонального момента в ретенции. Ретенциальный тон не есть настоящий, но именно «первично вспомненный» в Теперь: он не наличествует реально (reell) в ретенциальном сознании. Тональный момент, который принадлежит этому сознанию, не может быть реально (reell) наличествующим другим тоном, а так же очень слабым, качественно равным тоном (как отзвук). Причем, настоящий тон может напоминать о прошедшем тоне, представлять его (darstellen), формировать его образ, однако это уже предполагает 20 25 30 35

Диаграмма не принимает в расчет ограниченность поля зрения. Там не предусматривается никакого окончания ретенции, и, пожалуй, *идеально* возможно так же сознание, в котором все остается удержанным ретенциально.

другое представление прошлого (Vergangenheitsvorstellung). Сам интуитивный опыт прошлого (Vergangenheitsanschauung) не может быть процессом формирования образа. Этот опыт есть первичное сознание. 5

Нельзя, конечно, отрицать, что существуют отзвуки (Nachklänge). Но там, где мы их распознаем и различаем, там мы можем вскоре констатировать, что они принадлежат, пожалуй, не к ретенции как таковой, но к восприятию. Отзвук скрипичного тона есть именно более слабый настоящий скрипичный тон, и совершенно отличается от ретенции только что бывшего громкого тона. Сам отзвук, последующие образы (Nachbilder) вообще, которые остаются более слабыми, чем данности ощущений, никак не соотносятся с сущностью ретенции, не говоря уже о том, чтобы они могли бы быть причислены к этой сущности с необходимостью. Однако к сущности интуитивного опыта времени (Zeitanschauung) принадлежит, пожалуй, то, что в каждой точке своей длительности (последнюю мы можем сделать предметом рефлексии) это есть сознание только что бывшего (vom eben Gewesenen), а не только сознание Теперь-точки предметности, являющейся в качестве длящейся. И в этом сознании только что бывшее осознается в надлежащей непрерывности и в каждой фазе — в определенном «модусе явления» (Erscheinungsweise) вместе с различиями «содержания» и «схватывания». Обратите внимание на только что прозвучавший [свист] парового свистка: в каждой точке здесь имеет место расширение, и в расширении — «явление», которое в каждой фазе этого расширения имеет свой момент качества и момент схватывания. С другой стороны, момент качества не есть реальное (reell) качество, это не тон, который был бы реально теперь, т. е. тон, о котором можно было бы говорить как о теперь существующем, даже если иметь в виду имманентное содержание тона. Реальное содержание (Gehalt) Теперь-сознания содержит в соответствующем случае ощущаемые тоны, которые затем в объективирующем схватывании следует с необходимостью обозначить как воспринятые, как настоящие, однако, никоим образом, не как прошлые. Ретенциальное сознание реально содержит сознание прошлого (относительно) тона, первичную память тона, и его нельзя разлагать на ощущаемый тон и схватывание в качестве памяти. Так же как тон-фантазия есть не тон, но фанта- 10 15 20 25 30 35

зия тона, или, так же как тон-фантазия и тон-ощущение есть нечто принципиально различное, а вовсе не тождественное, которое лишь интерпретируется и схватывается различным образом: точно так же первично интуитивно вспомненный тон есть нечто принципиально иное, чем воспринятый, или, первичная память (ретенция) тона есть нечто иное, чем ощущение тона.

§ 13. Необходимость предшествования впечатления по отношению к любой ретенции. Очевидность ретенции

Существует ли теперь такая закономерность, что первичная память возможна только в непрерывном присоединении к предшествующему ощущению, или восприятию, что каждая ретенциальная фаза мыслима только как фаза, т. е. не должна расширяться до некоторой протяженности, в которой все фазы были бы тождественными? Надо решительно сказать: это всецело очевидно. Психолог, принимающий эмпирическую позицию, т. е. тот, кто привык рассматривать все психическое как чистую фактичность, будет это, конечно, отрицать. Он скажет: почему нельзя помыслить начинающее [свою деятельность] сознание, которое начинается с некоторого, живого воспоминания, без того, чтобы ей предшествовало восприятие? Пусть фактически восприятие необходимо для создания отчетливой памяти. Пусть фактически будет так, что человеческое сознание может иметь воспоминания, так же и первичные, лишь после того, как оно имело восприятия, но мыслимо так же и обратное. В противоположность этому мы учим об априорной необходимости предшествования соответствующего восприятия, или первичного впечатления, в отношении ретенции. Прежде всего нужно настаивать на том, что фаза мыслима только как фаза и без возможности расширения. И Теперь-фаза мыслима только как граница непрерывности ретенций, так же как каждая ретенциальная фаза сама мыслима только как точка такого континуума, и притом для каждого Теперь сознания времени. Однако и весь готовый ряд ретенций так же немислим без соответствующего предшествующего восприятия. Здесь имеет место следующее: серия ретенций, кото-

рая относится к Теперь, сама есть граница и с необходимостью изменяется, вспомненное «погружается все далее в прошлое», но не только это — оно необходимо есть нечто погруженное, нечто, что с необходимостью допускает очевидное воспроизведение в памяти (*Wiedererinnerung*), которое ведет назад к воспроизводимому Теперь.

Однако теперь скажут: разве не могу я иметь память, и даже первичную, относительно А, в то время как в действительности А совсем не имело места? Конечно. И более того. Я даже могу обладать восприятием А, в то время как А в действительности не имеет места. Но мы утверждаем в качестве очевидного не то, что, если мы обладаем ретенцией А (при условии, что А есть трансцендентный объект), то А должно предшествовать, но, пожалуй, то, что А должно было быть воспринятым. Было ли первично на него направлено внимание или нет, оно наличествовало в сознании как живое, даже если в осознании оно специально не было выделено или выделено наряду с другим. Если, однако, речь идет об имманентном объекте, то это означает: если последовательность, смена, изменение имманентных данных «являются», то они так же абсолютно достоверны. И точно так же внутри трансцендентного восприятия абсолютно достоверна сущностно принадлежащая к его структуре имманентная последовательность¹.

По сути дела бессмысленно выдвигать следующие доводы: Каким образом я в Теперь могу знать о некоем Не-теперь, так как я не могу сравнить Не-Теперь, которого больше нет, с Теперь (а именно, с наличным в Теперь образом памяти)? Как будто к сущности памяти принадлежит то, что присутствующий в Теперь образ полагается для другой, сходной с ним вещи, и я, как при обра.шо.м представлении, мог бы и должен был бы сравнима!i). Память, или ретенция, не есть образное сознание, но нечто совершенно иное. Того, что вспоминается, нет, конечно, теперь — иначе оно было бы не бывшим, но настоящим, и в памяти (ретенции) оно не дано как теперь, иначе память, или ретенция, была бы как раз не памятью, но восприятием (или первичным впечатлением). Сравнение того, что больше не воспринимается, но только ретенциально осознает-

Ср. также различие внутреннего и внешнего восприятия §44, с. 100 ел.

ся, с чем-то вне его не имеет никакого смысла. Так же как в восприятии я усматриваю Теперь-бытие, и в расширенном восприятии (так, как оно конституируется) длящееся бытие, так же усматриваю я в памяти, поскольку она первична, прошлое, оно дано в ней, и данность прошлого есть память. Если мы теперь снова поднимем вопрос, мыслимо ли ретенциальное сознание, которое не было бы продолжением импрессионального сознания, то мы должны сказать: это невозможно, ибо каждая ретенция отсылает сама в себе к впечатлению. «Прошедшее» и «Теперь» исключают друг друга. Идентично тождественное, хотя и может быть [дано] и как теперь, и как прошлое, но только вследствие того, что оно длилось между Теперь и Прошедшим.

§ 14. Воспроизведение временных объектов (вторичная память)

Мы назвали первичную память, или ретенцию, хвостом кометы, который присоединяется к каждому восприятию. От этого строго нужно отделять вторичную память, воспоминание (*Wiedererinnerung*). После того, как первичная память исчезла, может появиться новая память этого движения, этой мелодии. Уже обозначенное различие обоих [видов памяти] нуждается теперь в более подробном прояснении. Когда к актуальному восприятию присоединяется ретенция, пусть в течении его потока восприятия, пусть в непрерывном единении после всего его протекания, то прежде всего напрашивается утверждение, как это у Brentano: актуальное восприятие конституируется на основе ощущений как презентация, первичная память — на основе фантазий как репрезентация, как воспроизведение (*Vergegenwärtigung*). И теперь в равной степени, как к восприятию непосредственно присоединяются воспроизведения, так же могут появляться воспроизведения самостоятельно, без присоединения к восприятиям, и это суть вторичные воспоминания. В отношении этого возникают, однако, серьезные сомнения (как мы уже рассматривали это в критике Brentanовской теории). Рассмотрим случай вторичной памяти: мы вспоминаем, допустим, мелодию, которую недавно слышали в концерте. Тогда очевидно, что полный фено-

мен воспоминания обладает *mutatis mutandis* точно таким же конституированием, как и восприятие мелодии. Так же как конституирование восприятия, это конституирование имеет выделенную точку: Теперь-точке восприятия соответствует Теперь-точка воспоминания. Мы пробегаем мелодию в фантазии, мы «как-будто» слышим сначала первый, затем второй тон и т. д. В каждый определенный момент некоторый тон (или некоторая фаза тона) находится в Теперь-точке. Предшествующие (тоны) не гаснут, однако, в сознании. При схватывании теперь являющегося, как бы теперь услышанного тона, сплавляется первичная память только что как бы услышанных тонов и ожидание (протекция) еще тех, которым предстоит прийти. Теперь-точка обладает для сознания опять-таки темпоральным обрамлением (*Zeithof*), которое осуществляется в непрерывности схватываний памяти, и совокупное воспоминание мелодии состоит в континууме таких континуумов темпоральных обрамлений, соответственно, континуумов схватываний описанного вида. В конечном итоге, когда представленная в памяти мелодия завершила свое протекание, к этому Как-будто-Слышанию присоединяется ретенция, некоторое время после этого звучит еще Как-будто-Услышанное, непрерывность схватывания еще здесь, но уже более не как слышимая.

Все, следовательно, [происходит] как в восприятии и первичной памяти, и все же это не само восприятие и первичная память. Мы ведь в действительности не слышим и в действительности не слышали, в то время как тон за тоном проигрывали мелодию в воспоминании и фантазии. В предшествующем случае это означало: мы действительно слышим, временной объект воспринят сам, мелодия сама есть предмет восприятия. И точно так же времена, временные определенности, временные отношения сами даны, восприняты. С другой стороны, после того, как мелодия прозвучала, мы ее более не воспринимаем как настоящую, но у нас она еще есть в сознании, она не есть теперешняя мелодия, но только что прошедшая. Ее только-что-прошедшее бытие не есть просто полагание (*Meinung*), но данный факт, самоданный, следовательно, «воспринятый». В противоположность этому, в воспоминании временное настоящее есть вспомненное, воспроизведенное настоящее, и точно так же прошлое есть вспомненное,

5

ю

20

25

3°

35

5

10

15

20

25

3°

35

воспроизведенное, но не действительно настоящее, не воспринимаемое, не первично данное и созерцаемое прошлое.

С другой стороны, само воспоминание является (ist) настоящим, первично конституируемым воспоминанием, а затем — только что бывшим. Оно выстраивается в континууме первичных данных и ретенций и конституирует (или скорее, реконституирует) при этом единство имманентной или трансцендентной длящейся предметности (смотря по тому, направлено ли оно имманентно или трансцендентно). Ретенция, напротив, не производит никакой длящейся предметности ни первично, ни репродуктивно, но только удерживает в сознании произведенное и придает ему характер «только что прошедшего».

§ 15. Модусы осуществления репродукции

Воспоминание может встречаться в различных формах осуществления. Мы осуществляем его или в простом подхватывании (Zugreifen), когда воспоминание «всплывает», и мы направляем на вспомненное некоторый луч взгляда, при этом вспомненное смутно, возможно [оно] предъявляет для созерцания предпочитаемую моментальную фазу, и не есть повторяющееся воспоминание. Или же мы осуществляем действительно вос-производящее (nacherzeugende), повторяющее воспоминание, в котором временной предмет снова полностью выстраивается в континууме воспроизведений (Vergegenwärtigungen), мы его как бы снова воспринимаем, но именно только как бы. Весь процесс есть воспроизводящая модификация процесса восприятия со всеми фазами и уровнями вплоть до ретенций: но все это имеет индекс репродуктивной модификации.

Простое всматривание (Hinsehen), схватывание (Hinfassen) находим мы так же непосредственно на основе ретенции; так, когда мелодия, которая заключена внутри единства ретенции, протекла, мы направляем внимание назад (рефлектируем) на ее часть, но не производим ее снова. Этот акт воз-

0 дальнейших различиях между ретенцией и репродукцией ср. §19, с. 49 ел.

можен относительно любого появившегося содержания (Gewordene) в определенной последовательности, например, относительно появившегося [содержания] спонтанности мышления. Ведь так же и предметности мышления конституируются последовательно. Итак, по-видимому, мы можем сказать: предметности, которые, конституируясь, выстраиваются член за членом, или фаза за фазой во временных процессах (как корреляты непрерывно и многообразно связанных и образующих единство актов), позволяют себя схватить в обратном взгляде созерцания (Zurückschauen) таким образом, как будто они были в некоторой временной точке [уже] готовыми предметами. Однако, тогда эта данность отсылает к другой, «первичной». Всматривание или взгляд в обратном направлении (Zurücksehen) на ретенциально данное — и на саму ретенцию — осуществляется теперь в собственном (eigentlich) вторичном воспроизведении (Wiedervergegenwärtigung): данное только что бывшего обнаруживается как тождественное с тем, что воспроизведено в памяти (mit dem Wiedererinnerten). Дальнейшие различия между первичной и вторичной памятью выявятся тогда, когда мы отнесем их к восприятию.

§ 16. Восприятие как ориентация-на-настоящее (Gegenwärtigung) в отличие от ретенции и воспоминания

Разговор о «восприятии» требует, конечно, здесь еще некоторого прояснения. При восприятии мелодии мы отделяем *теперь данный тон*, и называем его «воспринятым», от миновавших тонов, и называем их «не-воспринимающимися». С другой стороны, называем мы всю мелодию воспринятой, хотя все же воспринимается только Теперь-точка. Мы поступаем так потому, что протяжение мелодии дано в протяжении восприятия не только точка за точкой, но единство ретенциального сознания «удерживает» («festhält») еще сами протекшие тоны в сознании и устанавливает в своем течении единство сознания, отнесенного к единому временному объекту, к мелодии. Объективность такого рода, как мелодия, не может быть «воспринята», сама первично дана иначе, чем в этой форме. Конституируемый, построенный из Теперь-сознания и ретен-

циального сознания акт * есть *адекватное восприятие временного объекта*. Последний будет ведь включать временные различия, а временные различия конституируются именно в таких актах, в первичном сознании, в ретенции и протекции. Если интенция намеренно направлена на мелодию, на весь объект целиком, то мы имеем не что иное, как восприятие. Если же, однако, она направляется на отдельный тон сам по себе или такт сам по себе, то мы имеем восприятие, пока воспринимается именно то, что имеется в виду (*Gemeinte*). Тогда в объективном отношении такт не является больше в качестве «настоящего», но в качестве «прошедшего». Вся мелодия, однако, является в качестве настоящей, пока она еще звучит, пока еще звучат принадлежащие ей, полагаемые в единой связи схватывания тона. Прошедшей она является лишь после того, как прозвучал последний тон.

Установление такого соотношения переносится, как мы должны сказать согласно предыдущим рассмотрением, на отдельные тоны. Каждый [тон] конституируется в непрерывности звуковых данных (*Ton-Daten*), и только одна точечная фаза есть каждый раз теперь-настоящая, в то время как другие присоединяются как ретенциальный хвост. Мы можем так же сказать: временной объект воспринимается (или импрессионально осознается), пока он еще производится в постоянно приходящих вновь первичных впечатлениях.

Мы обозначили затем само *прошлое* как *воспринятое*. В самом деле, не иоспринимаем ли мы прошлое, не осознаем ли мы непосредственно в описанных случаях только-что-бывшее-бытие, «только что прошедшее» в его самоданности, в модусе самоданного бытия? Очевидно, что подразумеваемый здесь смысл «восприятия» не совпадает с предшествующим. Требуется дальнейшие различения. Когда мы в схватывании временного объекта различаем воспринимающее и вспоминающее (ретенциальное) сознание, то противоположности между восприятием и первичной памятью соответствует в объекте противоположность между «теперь настоящим» и «прошлым». Временные объекты, и это принадлежит к их сущности, распространяют свою материю по временному интервалу, и

такие объекты могут конституироваться только в актах, которые конституируют именно различия времени. Темпорально конститутивные акты, суть, однако, акты — и притом сущностно — которые конституируют настоящее и прошлое, они имеют типологию тех «восприятий временных объектов», которые мы подробно описали, [обращая внимание] на их особое конституирующее схватывание. Временные объекты должны так конституироваться. Это означает: акт, притязующий дать сам временной объект, должен в себе содержать «Теперь-схватывания», «схватывания прошлого» и т.д., и притом в первично конститутивном модусе.

Если мы теперь будем говорить о восприятии в отношении различий данности, с которыми появляются временные объекты, тогда противоположностью восприятия будут появляющиеся здесь первичная память и первичное ожидание (ретенция и протекция), причем восприятие и не-восприятие непрерывно переходят друг в друга. В сознании непосредственно созерцающего схватывания временного объекта, например, мелодии, воспринимается теперь слышимый такт или тон, или часть тона, но не воспринимается то, что созерцается в данный момент как прошлое. Схватывания непрерывно переходят здесь друг в друга, они имеют границу в схватывании, которое конституирует Теперь, но которое является только идеальной границей. Это есть континуум, восходящий к идеальной границе; подобно тому, как континуум [ощущений] вида «красное» (*Rot-Spezies*) восходит к идеально чистому красному. В нашем случае мы имеем, однако, не отдельные схватывания, соответствующие отдельным нюансам красного, которые ведь могут быть даны сами по себе, но, исходя из сущности вещей, мы имеем и можем только иметь континуальности схватываний, или, скорее, один единственный континуум, который постоянно модифицируется. Если мы разделим этот континуум каким-либо образом на две сопредельные части, то та часть, которая включает Теперь, и соответственно, способна его конституировать, выделяется и конституирует «грубое» Теперь, которое тотчас снова распадается на более тонкое Теперь и Прошлое, и т.д., как только мы делим его дальше.

Восприятие представляет собой здесь свойство акта, которое объединяет непрерывность свойств акта и выделяется

Об актах, как конституируемых единствах в первичном сознании-времени, ср. §37, с. 79 ел.

посредством того, что оно обладает упомянутой идеальной границей. Точно такая же непрерывность без этой идеальной границы есть просто память. В идеальном смысле было бы тогда восприятие (импрессия) фазой сознания, которая конституирует чистое Теперь, а память — каждую другую фазу непрерывности. Однако это именно только идеальная граница, нечто абстрактное, которое не может существовать само по себе (für sich). К тому же остается при этом, что и это идеальное Теперь не есть нечто *toto coelo* отличное от Не-Теперь, но непрерывно им опосредуется. И этому соответствует непрерывный переход от восприятия в первичную память.

§ 17. Восприятие как акт конституирующий самоданность (selbstgebender Akt) в противоположность репродукции

С восприятием или самоданностью настоящего, которое имеет свой коррелят в данности прошедшего, соотносится теперь другая противоположность, противоположность восприятия и воспоминания (Wiedererinnerung), вторичной памяти. В воспоминании «является» нам некоторое Теперь, но оно «является» совершенно в другом смысле, чем в том, в котором является Теперь в восприятии.

Это Теперь не «воспринято», т. д. [оно не] дано само, но воспроизведено. Оно представляет Теперь, которое не дано. И точно так же протекание мелодии в *воспоминании* представляет «только что прошедшее», однако это протекание не имеет места. Так же и в чистой фантазии каждое индивидуальное так или иначе темпорально растянуто, имеет свое Теперь, свое Прежде и После, однако, эти Теперь, Прежде и После есть просто нечто воображаемое, как и весь объект. Здесь нужно, следовательно, *обсудить совершенно другое понятие восприятия*. Восприятие здесь есть акт, который ставит перед нами (vor Augen) нечто как оно есть само, акт, который *первично конституирует* объект. Противоположностью является *воспроизведение* (Vergegenwärtigung), ре-презентация (Re-Präsen-

tation), как акт, который ставит перед нами не сам объект, но именно *воспроизводит*, ставит перед нами его как бы в образе, хотя как раз и не в модусе собственно образного сознания. Здесь нет и речи о непрерывном опосредовании восприятия его противоположностью. Прежде [рассмотренное] сознание прошлого, а именно первичное [сознание прошлого] не было восприятием, так как восприятие понималось как акт, первично конституирующий Теперь. Сознание прошлого конституирует, однако, не Теперь, но скорее «только что бывшее», интуитивно предшествовавшее [определенному] Теперь. Если же мы называем восприятие *актом в котором заключен всякий первично конститутивный «источник»*, тогда *первичная память* есть *восприятие*. Ибо только в первичной памяти *видим* мы прошедшее, только в ней конституируется прошлое, и притом не репрезентативно, но презентативно. Только-что-бывшее, «Прежде», в противоположность Теперь, может непосредственно усматриваться только в первичной памяти; в этом состоит ее сущность — приводить к первичному непосредственному созерцанию это Новое и Своеобразное, точно так же как сущность восприятия Теперь состоит в том, чтобы приводить непосредственно к созерцанию Теперь. Напротив, воспоминание (Wiedererinnerung), как и фантазия, предлагает нам только воспроизведение, оно есть как бы то же самое сознание что и время-созидающий Теперь-акт и акт [схватывания] прошлого, как бы то же самое, но все же модифицированное. Сфантазированное Теперь представляет Теперь, но само не дает Теперь; сфантазированное Прежде и После только представляют Прежде и После и т. д.

§ 18. Значение воспоминания для конституирования сознания длительности и последовательности

Нечто иное представляет собой конститутивное значение первичной и вторичной памяти, если мы вместо данности *длящихся предметностей* схватываем данность *самой длительности и самой последовательности*.

Допустим, что А появляется как первичное впечатление и длится некоторое время, и вместе с определенным уровнем

развертывания ретенции А появляется В и конституируется как длящееся В. При этом на протяжении всего этого «процесса» сознание есть сознание того же самого «отодвигающегося в прошлое» А, того же самого в потоке этих модусов данности, того же самого в соответствии с принадлежащей его бытийному содержанию (Seingehalt) формой бытия — «длительностью», по всем точкам этой длительности. То же самое относится к В и к промежутку между двумя длительностями и, соответственно, их временными точками. Здесь, однако, появляется нечто Новое: В следует за А, дана последовательность двух длящихся данных (Daten) с определенной временной формой, некоторой временной протяженностью, которая охватывает это следование друг за другом. Сознание последовательности есть первично дающее (gebendes) сознание, оно есть «восприятие» этой последовательности. Мы рассматриваем теперь репродуктивную модификацию этого восприятия, а именно, воспоминание. Я «повторяю» сознание этой последовательности, я воспроизвожу ее для себя, вспоминая. Это я «могу», и притом «как угодно часто». Воспроизведение переживания а priori находится в сфере моей «свободы». (Это «я могу» есть практическое «я могу», а не «просто представление».) Как выглядит теперь воспроизведение переживаемой последовательности, и что принадлежит к его сущности? Прежде всего скажут: я воспроизвожу сначала А, а затем В; если я изначально имел А-В, то теперь я имею (индекс означает память) А'-В'. Однако этого недостаточно, ведь это означало бы, что я теперь имею воспоминание А' и «после» — воспоминание В', и притом в сознании последовательности этих воспоминаний. Однако тогда я имел бы «восприятие» последовательности этих воспоминаний, но не вспоминающее сознание (Erinnerungsbewusstsein) о них. Я должен, следовательно, представить его как (А-В)'. Это сознание в самом деле включает [в себя] А', В', но так же и — '. Конечно, последовательность не есть третья часть, как будто способ написания знаков друг за другом обозначает последовательность. Все же я могу записать закон:

в том смысле, что: наличествует сознание воспоминания об А

и о В, но так же и модифицированное сознание «за А следует В». Если мы теперь задаем вопрос о первично дающем сознании для последовательности длящихся предметностей — и даже самой длительности, — то мы находим, что к нему необходимо принадлежит ретенция и воспоминание. Ретенция конституирует живой горизонт (des) Теперь, в ретенции я имею сознание «только что прошедшего», однако первично при этом конституируется — как в удержании только что услышанного тона — только отодвигание назад Теперь-фазы, или, соответственно, [отодвигание] окончательно сконституированной и в этой окончательности уже более себя не конституирующей и более не воспринимаемой длительности. В «совпадении» (Deckung) с этим отодвигающимся «результатом» я могу предпринять, однако, воссоздание (Wiedererzeugung). Тогда мне дано прошлое [этой] длительности, просто дано именно как «снова-данность» (Wiedergegebenheit) длительности. И нужно обратить внимание: только прошлые длительности я могу в повторяющихся актах «первично» созерцать, действительно созерцать, идентифицировать и предметно иметь в качестве тождественного объекта многих актов. Настоящее я могу сохранять в памяти (nachleben), но оно не может быть дано заново. Если я, как это я могу каждый раз, возвращаюсь к одной и той же последовательности и идентифицирую ее как один и тот же временной объект, то я осуществляю последовательность вызывающих воспоминания переживаний в единстве сознания, охватывающего последовательность. Таким образом:

$$(A-B) - (A-B)^1 - (A-B)'' \dots$$

Вопрос в том: как выглядит эта идентификация? Прежде всего, последовательность есть последовательность переживаний: первое — это первичное конституирование последовательности А-В, второе — воспоминание об этой последовательности, затем еще раз то же самое и т. д. Вся в целом последовательность первично дана как наличная (Präsenz). Об этой последовательности я могу вновь иметь воспоминание, о последней — вновь воспоминание in infinitum. Сущностная закономерность состоит не только в том, что каждое воспоминание повторяемо в том смысле, что существуют возможности

как угодно высокого уровня, но что это так же сфера [того, что] «я могу». В принципе каждый уровень есть деятельность свободы (что не исключает препятствий).

Как выглядит первое воспоминание этой последовательности?

[(A - B) - (A - B)T -

Затем я могу, согласно предыдущему закону, заключить, что здесь имеет место (A - B)' и [(A - B)']', таким образом, воспоминание второго уровня, и притом в последовательности; и, конечно, так же воспоминание о последовательности (- ')'. Если я повторяю еще раз, то я имею модификации воспоминания еще более высокого уровня и одновременно сознание, что я многократно в последовательности осуществил повторяющееся воспроизведение. Подобное происходит весьма обыкновенно. Я стучу дважды по столу, я воспроизвожу для себя [внутренне] эту последовательность, затем я обращаю внимание, что сначала я осуществил эту последовательность в сфере восприятия, а затем вспомнил; затем я обращаю внимание на то, что я осуществил именно это [направление] внимания, и притом в качестве третьего члена ряда, который я могу для себя повторить и т. д. Все это, особенно при феноменологическом методе работы, является весьма обычным.

В последовательности равных (идентичных по содержанию) объектов, которые даны только в последовательности, а не как сосуществующие, мы имеем своеобразное совпадение (Deckung) в единстве сознания: последовательное совпадение. Естественно, говоря в переносном смысле, ибо они расположены на расстоянии друг от друга, осознаются как последовательность, отделены временным интервалом.

И все же: если мы имеем в следовании друг за другом неодинаковые объекты с выделенными одинаковыми моментами, то «линии равенства» (Gleichheitslinien) проходят некоторым образом от одного к другому, а при подобии — линии подобия. Мы имеем здесь некоторую отнесенность друг к другу (Aufeinanderbezogenheit), которая не конституируется в охватывающем [всю последовательность] созерцании (in beziehendem Betrachten), [но] которая имеет место до всякого «сравнения» и всякого «мышления» как предпосылка усмотрения равенства (Gleichheitsanschauung) и усмотрения разли-

чия. Собственно «сравнимым» является только подобное, и «различие» предполагает «совпадение», т.д. то непосредственное единение связанных в переходе (или в сосуществовании) равных [объектов].

§ 19. Различие ретенции и репродукции (первичной и вторичной памяти или фантазии)

Теперь наша позиция относительно учения Brentano, что происхождение схватывания времени лежит в сфере фантазии, окончательно определена. Фантазия есть сознание, характеризующееся как воспроизведение (репродукция). Хотя имеет место теперь воспроизведенное время, однако, оно с необходимостью указывает на первично данное, не фантазированное, но презентированное. Воспроизведение есть противоположность первично дающего акта, ни одно представление не может «возникнуть» из него. Т.е., фантазия не есть сознание, которое может устанавливать (hinstellen) какую-либо объективность как самоданную. Давать не себя самое — это ведь как раз сущность фантазии. Даже понятие фантазии происходит не из фантазии. Ибо если мы хотим иметь в качестве первично данного то, что есть фантазия, то, хотя мы должны образовать фантазии, однако, само [по себе] это еще не означает бытия данности. Мы должны, естественно, наблюдать фантазирование, воспринимать его: восприятие фантазии есть первично дающее сознание для образования понятия фантазии, в этом восприятии мы усматриваем, что есть фантазия, мы схватываем ее в сознании самоданности.

То, что между заново воспроизводящей памятью и первичной памятью, которая расширяет Теперь-сознание, существует огромная феноменологическая разница, показывает внимательное сравнение обеих сторон переживаний. Мы слышим, скажем, два или три тона, и в течение темпорального растяжения акта мы имеем сознание только что услышанного тона. Очевидным образом, это сознание в сущности — одно и то же, действительно ли воспринимается еще как теперь некоторый член из тональной структуры, которая образует един-

5

ю

15

20

25

3°

35

15

20

25

3°

35

ство временного объекта, или же это более не имеет места, а структура осознается только лишь ретенциально. Допустим теперь, что, возможно, в то время как интенция на только что услышанный тон или тональное протяжение жива, сам этот тон еще раз воспроизводится. Такт, который я только что слышал и на который еще направлено мое внимание, я воспроизвожу в себе тем, что я внутренне его еще раз осуществляю. Различие бросается в глаза. В воспроизведении мы теперь имеем тон, или образ тона, вместе со всем его темпоральным растяжением еще раз. Воспроизводящий акт темпорально протяжен точно так же, как и предыдущий акт восприятия, он репродуцирует его, он позволяет пробегать тональной фазе за тональной фазой, интервалу за интервалом, он репродуцирует при этом так же фазу первичной памяти, которую мы выбрали для сравнения. При этом это не просто повторение, и различие состоит, пожалуй, не просто в том, что первый раз мы имеем простую (schlicht) репродукцию, а другой раз — репродукцию репродукции. Мы видим, напротив, радикальные различия в содержании. Они проявляются, когда мы, например, спрашиваем, что же составляет различие между звучанием тона в воспроизведении и остающимся [после этого] (nachbleibende) сознанием, которое мы ведь удерживаем о нем в фантазии. Репродуцированный тон в течение «звучания» есть репродукция звучания. Сознание, остающееся после репродуцированного звучания, не есть более репродукция звучания, но [репродукция] только что бывшего, только что услышанного звучания (Erklingens), и последнее представляет себя совершенно другим образом, чем само звучание. Фантазмы (Phantasmen), которые представляют (darstellen) [определенные] тоны, вовсе не остаются в сознании [неизменными], как если бы в воспроизведении каждый тон был бы тождественно и непрерывно устойчивым данным. Иначе ведь оно не могло бы стать интуитивным представлением времени, представлением временного объекта в воспроизведении. Репродуцированный тон проходит, его фантазм (Phantasma) не остается идентичным и подвергается постоянно соответствующему (seine) схватыванию, но фантазм модифицируется особым образом и лежит в основе сознания, которое воспроизводит длительность, изменение, последовательность и т. д.

Модификация сознания, которая превращает первичное

Теперь в репродуцированное, есть нечто совершенно иное, чем та модификация, которая превращает Теперь, будь это первичное, или репродуцированное Теперь, в прошлое. Эта последняя модификация имеет характер непрерывного оттенения (Abschattung); так же как Теперь переходит в прошлое и более отдаленное прошлое в непрерывности градаций (sich abstuft), так и в интуитивном сознании-времени имеет место непрерывность градаций. Напротив, нет и речи о непрерывном переходе восприятия в фантазию, впечатления (Impression) в репродукцию. Последнее различие является дискретным. Мы должны поэтому сказать: то, что мы называем первичным сознанием, импрессией или же восприятием, есть акт, который содержит в себе непрерывность градаций. Каждое конкретное восприятие предполагает некоторый целостный континуум таких градаций. Тех же самых градаций требует так же и репродукция, сознание-фантазия (Phantasiebewusstsein), но только репродуктивно модифицированных. В обоих случаях к сущности переживаний принадлежит то, что они должны протягиваться именно так, и что точечная фаза никогда не может существовать сама по себе (für sich).

Конечно, эта градация первично или репродуктивно данного (как мы уже ранее видели) касается уже содержаний схватывания. Восприятие основывается на ощущении. Ощущение, которое выполняет по отношению к предмету презентативную функцию, образует непрерывный континуум, и точно так же фантазм образует континуум для репрезентации объекта-фантазии. Тот, кто принимает существенное различие между ощущениями и фантазмами (Phantasmen), не может, естественно, считать содержания схватывания только что прошедших временных фаз фантазмами, ибо последние переходят непрерывно в содержания схватывания Теперь-момента.

§ 20. «Свобода» репродукции

В первичном или репродуцированном протекании «погружения» («Zurücksinken») появляются примечательные различия. Первичное (по)явление (Erscheinen) и уплывание модулов протекания в явлении есть нечто устойчивое, нечто осоз-

нанное через «возбуждение», и на это нечто мы можем только взглянуть (если мы вообще осуществляем спонтанность всматривания). Напротив, воспроизведение есть нечто свободное, это есть свободное пробегание, мы можем осуществлять воспроизведение «быстрее» или «медленнее», отчетливо и эксплицитно или сбивчиво-неясно, молниеносно или же артикулируя каждый шаг и т. д. Воспроизведение само есть при этом событие внутреннего сознания и как таковое имеет свое актуальное Теперь, свои модусы протекания и т. д. И в том же самом имманентном временном интервале, в котором оно действительно происходит, мы можем «свободно» размещать большие или меньшие части воспроизводимого процесса с его модусами протекания и, таким образом, пробегать его быстрее или медленнее. При этом соотносящиеся модусы протекания воспроизведенных точек временного интервала остаются (предполагая [их] дальнейшее идентифицирующее совпадение) неизменными. Я воспроизвожу постоянно то же самое, всегда ту же самую непрерывность модусов протекания временного интервала, всегда саму эту непрерывность в определенном модусе [im Wie]. И если я, таким образом, снова и снова возвращаюсь к одной и той же начальной точке и к той же самой последовательности временных точек, то все же сама эта начальная точка погружается непрерывно все дальше [в прошлое].

§ 21. Уровни ясности репродукции

Воспроизведенное представляется при этом в модусах большей или меньшей ясности, и различные модусы этой неясности относятся к целому, которое воспроизводится, и к его модусам сознания. Так же и при первичной данности временного объекта мы нашли, что сначала он является живо, ясно, а затем с уменьшающейся ясностью переходит в пустоту. Эти модификации принадлежат потоку. Однако в то время как эти же самые модификации появляются именно при воспроизведении потока, нам являются еще иные «неясности», а именно, уже «ясное» (в первом смысле) видится как через вуаль, неясно, и притом более или менее неясно и т. д. Таким образом, не следует смешивать неясности первого и второго рода. Специ-

фические модусы жизненности и безжизненности, ясности и неясности воспроизведения не принадлежат к воспроизведенному, или [они не принадлежат] ему только в силу модуса воспроизведения, они принадлежат к актуальному переживанию воспроизведения.

§ 22. Очевидность репродукции

Примечательное различие существует так же в отношении очевидности первичной и вторичной памяти *. То, что я осознал ретенциально, как мы видели, абсолютно достоверно. Как теперь обстоит дело с более отдаленным прошлым? Если я вспоминаю о чем-то, с чем я имел дело вчера, то я репродуцирую отложившееся вчера в памяти событие и, по возможности, в соответствии со всеми шагами последовательности. В то время как я это делаю, я имею сознание последовательности: сначала репродуцируется первое, затем в определенной последовательности — второе и т. д. Но если отвлечься от этой последовательности, которая очевидным образом принадлежит репродукции как протеканию переживаний в настоящем, в репродукции предстает прошедшее временное протекание. И весьма возможно, что не только отдельные шаги сейчас осуществляющегося процесса памяти отклоняются от шагов прошедшего процесса (последние располагались [возможно] не в той последовательности, как они теперь воспроизводятся), но что и действительная последовательность была иной, чем это полагает вспоминающая последовательность. Здесь, следовательно, возможны ошибки, и притом ошибки, которые происходят из репродукции как таковой, и которые не следует смешивать с ошибками, которым подвержено так же восприятие временных объектов (а именно, трансцендентных). То, что это имеет место, и в каком смысле, уже упоминалось: если я первично осознал временную последовательность, то нет сомнения, что временная последовательность имела место и имеет место. Однако этим не сказано, что некоторое — объективное — событие действительно имело место в том смысле, в каком я его схватываю. Отдельные схватывания могут быть

ложными, такими, каковым не соответствует никакая действительность. И если теперь во временной отодшутости назад [в прошлое], сохраняется предметная интенция схваченного (в соответствии с его конституирующим содержанием (Gehalt) и его отношению к другим предметам), то ошибка пронизывает все временное схватывание являющегося процесса. Если же мы ограничиваемся последовательностью представляющих «содержаний» («Inhalte») или «явлений», то остается истина, которая вне всякого сомнения: процесс пришел к данности, и эта последовательность явлений состоялась, даже если это, возможно, не последовательность событий, которая мне являлась.

Теперь возникает вопрос, может ли эта очевидность сознания времени сохраняться в репродукции. Это возможно только в результате совпадения репродуктивного и ретенциального протекания. Если я имею последовательность двух тонов с, d, то я могу, пока еще в свежей памяти, повторить эту последовательность, и притом в определенном отношении повторить адекватно. Я внутренне повторяю с, d, сознавая, что сначала имело место с, а затем d. И пока это «еще живо», я могу снова так поступить и т. д. Несомненно, я могу таким образом выйти за пределы первичной сферы очевидности. Одновременно мы видим здесь тот способ, каким осуществляются воспоминания (Wiedererinnungen). Если я повторяю с, d, то это репродуктивное представление последовательности находит свое осуществление в еще живущей предыдущей последовательности.

§ 23. Совпадение репродуктивного Теперь с прошлым. Различие фантазии и воспоминания

После того, как мы отделили репродуктивное сознание прошлого от первичного [сознания прошлого], возникает дальнейшая проблема. Когда я репродуцирую услышанную мелодию, то феноменальное Теперь воспоминания воспроизводит про-

шлое: в фантазии, в воспоминании звучит теперь некоторый тон. Он репродуцирует, скажем, первый тон мелодии, бывшей мелодии. Данное вместе со вторым тоном сознание прошлого репрезентирует «только что прошедшее», которое ранее было дано первично, следовательно, [репрезентирует] прошлое «только что прошедшее». Как же может репродуцированное Теперь репрезентировать прошлое? Непосредственно представляет репродуцированное Теперь именно некоторое Теперь. Как же привходит отношение к прошедшему, которое ведь может быть первично дано лишь в форме «только что прошедшего»?

С другой стороны, воспроизведения имеют ту характерную особенность, что они сами в себе и во всех фазах переживания суть воспроизведения чего-либо (von)... в некотором другом смысле, что они обладают второй, иного рода интенциональностью, такой, которая присуща только им, но не всем переживаниям. Эта новая интенциональность имеет, однако, то своеобразие, что она, по своей форме, есть отражение (Gegenbild) темпорально конститутивной интенциональности; и когда она репродуцирует в каждом элементе момент потока представлений настоящего (Gegenwärtigungsfluß) и в целом весь поток представлений настоящего, она создает репродуктивное сознание о воспроизведенном имманентном объекте. Она конституирует, таким образом, двойственное: сначала, благодаря своей форме потока переживаний — воспроизведение как имманентное единство; затем, вследствие того, что моменты переживаний этого потока суть репродуктивные модификации моментов параллельного потока (который в обычном случае не состоит из репродуктивных моментов), и, вследствие того, что эти репродуктивные модификации означают интенциональность, поток объединяется в некоторое конститутивное целое, в котором осознается интенциональное единство: единство вспомненного.

§ 24. Протеиции в воспоминании (Wiedererinnerung)

Чтобы теперь понять встроенность такого конституируемого единства переживания как воспоминание (Erinnerung) в единый ноток переживаний, нужно принять в расчет следующее: каждое воспоминание содержит интенции ожидания, осуществление которых ведет к настоящему. Каждый первично конститутивный процесс оживляется протекциями, которые незаполненно (leer) конституируют и подхватывают приходящее (Kommende) как таковое, приводят его к осуществлению. Однако, процесс воспоминания возобновляет в памяти (erinnerungsmässig) не только эти протекции. Они были здесь не только подхватывающими, но уже подхватили, они уже себя осуществили, и это мы осознаем в воспоминании. Осуществление в воспомяющем сознании есть заново-осуществление (именно в модификации полагания в памяти), и если первичная протекция восприятия события была неопределенной и оставляла открытым возможность другого бытия или небытия, то в воспоминании мы имеем подготовленное ожидание, которое все это не оставляет открытым, за исключением, быть может, «несовершенного» воспоминания, которое имеет другую структуру, чем неопределенная первичная протекция. Но и она заключена в воспоминании. Итак, здесь существуют трудности интенционального анализа уже для отдельного рассмотренного события, и затем иным образом — для ожиданий, которые относятся к последовательности событий вплоть до настоящего: воспоминание не есть ожидание, однако оно обладает горизонтом, направленным на будущее, и притом на будущее того, что вспоминается. Этот горизонт является [пред-] положенным (gesetzter) горизонтом, и в дальнейшем продвижении процесса воспоминания всегда заново открывается живее и богаче. И при этом осуществляется этот горизонт вместе с постоянно новыми вспоминаемыми событиями. События, которые прежде лишь предугадывались (vordeuten), теперь суть квізм-настоящее, *квази* в модусе осуществляющего настоящего.

§ 25. Двойная интенциональность воспоминания

Если во временном объекте мы отличаем содержание вместе с его длительностью, которые в связности «определенного» (der) времени могут иметь некоторое отличительное место, от его временного положения, то в воспроизведении некоторого длящегося бытия мы имеем, наряду с воспроизведением осуществленной длительности, интенции, которые относятся, и притом с необходимостью, к [определенному] положению (die Stellung). Длительность совершенно не представима, или лучше, не полагаема без того, чтобы она не была установлена в некоторой временной связи, без того, чтобы не присутствовали интенции временной связи. При этом необходимо, чтобы эти интенции имели или форму интенций прошлого, или будущего. Двойственности интенций, направленных на осуществленную длительность и на ее временное положение (Zeitstelle), соответствует двойственное осуществление. Совокупный комплекс интенций, который составляет явление прошлого длящегося объекта, имеет свое возможное осуществление в системе явлений, которые принадлежат к тому же самому длящемуся [объекту]. Интенции связи во времени осуществляются посредством установления осуществленных связей вплоть до актуального настоящего. Таким образом, в каждом воспроизведении (Vergegenwärtigung) следует различать репродукцию сознания, в котором прошедший длящийся объект был дан, т. е. воспринят или вообще первично конституирован, и то, что присуще этой репродукции как конститутивной для сознания «прошлого», или «настоящего» (одновременного с актуальным Теперь), или «будущего».

Является ли это последнее так же репродукцией? Этот вопрос может легко ввести в заблуждение. Естественно, воспроизводится целое, не только тогдашнее настоящее сознания (Bewusstseinsgegenwart) с его потоком, но «*implicite*» весь поток сознания до живущего настоящего. Это означает, в качестве одной из основ априорно-феноменологического генезиса: Воспоминание существует в постоянном потоке, так как жизнь сознания существует в постоянном потоке, а не только соединяется в цепь звено к звену. Скорее каждое Новое воздействует обратно на Старое, его идущая вперед интенция

осуществляется и при этом определяется, и придает репродукции определенную окраску. Здесь обнаруживается, следовательно, *a priori* необходимое обратное действие. Новое указывает опять на Новое, которое вступает и определяет себя, модифицируя для старого репродуктивные возможности и т.д. При этом действующая в обратном направлении сила идет по цепи назад, ибо воспроизведенное прошлое несет [в себе] характер *прошлого* и неопределенную интенцию на некоторое временное положение (*Zeitlage*) по отношению к Теперь. Следовательно, дело обстоит не таким образом, что мы якобы имеем простую цепь «ассоциированных» интенций, в которой одно напоминало бы о другом, а это [в свою очередь] — о следующем (в потоке), но мы имеем одну интенцию, которая есть в себе интенция на ряд возможных осуществлений.

Однако эта интенция есть не-созерцательная, «пустая» интенция, и ее предметное есть объективный временной ряд событий, и этот ряд есть смутное окружение актуально воспроизведенного в памяти. Не характеризует ли это вообще «окружение»: некоторая единая интенция, которая отнесена к множественности взаимно связанных предметностей и которая приходит к осуществлению в их обособленной и многообразной постепенной данности? Таким же образом это происходит и в отношении пространственного фона. И так же каждая вещь имеет в восприятии свою заднюю сторону как фон (ибо речь идет не о фоне внимания, но схватывания). Компонента «несобственного восприятия», которая принадлежит каждому трансцендентному восприятию как существенная составная часть, есть «комплексная» интенция, которая осуществляется в связях определенного рода, в связях данностей. Передний план — ничто без заднего плана. Являющаяся сторона — ничто без неявляющейся. Точно так же в единстве сознания-времени: воспроизведенная длительность есть передний план, интенции включения в определенный порядок (*Einordnungsintentionen*) делают осознанным фон, временной фон. И определенным образом это продолжается в конституировании темпоральности самого Длющегося с его Теперь, Прежде, После. Мы имеем аналогии: для пространственной вещи — включение в окружающее пространство и пространственный мир, а с другой стороны, сама простран-

ственная вещь с ее передним и задним планом. Для временной вещи включение во временную форму и временной мир, а с другой стороны, — сама временная вещь и ее изменяющаяся ориентация по отношению к живущему Теперь.

§ 26. Различие между воспоминанием и ожиданием

Далее нужно исследовать, равны ли друг другу интуитивное воспоминание и ожидание. Интуитивный опыт (*anschauliche*) воспоминания предлагает мне живую репродукцию протекающей длительности события, и вне интуитивного опыта остаются только интенции, которые отсылают назад к определенному Прже и предваряют живущее Теперь.

В интуитивном представлении предстоящего события я имею теперь интуитивно репродуктивный «образ» процесса, который протекает репродуктивно. К этому присоединяются неопределенные интенции будущего и интенции прошлого, т. е. интенции, которые с начала процесса относятся к темпоральной окрестности (*Zeitumgebung*), имеющей границу в живущем Теперь. В этом отношении интуитивный опыт ожидания есть перевернутый интуитивный опыт воспоминания, ибо в последнем Теперь-интенции не предшествуют процессу, но следуют за ним. Они, как пустые интенции окрестностей, лежат «в противоположном направлении». Как же теперь обстоит дело с модусом данности самого процесса? Составляет ли существенное различие то, что в воспоминании содержание процесса [выступает] определеннее? Так же и воспоминание может быть интуитивным, но все же не очень определенным, поскольку некоторые компоненты интуитивного опыта совсем не имеют характера действительного воспоминания. В «совершенном» воспоминании было бы, конечно, все, вплоть до единичностей, ясным и характеризовалось бы как воспоминание. Однако идеально это так же возможно и в ожидании. В общем, оно оставляет многое открытым и эта открытость есть опять-таки свойство относящихся [к нему] компонентов. Но в принципе мыслимо пророческое сознание (сознание, которое само себя выдает за пророческое), для которого с очевидностью предстает каждое ожидающееся свойство будущего бы-

тия: как если бы мы имели точно определенный план и, представляя интуитивно запланированное, принимали его, так сказать, со всеми потрохами в качестве предстоящей действительности. Но и здесь, в интуитивной антиципации будущего, может присутствовать нечто незначашее (manches Belanglose), что заполняет конкретный образ как некий эрзац (Lückenbüßer), но что может быть весьма иным, чем это демонстрирует образ: это с самого начала характеризуется как открытость.

Принципиальные различия заключены, однако, в способе осуществления. Интенции прошлого с необходимостью осуществляются посредством выявления связей интуитивных репродукций. Репродукция прошедшего события допускает в отношении своей значимости (во внутреннем сознании) только подтверждение неопределенностей воспоминания и повышение степени определенности (Vervollkommnung) посредством превращения в такую репродукцию, в которой все и каждое из ее компонентов характеризуется как репродуктивное. Здесь речь идет о следующих вопросах: действительно ли я видел, воспринимал, действительно ли я имел это явление, именно с этим содержанием? Все это должно одновременно включаться в связь точно таких же интуиции вплоть до Теперь. Иной вопрос, конечно, таков: действительно ли существовало являющееся? Напротив, ожидание находит свое осуществление в восприятии. К сущности ожидаемого принадлежит то, что оно есть становящееся-воспринятым-бытие (Wahrgenommen-sein-werdendes). При этом очевидно, что когда появляется ожидаемое, т. д. становится настоящим, то само состояние ожидания [уже] прошло; если будущее стало настоящим, то настоящее стало относительно прошлым. Точно так же обстоит дело с интенциями окрестности. И они осуществляются посредством актуальности импрессионального переживания.

Несмотря на эти различия, интуиция ожидания есть точно так же нечто первичное и своеобразное, как интуиция прошлого.

§ 27. Воспоминание как сознание о бывшем воспринятом бытии (Wahrgenommen-gewesen-sein)

Для характеристики анализируемых полагающих репродукций имеет большое значение следующее: к их сущности принадлежит не просто репродуктивное полагание темпорального бытия, но определенное отношение к внутреннему сознанию. К сущности воспоминания первично принадлежит то, что оно есть сознание о бывшем воспринятом бытии. Если я созерцательно вспоминаю о некотором внешнем процессе, то я имею его репродуктивное созерцание. И это есть полагающая репродукция. Однако, внешняя репродукция осознается с необходимостью посредством внутренней репродукции. Внешнее явление (Erscheinen) должно постольку репродуцироваться, поскольку внешний процесс дан в определенном модуле явления. Внешнее явление как переживание есть единство внутреннего сознания, и внутреннему сознанию соответствует внутренняя репродукция. Однако теперь для репродукции процесса существует две возможности: [или] полагающей может быть внутренняя репродукция, и в соответствии с этим явление процесса может быть положено в единстве имманентного времени; или же полагающей может быть внешняя репродукция, которая полагает соответствующий временной процесс в объективном времени, но не само явление как процесс внутреннего времени, и тем самым больше не [полагает] темпорально конститутивный поток в единстве всего жизненного потока (Gesamtlebensstrom).

Воспоминание не есть, таким образом, без всяких оговорок воспоминание о предшествующем восприятии. Однако, так как воспоминание о предшествующем процессе включает в себя репродукцию явлений, в которых он приходит к данности, существует так же каждый раз возможность воспоминания о предшествующем восприятии процесса (или возможность рефлексии в воспоминании, которая и приводит к данности предшествующее восприятие). Воспроизводится предшествующая целостность сознания, и то, что воспроизводится, обладает характером репродукции и характером прошлого.

Мы поясним эти отношения на примере: я вспоминаю освещенный театр — это не может означать: я вспоминаю, что я воспринял театр. Иначе означало бы последнее: я вспоминаю, что я воспринял то, что я воспринял театр и т. д. Я вспоминаю освещенный театр — это означает: «внутри себя» я вижу освещенный театр как бывшее. В Теперь я созерцаю Не-Теперь. Восприятие конституирует настоящее. Для того, чтобы Теперь как таковое стало передо мной, я должен воспринимать. Чтобы созерцательно представить Теперь, я должен осуществить восприятие «образно», в репрезентативной модификации. Однако не так, что я представляю восприятие, но я представляю воспринятое, являющееся в восприятии как настоящее. Таким образом, воспоминание действительно подразумевает репродукцию предшествующего восприятия; однако, воспоминание не есть в собственном смысле представление о нем: восприятие не имеется в виду и не полагается в воспоминании, но имеется в виду и полагается его предмет и его Теперь, которое полагается к тому же в отношении к актуальному Теперь. Я вспоминаю освещенный театр [каким он был] вчера, т.д. я осуществляю «репродукцию» восприятия театра, таким образом, театр дан мне в представлении как настоящий, это я имею в виду, однако, при этом схватываю это настоящее как прошедшее по отношению к актуальному настоящему теперешних актуальных восприятий. Конечно, теперь очевидно: восприятие театра было, я воспринимал театр. Вспомненное является как бывшее настоящее, и притом непосредственно интуитивно; и оно является так потому, что интуитивно является настоящее, которое отстоит от настоящего, [обладающего] актуальным Теперь. Последнее настоящее конституируется в действительном восприятии, первое же интуитивно являющееся настоящее, интуитивное представление [того, что] Не-Теперь, конституируется в некотором отражении (Gegenbild) восприятия, в «воспроизведении предшествующего восприятия», в котором театр приходит к данности «как будто теперь». Это воспроизведение восприятия театра не следует понимать таким образом, что я, живя в нем, полагаю [акт] восприятия (das Wahrnehmen), но я полагаю воспринятый объект как бытие-в-настоящем (Gegenwärtigsein).

§ 28. Воспоминание и образное сознание. Воспоминание как полагающая репродукция

Требуется еще рассмотреть, о какого рода воспроизведении здесь говорится. Вопрос стоит не о репрезентации через подобный объект, как в случае сознательной образности (картина, бюст и т.п.). В противоположность этому образному сознанию репродукции имеют характер самовоспроизведения. Они снова разделяются, в соответствии с тем, являются ли они не-полагающими («чистыми» фантазиями) или полагающими. И к этому добавляются теперь темпоральные свойства. Воспоминание есть самовоспроизведение в смысле [самовоспроизведения] прошлого. Воспоминание, которое имеет место в настоящем, есть феномен, совершенно аналогичный восприятию; в качестве общего с соответствующим восприятием оно имеет явление предмета, правда явление имеет модифицированный характер, благодаря которому предмет предстает не как настоящий, но как бывший настоящим.

Существенное для вида репродукций, которые называются воспоминанием и ожиданием, заключается во включении репродуцируемого явления в порядок связи бытия внутреннего времени, протекающего ряда моих переживаний. Полагание распространяется обычно так же и на предметное внешнее явление, однако, это полагание может подвергнуться отрицанию, против него можно возражать, но тогда остаются все же воспоминания или ожидания, т. д. мы не перестаем называть это воспоминанием или ожиданием, если мы даже предыдущее или будущее восприятие обозначаем как «ложно полагаемое» (vermeintliche). Если же с самого начала речь идет не о репродукции трансцендентных, но имманентных объектов, то описанная структура градаций репродуктивных созерцаний выпадает (entfällt), и полагание репродуцированного совпадает с его включением в ряд переживаний, в имманентное время.

§ 29. Воспоминание настоящего

В сфере интуиции внешнего времени и предметности следует

обратить внимание еще на другой тип непосредственной репродуктивной интуиции временных предметов (все наши рассуждения собственно и ограничивались непосредственной интуицией временных предметов и не принимали в расчет опосредованные и, соответственно, неинтуитивные ожидания и воспоминания).

Я могу так же представить некоторое настоящее как теперь существующее и без того, чтобы живо иметь его перед собой, будь это на основе предыдущих восприятий или согласно описанию и т.п. В первом случае, хотя я имею воспоминание, однако я предоставляю вспомненному длиться вплоть до актуального Теперь, и для этой длительности у меня нет никаких внутренне вспомненных «явлений». «Образ памяти» служит мне, но я полагаю не вспомненное как таковое, не предметное внутреннего воспоминания в его длительности, которая ему присуща. Полагается длящееся как представляющее себя в этом явлении, и мы полагаем являющееся Теперь и все новое Теперь и т. д. ; но мы не полагаем его как «прошлое».

Мы знаем, это «прошлое» при воспоминании не говорит о том, что мы в теперешнем [акте] воспоминания (Erinnern) составляем себе образ предыдущего образа и тому подобные конструкции. Однако, мы полагаем просто являющееся, созерцаемое, которое, конечно, в соответствии со своей временностью, может быть созерцаемо только в темпоральных модусах. И являющемуся при этом мы придаем в модусе воспоминания посредством интенции, окружающей явление, положение по отношению к Теперь актуальности. Таким образом, мы должны так же при воспроизведении отсутствующего настоящего (abwesenden Gegenwärtigen) спрашивать об интенциях окрестности созерцания, и последние здесь, конечно, совершенно иного рода: они вовсе не связаны с актуальным Теперь через непрерывный ряд внутренних явлений, которые все были бы положены. Конечно, вне [определенной] связи это репродуктивное явление не существует. Должно быть длящееся, которое здесь является, которое было, есть и будет. Я «могу», таким образом, идти каким-либо путем и видеть, находить еще вещь, а затем могу так же идти назад и производить созерцание в повторяемых «возможных» рядах явлений. И если бы я когда-то прежде начал этот путь и прошел бы его (это и есть обрисованная возможность, и этому [пути] соответствуют ВОЗ-

можные ряды явлений), тогда я имел бы теперь созерцание как восприятие-созерцание и т. д. Таким образом, явление, которое представляется мне репродуктивно, хотя и не характеризуется как внутренне импрессионально бывшее, а являющееся — не как то, что было когда-то воспринято в его временной длительности: однако отношение к *hic et nunc* существует так же и здесь, явление несет так же [в себе] определенный характер полагания: оно принадлежит к определенной связи явлений (причем явлений всецело «полагающих», позиционных), и по отношению к этой связи оно имеет мотивирующий характер: интенция окрестности образует для самих «возможных» явлений интенциональное обрамление. Точно так же дело обстоит и с интуицией длящегося бытия, которое я воспринимаю теперь и полагаю как то, что было прежде, без того, чтобы воспринимать его прежде, а теперь вспоминать, и которое я полагаю как то, что собирается быть в будущем.

§ 30. Сохранение предметной интенции в ретенциальном изменении

Часто бывает так, что в то время как ретенция только что прошедшего еще жива, появляется его репродуктивный образ: однако, естественно, его образ, как он был дан в Теперь-точке. Мы рекапитулируем, так сказать, только что пережитое. Это внутреннее возобновление в воспроизведении устанавливает связь между репродуктивным Теперь и Теперь, живущим еще в непосредственной памяти, и здесь осуществляется идентифицирующее сознание, которое выявляет идентичность первого или второго. (Этот феномен показывает одновременно, что к сфере первичной памяти, кроме интуитивной, принадлежит еще пустая часть, которая распространяется значительно дальше. В то время как мы еще имеем бывшее в свежей, хотя и пустой памяти, может появиться одновременно его «образ»). Это общий и сущностный факт, что каждое Теперь, в то время как оно погружается в прошлое, удерживает свою строгую идентичность. Феноменологически говоря: Теперь-сознание, которое конституируется на основе материи А, непрерывно превращается в сознание прошлого, в то время как одновременно выстраивается все новое Теперь-сознание. В этом прев-

рашении модифицирующееся сознание удерживает (и это принадлежит к сущности сознания времени) свою предметную интенцию.

Непрерывную модификацию, которую содержит каждое первичное временное поле относительно конституирующих его свойств актов, не следует понимать таким образом, как будто в ряду схватываний, принадлежащих к некоторой фазе объекта, начиная с ее появления как Теперь-полагания и погружаясь до последнего достижимого феноменального прошлого, имеет место непрерывная модификация в предметной интенции. Наоборот: предметная интенция пребывает как абсолютно та же самая и тождественная. Тем не менее существуют феноменальные градации (Sich-abstufen), и притом не только относительно содержаний схватывания, которые загущают, как бы погружаются от высшей точки ощущения в Теперь до неразличимости. Прежде всего Теперь-момент характеризуется как Новое. Погружающееся сейчас Теперь не есть больше Новое, но отодвинутое в сторону посредством Нового. В этом отодвигании в сторону заключается изменение. Однако, в то время как оно потеряло свой характер Теперь, оно удерживается в своей предметной интенции абсолютно неизменным, это есть интенция на индивидуальную объективность, и притом созерцающая интенция. В этом отношении, таким образом, не происходит никакого изменения. Однако здесь, пожалуй, следует рассмотреть, что же означает «сохранение предметной интенции». Полное схватывание предмета содержит два компонента: один конституирует объект по его вневременным определенностям, другой создает темпоральное положение: Теперь-бытие, бывшее-бытие и т. д.

Объект как темпоральная материя, как то, что имеет временную позицию, временное протяжение, как то, что длится и изменяется, как то, что есть теперь и затем есть бывшее, берет свое начало чисто из объективации содержаний схватывания; в случае чувственных объектов — из чувственных содержаний. Мы не теряем при этом из виду, что эти содержания тем не менее суть темпоральные объекты, что они созидаются в последовательности как континуум первичных впечатлений и ретенций, и что эти темпоральные оттенки данных ощущений имеют свое значение для темпоральных определенностей конституируемых с их помощью объектов.

Но для их свойства быть репрезентантами вещественных качеств, в соответствии с их чистым Что, темпоральный характер не играет никакой роли. Не-темпорально схваченные данные схватывания конституируют объект в соответствии с его специфическим составом, и там, где таковой сохраняется, мы можем уже говорить о некотором тождестве. Когда же, однако, прежде речь шла о сохранении предметного отношения, то это означало, что предмет не только сохраняется в его специфическом составе, но как индивидуальный, следовательно, темпорально определенный, который вместе со своей временной определенностью погружается назад во времени. Это погружение есть своеобразная феноменологическая модификация сознания, вследствие чего образуется постоянно увеличивающееся расстояние по отношению ко все заново и заново конституируемому актуальному Теперь, благодаря ведущему к нему непрерывному ряду изменений.

§ 31. Первичное впечатление и объективная индивидуальная временная точка

По-видимому мы пришли здесь к антиномии: объект изменяет постоянно в погружении свою временную позицию, и все же он должен был бы сохранять свою временную позицию. В действительности, объект непрерывно сдвигающейся назад первичной памяти вовсе не меняет свою временную позицию, но только свое расстояние от актуального Теперь, и притом потому, что актуальное Теперь имеет силу всегда новой объективной временной точки, в то время как прошедшее временное остается тем, что оно есть. Как же, однако, вопреки феномену постоянного изменения сознания-времени осуществляется сознание объективного времени и прежде всего тождественных временных позиций, это теперь вопрос. С этим тесно связан вопрос о конституировании объективности индивидуальных временных предметов и процессов: в сознании-времени осуществляется любое объективирование; без прояснения тождественности временной позиции нельзя так же прояснить тождественность объекта во времени.

При более близком рассмотрении проблема состоит в следующем: Теперь-фазы восприятия постоянно претерпева-

ют модификацию, они не просто сохраняются как они есть, они протекают. Здесь конституируется то, что мы называем погружением во времени. Тон звучит теперь, и тотчас погружается в прошлое, он, тот же самый тон. Это относится к тону во всех его фазах, и потому так же к тону в целом. Теперь кажется, что, благодаря нашим предыдущим рассмотрениям, погружение становится до некоторой степени понятным. Однако, каким образом мы можем в противовес погружению тона все же говорить о том, что у него устойчивая позиция во времени, что временные точки и временные длительности позволяют себя идентифицировать в повторных актах, как это выявил наш анализ репродуктивного сознания? Тон и каждая временная точка в единстве длящегося тона имеет ведь свою абсолютно устойчивую позицию в «объективном» (пусть даже имманентном) времени. Время неподвижно, и все же оно течет. Во временном потоке, в непрерывном погружении в прошлое конституируется не протекающее, абсолютно устойчивое, тождественное, объективное время. Это проблема.

Обдумаем более тщательно прежде всего ситуацию одного и того же погружающегося тона. Почему мы говорим о том же самом тоне, который погружается? Тон выстраивается во временном потоке посредством своих фаз. О каждой фазе, например, о фазе актуального Теперь мы знаем, что она, подчиняясь закону непрерывной модификации, все же потому должна являться как предметно та же самая, как та же самая тональная точка, так сказать, что здесь имеет место непрерывность схватываний, над которой господствует тождество смысла и которая находится в непрерывном совпадении [с ним]. Это совпадение относится к вне-темпоральной материи, которая именно в потоке сохраняет для себя тождественность предметного смысла. Это имеет силу для каждой Теперь-фазы. Однако, каждое новое Теперь есть именно новое и именно так характеризуется феноменологически. Пусть тон длится полностью неизменным: так, что нам не заметны ни малейшие изменения; пусть, следовательно, каждое новое Теперь обладает точно таким же содержанием схватывания в отношении моментов качества, интенсивности и т. д. и несет [в себе] то же самое схватывание — все же имеет место первичное различие, различие, которое принадлежит к некоторому новому измерению. И это различие постоянно. Феноменологически имеет

место то, что только Теперь-точка характеризуется как актуальное Теперь, и притом как новое; что предшествующая Теперь-точка претерпела свою модификацию, пред-предшествующая свою дальнейшую модификацию и т. д. Этот континуум модификаций в содержаниях схватывания и в выстроенных на них схватываниях создает сознание расширения тона вместе с неизменным погружением того, что уже расширилось, в прошлое.

Как же теперь, вопреки феномену постоянного изменения сознания-времени, осуществляется сознание объективного времени, и прежде всего тождественных временных позиций и временного протяжения? Ответ таков: вследствие того, что вопреки потоку темпорального отодвигания, потоку модификаций сознания, объект, который являет себя как отодвинутый, апперцептивно сохраняется как раз в абсолютной тождественности, и притом объект вместе с полаганием в Теперь-точке опыта как «это». Постоянная модификация схватывания в постоянном потоке не затрагивает «чтойности» («als was») схватывания, т. д. смысла, она не полагает никакого нового объекта и никакой новой фазы объекта, она не выявляет никакой новой временной точки, но постоянно [полагает] тот же самый объект с теми же самыми его временными точками. Каждое актуальное Теперь создает новую временную точку, так как оно создает новый объект, или, скорее, новую точку объекта, которая в потоке модификаций удерживается как одна и та же индивидуальная точка объекта. И постоянство, с которым снова и снова конституируется новое Теперь, показывает нам, что речь вообще идет не о «новизне», но о постоянном моменте индивидуации, в котором имеет свой источник временная позиция. К сущности модифицирующего потока принадлежит то, что это временное положение имеет место как тождественное и необходимо тождественное. Теперь как актуальное Теперь есть данность временной позиции в настоящем. Если феномен движется в прошлое, то Теперь приобретает характер прошлого Теперь, но оно остается тем же самым Теперь, только что по отношению к соответствующему актуальному и темпорально новому Теперь оно предстает как прошлое.

Объективация временных объектов основывается на следующих моментах: содержание ощущений, которое отно-

сится к различным актуальным Теперь-точкам объекта, качественно может оставаться абсолютно неизменным, но при всем сколь угодно далеко заходящем содержательном тождестве, оно все же не обладает истинным тождеством; то же самое ощущение теперь и в некотором другом Теперь обладает различием, и притом феноменологическим различием, которое соответствует абсолютной временной позиции; это различие есть первичный источник индивидуальности «этого» и вместе с этим — абсолютной временной позиции. Каждая фаза модификации имеет «в сущности» равное качественное содержание и равный временной момент, хотя и модифицированный, и она имеет в себе это таким образом, что вследствие этого делается возможным как раз последующее идентифицирующее схватывание. Это на стороне ощущения, или основания схватывания. Различные моменты несут различные стороны схватывания, подлинной объективации. Одна сторона объективации находит свое основание чисто в качественном содержании материала ощущений: это дает временную материю, например, Тон. В течении модификации в прошлое она удерживается как идентичная. Вторая сторона объективации берет начало из схватывания репрезентантов временных позиций. Так же и это схватывание удерживается постоянно в течении модификации.

Резюмируя: Тональная точка в своей абсолютной индивидуальности удерживается в своей материи и временной позиции, но лишь последняя конституирует индивидуальность. Наконец, к этому добавляется схватывание, которое сущностно относится к модификации и которое при удержании расширяющейся предметности с ее имманентным абсолютным временем делает возможным явление постоянного отодвигания в прошлое. Таким образом, в нашем примере с тоном каждая Теперь-точка все нового и нового звучания и затухания имеет свой материал ощущения и свое объективирующее схватывание. Тон присутствует здесь как тон скрипичной струны, по которой провели смычком. Если мы не будем опять обращать внимание на объективирующее схватывание и рассмотрим чисто в материал ощущений, то он есть, скажем, по своей материи постоянно тон С, неизменный по тональному качеству и окраске звучания, колеблясь, возможно, по интенсивности и т. д. Это содержание, чисто как содержание ощущения,

как оно лежит в основе объективирующей апперцепции, расширяется; а именно, каждое Теперь имеет свое содержание ощущения, каждое другое Теперь — индивидуально другое [содержание], будь оно материально даже точно тем же самым. Абсолютно то же самое С теперь и позже равно [себе] в отношении [содержания] ощущений, но индивидуально — иное.

То, что здесь обозначается как «индивидуально», это есть первичная темпоральная форма ощущения, или, как я мог бы еще сказать, темпоральная форма первичного ощущения, здесь — ощущения соответствующей Теперь-точки и только ее. Но, собственно, саму Теперь-точку следует определить через первичное ощущение, так что высказанное утверждение должно иметь силу только в качестве указания на то, что должно подразумеваться. Импрессия, в противоположность фантазму, отличает себя посредством характера «первичности» '. Теперь, внутри [сферы] импрессии мы должны выделить первичную импрессию, по отношению к которой имеет место континуум модификаций в первичном сознании-памяти. Первичная импрессия есть [нечто] абсолютно немодифицированное, первичный источник для всего дальнейшего сознания и бытия. Первичная импрессия имеет в качестве содержания то, что означает слово «Теперь», если оно берется в строжайшем смысле. Постоянно вспыхивает все новая и новая импрессия, вместе с постоянно новой, то равной, то изменяющейся материей. То, что отделяет первичную импрессию от первичной импрессии, это индивидуализирующий момент первичной импрессии временной позиции (Zeitstelleimpression), которая в основе своей есть нечто существенно отличное по отношению к качеству и прочим материальным моментам содержания ощущений. Момент первичной временной позиции сам по себе есть, конечно, ничто, индивидуация есть ничто по отношению к тому, что обладает индивидуацией. Вся целиком Теперь-точка, вся целиком первичная импрессия претерпевает модификацию в прошлое, и лишь посредством этой модификации мы исчерпали понятие Теперь (Jetztbegriff) в целом, в той мере, в какой оно относительно и указывает на «прошлое», так же как «прошлое» — на «теперь». Эта моди-

фикация также относится прежде всего к ощущению, не уничтожая его общего импрессионального характера. Она модифицирует совокупное содержание первичного впечатления как в его материи, так и в его временной позиции; однако, она модифицирует как раз в том смысле, как это делает модификация в фантазии, а именно, сплошь модифицируя, и все же не изменяя интенциональной сущности (совокупного содержания).

Таким образом, материя есть та же самая материя, временная позиция есть та же самая временная позиция, только способ данности изменился: это есть данность прошлого. На этом материале ощущений выстраивается теперь объективирующая апперцепция. Уже когда мы всматриваемся чисто в содержания ощущений (отвлекаясь от трансцендентных апперцепции, которые, возможно, строятся на этом), мы осуществляем апперцепцию: «временной поток», длительность предстает тогда перед нами как род предметности. Предметность предполагает сознание единства, сознание идентичности. Мы схватываем здесь содержание каждого первичного ощущения как самость. Оно дает тональную точку-индивидуум, и этот индивидуум в потоке модификации в прошлое есть тождественно тот же самый: относящаяся к этой точке апперцепция пребывает в модификации в прошлое в постоянном совпадении, и тождественность индивида есть *eo ipso* тождественность временной позиции. Постоянный, бьющий ключом источник все новых и новых первичных впечатлений дает в схватывании их как индивидуальных точек постоянно все новые и различные временные позиции, постоянство дает постоянство временных позиций, в течении модификации в прошлое присутствует так же постоянный, тонально наполненный отрезок времени, однако таким образом, что посредством первичной импрессии дана только одна точка этого отрезка, и что отсюда временные позиции непрерывно являются в модифицированных градациях, отступая назад в прошлое.

Каждое воспринятое время воспринято как прошлое, которое имеет границу в настоящем. И настоящее есть предельная точка. Этой закономерности подчиняется каждое схватывание, каким бы трансцендентным оно не было. Если мы воспринимаем полет птиц, эскадрон кавалерии в галопе и т. п., то мы находим в основе ощущений описанные различия:

все новые первичные впечатления, их характер временных позиций, который придает им индивидуацию, а, с другой стороны, мы находим те же самые модусы в схватывании. Именно поэтому являет себя само объективное, полет птиц, как первичная данность в Теперь-точке, однако как полная данность — в континууме прошлого, который имеет границу в Теперь, и постоянно во все новом и новом Теперь, в то время как непрерывно предшествующее все далее и далее отодвигается в континуум прошлого. Являющийся процесс постоянно имеет тождественное абсолютное временное значение (*Zeitwerte*). В результате того, что процесс в истекшей части отодвигается далее в прошлое, он отодвигается в прошлое вместе со своим абсолютными временными позициями, и вместе со всем своим временным интервалом: т. д. тот же самый процесс вместе с тем же самым темпоральным расширением непрерывно является (пока он вообще является) тождественно как тот же самый, только что форма его данности различна. С другой стороны, поднимается одновременно из живого источника бытия, из Теперь все новое первичное бытие, по отношению к которому постоянно увеличивается расстояние принадлежащей процессу временной точки от соответствующего Теперь. Благодаря этому возникает явление погружения, отдаления.

§ 32. Участие репродукции в конституировании одного объективного времени

В сохранении индивидуальности временных точек при погружении в прошлое мы еще не имеем, однако, сознания единого, гомогенного, объективного времени. Для осуществления этого сознания важную роль играет репродуктивная память (как интуитивная, так и в форме пустых интенций). Каждая отодвинутая назад временная точка может быть превращена, благодаря репродуктивной памяти, в нулевую точку интуитивного опыта времени, причем превращена неоднократно. Пржнее временное поле, в котором сейчас отодвинутое было [некоторым] Теперь, репродуцируется, и репродуцированное Теперь отождествляется с еще живой временной точкой в непосредственном (*frisch*) воспоминании: индивидуальная интен-

ция — та же самая". Репродуцируемое временное поле простирается дальше, чем актуально настоящее. Если мы возьмем в нем некоторую точку прошлого, то репродукция, благодаря тому, что она сдвигается вместе с временным полем, в котором эта точка была Теперь[-точкой], выявляет дальнейший отход в прошлое и т. д. Это процесс, очевидно, следует мыслить как тот, который можно продолжать неограниченно, хотя актуальная память практически вскоре отказывает. Очевидно, что каждая временная точка имеет свое Прежде и свое После, и что точки и интервалы заранее не могут сгущаться наподобие приближения к математическому пределу, как, например, пределу интенсивности. Если бы была некоторая предельная точка, то ей соответствовало бы Теперь, которому ничто не предшествовало, что, очевидно, невозможно".

Некоторое Теперь есть всегда и по существу краевая точка (Randpunkt) некоторого временного интервала. И очевидно, что весь этот интервал должен погружаться, и при этом сохраняется вся его величина и вся его индивидуальность. Конечно, фантазия и репродукция не делают возможным расширение интуитивного опыта времени в том смысле, как будто объем реально данных темпоральных градаций увеличивается в синхронном сознании (Simultanbewußtsein). Возможно, в этой связи возникнет вопрос: каким образом в этом последовательном расположении в ряд временных полей приходят к одному объективному времени, с одним устойчивым порядком? Ответ подразумевает продолжающееся надвигание друг на друга (Überschiebung) временных полей, которое, поистине, не есть простое темпоральное расположение в ряд временных полей. Надвигающиеся части индивидуально идентифицируются в непрерывно интуитивном возвращении в прошлое. Если мы от каждой действительно пережитой, т.д. во временном поле восприятия первично данной временной точки или от какой-либо временной точки, репродуцирующей отдаленное прошлое, идем назад в прошлое, так сказать, вдоль прочной цепи связанных и все снова и снова идентифицируемых объективностей, то каким образом основывается здесь

Ср. Приложение IV: Воспоминание и конституирование временных объектов и объективного времени, с. 122.
Ср. с. 43-44.

линейный порядок, сообразно которому каждый произвольный временной интервал, репродуцированный даже вне непрерывного сопряжения с актуальным временным полем, должен быть звеном одной единственной, вплоть до актуального Теперь протягивающейся цепи? Даже в отношении любого произвольно сфантазированного времени существует требование, что, если его можно мыслить как действительное время (т. е. как время какого-либо временного объекта), оно должно существовать как интервал внутри одного и единственного объективного времени.

§ 33. Некоторые априорные законы времени

Очевидно, это априорное требование основывается на значимости подлежащих непосредственному схватыванию фундаментальных темпоральных очевидностей, которые становятся очевидностями на основе интуитивного опыта данностей временных позиций.

Если мы сравним сначала два первичных ощущения, или, лучше, коррелятивно — две первичных данности, являющиеся обе в одном сознании действительно как первичные данности, как Теперь, то они различаются друг от друга по своей материи, но они одновременно имеют идентично ту же самую абсолютную временную позицию, они обе — Теперь, и в том же самом Теперь они имеют с необходимостью то же самое значение временной позиции (Zeitstellenwert)'. Они имеют ту же самую форму индивидуации, они обе конституируются в импрессиях, которые принадлежат к тому же самому уровню импрессий. В этой идентичности они модифицируются и сохраняют идентичность в постоянной модификации в прошлое. Первичная данность и модифицированная данность различного или равного содержания имеют необходимо различные временные позиции; и две модифицированные данности имеют или ту же самую или различные временные позиции; ту же самую, если они берут начало из одной и той же Теперь-точки, различные — если из различных. Актуальное Те-

К конституированию одновременности ср. § 38, с. 81 ел., и Приложение VII, с. 133 ел.

перь есть одно Теперь и конституирует одну временную позицию, как бы много объективностей ни конституировалось бы отдельно в нем: они все имеют то же самое темпоральное настоящее и сохраняют свою одновременность в протекании. То, что временные позиции имеют расстояния, что последние суть величины и т. п., это можно здесь схватить с очевидностью; кроме того, [такие] истины как закон транзитивности или закон: если а раньше в, то в позже а. Каприорной сущности времени принадлежит то, что оно есть непрерывность временных позиций, то с тождественными, то с изменяющимися объективностями, которые ее наполняют, и что гомогенность абсолютного времени неизбежно конституируется в потоке модификаций в прошлое и в постоянном бьющем источнике определенного Теперь — в созидательной темпоральной точке, точке-источнике темпоральных позиций вообще.

Далее, к априорной сущности положения дел принадлежит то, что ощущение, схватывание, принятие определенной позиции (Stellungnahme), что все это сопричастно одному и тому же временному потоку, и что объективированное абсолютное время с необходимостью есть идентично то же самое, что и время, которое принадлежит ощущению и схватыванию. До-объективированное время, которое принадлежит ощущению, фундирует с необходимостью единственную возможность объективации временной позиции, которая соответствует модификации ощущения и степени этой модификации. Объективированной точке, в которой, например, начинается звон колокола, соответствует временная точка соответствующего ощущения. Оно имеет в начальной фазе то же самое время, т. е., если оно впоследствии делается объектом, то оно сохраняет с необходимостью временную позицию, которая совпадает с соответствующей временной позицией звона колокола. Точно так же, время восприятия и время воспринятого идентично то же самое'. Акт восприятия точно так же погружается во время, как [погружается] воспринятое в явлении, и в рефлексии каждой фазе восприятия должна быть дана точно та же временная позиция, как и воспринятому.

§ 34. Разделение уровней конституирования *

После того, как мы, исходя из очевиднейших феноменов, выделили в изучении сознания времени некоторые основные направления и различные слои, было бы полезно установить и систематически изучить различные уровни конституирования в их сущностном строении.

Мы нашли:

1. вещи опыта в объективном времени (где нужно было бы еще разделить различные уровни эмпирического бытия, которые до сих пор не принимались в расчет: вещь опыта отдельного субъекта, интерсубъективно тождественная вещь, вещь физики);
2. конститутивные многообразия явлений (Erscheinungsmannigfaltigkeit) различных уровней, имманентные единства в до-эмпирическом времени;
3. абсолютный темпорально-конститутивный поток сознания.

§ 35. Различия конституируемых единств и конститутивного потока "

Это абсолютное, предлежащее всякому конституированию сознание, необходимо теперь рассмотреть до некоторой степени более пристально. Его своеобразие отчетливо выявляется в противопоставлении конституируемым единствам различных уровней:

1. Каждый индивидуальный объект (каждое конституируемое в потоке единство, будь оно имманентным или трансцендентным) длится с необходимостью, т. е. объект существует непрерывно во времени и есть тождественное в этом непрерывном бытии, которое одновременно может рассматриваться как процесс. Наоборот: то, что существует во времени, существует во времени непрерывно и есть единство процесса,

Ср. к этому и последующим параграфам Приложение VI: Схватывание абсолютного потока. -Восприятие в четверяком смысле, с. 127 ел.

Ср. с. 129.

который неотделимо несет вместе с собой единство Длющегося в течении протекания. В тональном процессе (Ton-Vorgang) заключено единство тона, который длится в течении этого процесса, и наоборот, единство тона есть единство в осуществленной длительности, т. е. в процессе. Если, таким образом, нечто определено как существующее в некоторой временной точке, то оно мыслимо только как фаза процесса, в которой одновременно имеет свою точку длительность некоторого индивидуального бытия.

2. Индивидуальное, или конкретное бытие, есть в принципе нечто неизменное или изменяющееся; процесс есть изменение или покой, сам длящийся объект изменяется или покоится. Каждое изменение имеет при этом свою скорость или ускорение изменения (фигурально выражаясь) в отношении к той же самой длительности. В принципе, каждая фаза изменения должна расширяться до [состояния] покоя, каждая фаза покоя — переливаться в некоторое изменение.

Если мы рассмотрим в сравнении с этим конститутивные феномены, то мы найдем поток, и каждая фаза этого потока есть континуальность оттенков (Abschattungskontinuität). Однако принципиально ни одна фаза этого потока не должна расширяться в некоторую непрерывную последовательность, следовательно, поток нужно мыслить в таком преобразовании, чтобы каждая фаза распространялась как тождественная самой себе. Совершенно противоположно этому мы находим с принципиальной необходимостью поток постоянного «изменения», и этому изменению присуща определенная абсурдность, [а именно], что оно протекает точно так, как протекает, и не может протекать ни «быстрее», ни «медленнее». Далее, здесь отсутствует всякий объект, который изменяется; и поскольку в каждом процессе «нечто» протекает, здесь не идет речь о каком-либо процессе. Здесь нет ничего, что изменяется, и поэтому нельзя осмысленно говорить о чем-то, что длится. Таким образом, бессмысленно пытаться найти здесь нечто, что больше не изменяется в длительности.

§ 36. Темпорально-конститутивный поток как абсолютная субъективность

Итак, темпорально-конститутивные феномены суть, очевидно, принципиально другие предметности, чем конституируемые во времени. Они не есть индивидуальные объекты, или индивидуальные процессы, и осмысленно предикаты таковых не могут им быть приписаны. Следовательно, в равной степени не имеет смысла говорить о них (говорить в таком же значении), что они существуют в Теперь и были прежде, что они следовали темпорально друг за другом или существуют одновременно друг с другом и т.д. Но, пожалуй, можно и нужно сказать: определенная непрерывность явления, а именно такая, которая есть фаза темпорально-конститутивного потока, принадлежит к некоторому Теперь, а именно, к тому, которое она конституирует, и принадлежит к некоторому Прежде, а именно, как фаза, которая является (ist) конститутивной (мы не можем сказать: была) для определенного Прежде. Однако, не есть ли поток последовательность, не имеет ли он все же Теперь, актуальную фазу и непрерывность прошлых [фаз], осознанных теперь в ретенциях? Мы не можем сказать ничего другого, как: Этот поток есть нечто, что мы называем так по Конституируемому, но он не есть нечто темпорально «Объективное». Это есть абсолютная субъективность, и имеет абсолютные свойства того, что следовало бы образно назвать «потоком», что берет начало в актуальной точке, первичной точке-источнике (Urquellpunkt), «Теперь» и т. д. В актуальном переживании мы имеем первичную точку-источники непрерывность эхо-моментов. Для всего этого не хватает названий.

§ 37. Явления трансцендентных объектов как конституируемых единств

Следует еще заметить, что, когда мы говорим об «акте восприятия», и говорим, что он есть точка непосредственного воспринимания (Wahrnehmen), к которому присоединена непрерывная последовательность ретенций, мы как раз описываем моменты потока, но не темпоральные имманентные единства.

А именно, явление, например, какого-то дома, есть темпоральное бытие, длящееся, изменяющееся и т. д. Точно так же как имманентный тон, который не есть явление. Но явление дома не есть воспринимающее сознание и ретендиальное сознание. Последнее может быть понято только как темпорально конститутивное, как момент потока. Точно так же нужно отличать явление в памяти (или вспомненное имманентное, иногда вспомненное имманентное первичное содержание) от вспоминающего сознания с его ретенциями воспоминания. Мы должны всюду различать: *сознание* (поток), *явление* (имманентный объект), трансцендентный *предмет* (если первичное содержание не есть имманентный объект). Не все сознание обладает отношением к «объективно» (а именно, трансцендентному) временному, к объективной индивидуальности, как например, сознание внешнего восприятия. В каждом сознании мы находим «имманентное содержание», последнее — при содержаниях, которые называются «явлениями», есть либо явление индивидуального (некоторого внешнего временного), либо явление Не-временного. В процессе суждения (*Urteilen*) я имею явление «суждения», а именно, как имманентное временное единство, и в нем «является» суждение в логическом смысле *. [Процесс] суждения всегда имеет характер потока. Всяду, следовательно, то, что мы в *Логических исследованиях* называли «актом», или «интенциональным переживанием», есть поток, в котором конституируется имманентное временное единство (суждение, желание и т. д.), которое имеет свою имманентную длительность и, возможно, протекает более или менее быстро. Эти единства, которые конституируются в абсолютном потоке, существуют в имманентном времени, которое есть *одно* [время], и в нем имеют место некоторое Одновременное (*ein Gleichzeitig*) и равнопротяженная длительность (или, возможно, та же самая длительность, а именно, для двух имманентных одновременно длящихся объектов), и далее, некоторая определяемость в соответствии с Прежде и После.

«Явление» употребляется здесь в расширительном смысле

§ 38. Единство потока сознания и конституирование одновременности и последовательности

Мы уже ранее имели дело с конституированием таких имманентных объектов, с их происхождением из все новых первичных ощущений и модификаций. В рефлексии мы находим теперь один единственный поток, который распадается на множество потоков; но эта множественность имеет все-таки некоторое единообразие, которое позволяет и требует говорить об одном потоке. Мы находим много потоков, поскольку начинаются и заканчиваются многие ряды первичных ощущений. Однако мы находим связующую форму, поскольку для всех не только в отдельности существует закон превращения Теперь в Более-не [Теперь], а, с другой стороны, Еще-не [Теперь] в Теперь, но, кроме того, существует нечто такое, как общая форма Теперь, равенство вообще в модусе потока. Некоторые, даже многие первичные ощущения существуют «сразу» («auf einmal»), и если каждое течет, то течет «вся-сразу» («zugleich») множественность, и совершенно в одинаковом модусе, совершенно с одинаковыми грациями, совершенно в одинаковом темпе: [отличие] лишь в том, что одно [первичное ощущение] в целом прекращается, в то время как другое еще имеет перед собой свое Еще-не, а именно, свои новые первичные впечатления, которые продолжают длительность осознаваемого в нем. Или лучше описать так: многие первичные впечатления текут и располагают с самого начала теми же самыми модусами протекания, только ряды первичных ощущений, которые конститутивны для длящихся имманентных объектов, продолжают неодинаково далеко, соответствуя различной длительности имманентных объектов. Они используют не все из формальных возможностей равным образом. Имманентное время конституируется как одно для всех имманентных объектов и процессов. Коррелятивно, сознание времени имманентного есть всеединство (*Alleinheit*). Всеохватывающим является (*ist*) «Вместе», «Все-сразу» (*Zu-*

* Ср. Приложение VII: Конституирование одновременности, с. 133 ел.
Ср. § 11, с. 32.

gleich) актуальных первичных ощущений, всеохватывающим — «Прежде», «Предшествующее бытие» всех только что предшествовавших первичных впечатлений, постоянное превращение любого Вместе первичных ощущений в такое Прежде; это Прежде есть непрерывность, и каждая из ее точек есть однородная, идентичная форма протекания для всего Вместе. Это все в целом «Вместе» первичных ощущений подчиняется [такому] закону, что оно превращается в постоянный континуум модусов сознания, модусов истеклости (Abgelaufenheit), и что в той же самой постоянности первично возникает все новое и новое Вместе первичных ощущений, чтобы постоянно снова переходить в [модусы] уже истеклости.

То, что есть Вместе как Вместе-первичных-ощущений, то остается Вместе и в модусе истеклости. Первичные ощущения имеют свое непрерывное «следование друг за другом» в смысле непрерывного протекания, и первичные ощущения имеют свое Вместе, свое «Сразу». Те, которые сразу, суть действительные первичные ощущения; в последовательности, однако, одно ощущение или некоторая группа Вместе есть первичное ощущение, другие же суть истекшие. Что это, однако, означает? Здесь ничего нельзя далее сказать, кроме как: «смотри»: первичное ощущение или группа первичных ощущений, где стало осознанным имманентное Теперь (некоторый тон-Теперь, в том же самом Теперь — цвет и т. д.), постоянно превращается в модусы Прежде-сознания, в котором имманентный объект осознается как прошедший, и «сразу» вместе с этим появляется все новое и новое первичное ощущение, устанавливается новое Теперь, и при этом осознается постоянно новый тон-Теперь, образ-Теперь и т. д. В группе первичных ощущений отделяется первичное ощущение от первичного ощущения благодаря содержанию, только Теперь есть то же самое. Сознание, по своей форме, как сознание первичных ощущений, тождественно.

Однако «вместе» с сознанием первичных ощущений существуют непрерывные ряды модусов протекания «более ранних» первичных ощущений, предыдущего Теперь-сознания. Это Вместе есть, по своей форме, Вместе непрерывно варьируемых модусов сознания, в то время как Вместе первичных ощущений есть Вместе совершенно идентичных по форме модусов. В непрерывности модусов протекания мы можем выло-

вить некоторую точку, в таком случае мы найдем в ней так же Вместе равных по форме модусов протекания, или, скорее, один тождественный модус протекания. Эти два Вместе нужно принципиально различать. Одно — это область для конституирования одновременности, другое — область для конституирования временной последовательности, хотя, с другой стороны, одновременность — ничто без временной последовательности, а временная последовательность — ничто без одновременности; таким образом, одновременность и временная последовательность должны конституироваться коррелятивно и нераздельно. Терминологически мы можем различить между потокообразным (fluxional) До-Все-сразу (Vor-Zugleich) и импрессиональным Все-сразу потокообразного. Мы не можем одно или другое Все-сразу назвать некоторым Одновременным. По отношению к предельному конституирующему сознанию больше нельзя говорить о времени. Вместе с первичными ощущениями, которые вводят ретенциальный процесс, конституируется изначально одновременность, например, цвета и тона, бытие этой одновременности в некотором «актуальном Теперь», однако сами первичные ощущения не являются одновременными, а фазы потокообразного До-Сразу мы и подавно не называем одновременными фазами сознания, подобно тому как мы не можем назвать последовательность (Nacheinander) сознания временной последовательностью (Zeitfolge).

Чем является это До-Все-сразу, мы знаем из нашего предыдущего анализа: континуум фаз, которые присоединяются к некоторому первичному ощущению, из которых каждая есть ретенциальное сознание предыдущего Теперь («первичная память» о нем). При этом нужно обратить внимание: если первичное ощущение отстает, постоянно модифицируясь, то мы не только имеем вообще переживание, которое есть модификация предшествующего, но мы можем таким образом в него всмотреться, что мы «увидим», так сказать, в модифицированном предшествующее не-модифицированное. Если тональная последовательность протекает не слишком быстро, то мы можем после протекания первого тона не только «посмотреть» на него как на «еще настоящий», хотя больше неощущаемый, но обратить внимание на то, что модус сознания, которым сейчас обладает этот тон, есть «память» о модусе созна-

ния первичного ощущения, в котором он был дан как теперь. Затем нужно строго разделять между сознанием прошлого (ретенциальным и точно так же «снова»-воспроизводящим), в котором имманентный объект осознается как [он был] прежде, и между ретенцией и, соответственно, воспоминаящей «репродукцией» (смотря по тому, идет ли речь о первичном потоке модификаций ощущений или о его повторном воспроизведении) предшествующего первичного ощущения. И точно так же — для любого иного протекания.

Если какая-либо фаза длительности имманентного объекта есть Теперь-фаза, следовательно, осознается в первичном ощущении, то в До-Все-сразу с этим первичным ощущением объединены непрерывно присоединяющиеся друг к другу ретенции, которые сами по себе характеризуются как модификации первичных ощущений, которые принадлежат всем прочим темпорально истекшим точкам конституируемой длительности. Каждая из этих ретенций имеет определенный модуль, которому соответствует временное расстояние от Теперь-точки. Каждая [из них] есть сознание прошлого соответствующей предшествующей Теперь-точки и дает ее в модусе Прежде, который соответствует ее положению в истекшей длительности.

§ 39. Двойная интенциональность ретенции и конституирование потока сознания

Двойственность в интенциональности ретенции дает нам указание для разрешения трудности: каким образом мы получаем знание о единстве предельного конституирующего сознания. Здесь несомненно заключена трудность: если истек замкнутый (принадлежащий к длящемуся процессу или объекту) поток, то я могу все же обратиться на него взгляд; он образует в памяти, как кажется, некоторое единство. Таким же образом и поток сознания конституируется, очевидно, в сознании как единство. В нем конституируется, например, единство тональной длительности, он сам, однако, снова конституируется как

единство сознания-тональной-длительности. И не должны ли мы затем так же сказать, что это единство конституируется совершенно аналогичным образом и есть точно так же конституированный временной ряд; следовательно, нужно было бы опять говорить о временном Теперь, Прежде и После?

В соответствии с предшествующими рассмотрениями, мы можем дать следующий ответ: это есть один, единственный поток сознания, в котором конституируется имманентное временное единство тона и в то же время — единство самого потока сознания. Вызывает недоумение и даже сначала кажется бессмысленным, что поток сознания конституирует свое собственное единство, но все же это так. И это становится понятным из его сущностного конституирования. Взгляд может быть направлен, во-первых, сквозь «совпадающие» в непрерывном продолжении потока фазы как интенциональности тона. Взгляд, однако, может так же направиться на поток, на интервал потока, на переход текучего сознания от вступления тона к концу тона. Каждое оттеняющее сознание (*Bewußtseinsabschattung*) вида «ретенции» имеет двойную интенциональность: во-первых, это та, которая служит для конституирования имманентного объекта, тона; ее мы называем «первичной памятью» (только что данного в ощущении) тона, или, более ясно, ретенцией тона. Другая — конститутивна для единства этой первичной памяти в потоке; ретенция есть именно то, что она есть Еще-сознание, удерживающее [сознание], есть именно ретенция, ретенция протекшей тональной ретенции: в своем постоянном само-оттенении в потоке она есть непрерывная ретенция непрерывно предшествующих фаз.

Если мы схватываем какую-либо фазу потока сознания (в фазе является тональное Теперь и интервал тональной длительности в модусе Только-что-протекшего), то она содержит единую в До-Все-сразу непрерывность ретенций; последняя есть ретенция совокупной непрерывности моментов непрерывно предшествующих фаз потока (в начальном звене она есть первичное ощущение, в непрерывно за ним следующем первом звене, в первой оттеняющей фазе — это непосредственная ретенция предшествующего первичного ощущения, в фазе следующего момента — ретенция ретенции предшествующего первичного ощущения и т. д.). Если мы теперь

позволим потоку протекать дальше, то мы имеем поток-континуум в протекании, который позволяет ретенциально варьироваться только что описанной непрерывности, и при этом каждая новая непрерывность моментально[-всех-]сразу существующих фаз есть ретенция по отношению к совокупной непрерывности [того] Все-сразу, [которое имеет место] в предшествующей фазе. Таким образом, сквозь поток проходит продольная интенциональность (Längsintentionalität), которая в течении потока существует в постоянном единстве совпадения с самой собой. В абсолютном переходе, протекая, изменяется первое первичное ощущение в свою ретенцию, эта ретенция — в ретенцию последней ретенции и т. д. Однако одновременно (zugleich) с первой ретенцией сопresentствует новое «Теперь», новое первичное ощущение, и связанное с ней моментально-непрерывно, так что вторая фаза потока есть первичное ощущение нового Теперь и ретенция предыдущего, третья фаза опять — новое первичное ощущение с ретенцией второго первичного ощущения и ретенция ретенции первого и т. д. При этом нужно принять также в расчет, что ретенция некоторой ретенции не только обладает интенциональностью по отношению к непосредственно удержанному, но так же по отношению к удержанному в удержании второго уровня и, наконец, по отношению к первичному данному, которое здесь всецело объективировано. Аналогично тому, как воспроизведение явления вещи имеет интенциональность не только в отношении явления вещи, но так же и в отношении являющейся вещи, или, еще лучше, так же как память об А делает осознанным не только память, но так же А как вспомненное [этой] памяти.

В соответствии с этим, мы полагаем, что в потоке сознания, благодаря непрерывности ретенциальных изменений и [благодаря тому] обстоятельству, что они непрерывно суть ретенции непрерывно предшествующих [ретенций], конституируется единство самого потока как квази-временной порядок одного измерения. Если я направляю внимание на тон, если я, прислушиваясь, вживаюсь в «поперечную интенциональность» (Querintentionalität) (в первичное ощущение как ощущение соответствующего тонального Теперь, в ретенциальные изменения как первичные воспоминания ряда истекших тональных точек, и ощущая [erfahrend] в потоке ретенциальных

изменений первичных ощущений и уже наличных ретенций беспрерывное единство), то здесь пребывает длящийся тон, постоянно расширяясь в своей длительности. Если я настраиваюсь на «продольную интенциональность» и на Конституирующееся в ней, то я перевожу рефлектирующий взгляд от тона (который длился так-то и так-то долго) на новое [данное] первичного ощущения после некоторой точки в До-Все-сразу и на то, что «совместно» (zugleich) с этим удерживается в соответствии с постоянным рядом [точек]. Удержанное есть прошлое сознание в его ряде фаз (прежде всего в его предшествующей фазе), и теперь, в постоянном дальнейшем протекании потока сознания я схватываю удержанный ряд истекшего сознания с предельной точкой актуального первичного ощущения и постоянным отодвиганием этого ряда при новом вступлении ретенций и первичных ощущений.

Здесь можно спросить, могу ли я найти и схватить в одном взгляде заключенное в некоторое До-Все-сразу все в целом ретенциальное сознание прошлого протекания сознания? Очевидно, необходимый процесс состоит в том, что я должен схватить сначала само До-Все-сразу, и оно постоянно модифицируется, оно ведь есть то, что оно есть, только в потоке; и теперь поток, в той мере, в какой он варьирует это До-Все-сразу, находясь интенционально в совпадении с самим собой, конституирует единство в потоке, и Единое (Eine) и Идентичное сохраняет постоянный модус отодвигания; сначала устанавливается все Новое и Новое, чтобы тотчас точно так же снова истечь в связности своих моментов. Во время этого процесса взгляд может быть зафиксирован на мгновенном Все-сразу (Momentan-Zugleich), которое погружается; однако конституирование ретенциального единства выходит за эти пределы и прибавляет все Новое и Новое. На это может быть направлен взгляд в этом процессе, и сознание в потоке всегда существует как конституируемое единство.

Таким образом, в одном, единственном потоке сознания переплетены друг с другом две нераздельно единые, как две стороны одной и той же вещи, друг друга требующие интенциональности. Благодаря одной конституируется имманентное время, объективное время, подлинное [время], в котором имеет место длительность и изменение длящегося; в другой — квази-временное расположение фаз потока, который всегда и

с необходимостью имеет текучую «Теперь»-точку, фазу актуальности, и серии до-актуальных и после-актуальных (еще не актуальных) фаз. Это пред-феноменальная, пред-эмпирическая временность конституируется интенционально как форма темпорально конституирующего сознания и в самом этом сознании. Поток имманентного темпорально конституирующего сознания не только есть, но устроен таким удивительным и все же понятным образом, что в нем необходимо должна существовать самоявленность (Selbsterscheinung) потока, и отсюда сам поток должен быть постижим с необходимостью в протекании. Самоявленность потока не требует второго потока, но как феномен он конституируется в себе самом¹. Конституирующее и Конституируемое совпадают, и все же они не могут, естественно, совпадать в каждом аспекте. Фазы потока сознания, в которых феноменально конституируются фазы того же самого потока сознания, не могут быть идентичны этим конституируемым фазам, и они не таковы. То, что становится явлением в мгновенно-актуальной [точке] потока сознания, это суть прошедшие фазы потока сознания в ряду его ретенциальных моментов.

§ 40. Конституируемые имманентные содержания

Мы переходим теперь к слою имманентных содержаний, конституирование которых есть работа абсолютного потока сознания и рассмотрим их несколько ближе. Эти имманентные содержания суть переживания в обычном смысле: данные ощущений (пусть даже незамечаемые), например, красное, синее и т. п.; далее, явления (явление дома, явление окрестности и т. д.), [все равно,] направляем ли мы внимание на них и на их «предметы» или нет; затем «акты» высказывания, желания, воления и т. д. и соответствующие репродуктивные модификации (фантазии, воспоминания). Все это суть содержания сознания, содержания первичного, конституирующего временные предметы сознания, которое само не есть в этом

Ср. Приложение IX: Первичное сознание и возможность рефлексии, с. 138 ел.

смысле содержание, предмет в феноменологическом времени.

Имманентные содержания суть то, что они суть, лишь поскольку они во время своей «актуальной» длительности предварительно указывают на будущее и указывают назад на прошлое. В этих «туда» и «обратно» указаниях нужно еще различать следующее: в каждой фазе, которая первично конституирует имманентное содержание, мы имеем ретенции предшествующих и протенции приходящих фаз именно такого созерцания, и эти протенции осуществляются, пока длится именно это содержание. Эти «определенные» ретенции и протенции имеют смутный горизонт, они переходят, протекая, в неопределенные, относящиеся к прошлому и будущему протеканию потока, благодаря которым образуется актуальное содержание единства потока. От ретенций и протекций мы должны затем отличать воспоминания и ожидания, которые относятся не к конституирующим фазам имманентного содержания, но воспроизводят прошлые или будущие имманентные содержания. Содержания длятся, они имеют свое время, они суть индивидуальные объективности, они суть изменяющиеся или неизменные единства.

§ 41. Очевидность имманентных содержаний. Изменение и неизменность

Если говорят об очевидной данности имманентного содержания, то очевидность, само собой разумеется, не может означать безусловной уверенности в точечном временном бытии тона; таким образом понятую очевидность (как она, например, еще допускалось Brentano) я бы посчитал за фикцию. Если к сущности подлежащего быть данным в восприятии содержания принадлежит его темпоральная протяженность, то несомненность восприятия может означать не что иное, как несомненность относительно темпорально протяженного бытия (Dasein)^{*}. И опять-таки это означает: все вопросы, которые касаются индивидуального существования, могут найти

¹ О внутреннем восприятии, ср. § 44, с. 100.

свой ответ только через возвращение к восприятию, которое дает нам индивидуальное существование (Existenz) в строжайшем смысле. Насколько с самим восприятием смешивается еще нечто такое, что не есть восприятие, настолько содержит оно еще проблематичность. Если речь идет об имманентном содержании, а не об эмпирических вещественностях, то в восприятиях всецело и полностью должно реализоваться: Длиться и Самоизменяться, Сосуществовать и Следовать друг за другом, и [это] действительно достаточно часто реализуется. Это происходит в восприятиях, которые суть чисто созерцающие восприятия, конституирующие длящиеся или изменяющиеся содержания как таковые в строжайшем смысле; восприятия, которые в себе самих не содержат более никакой возможной проблематичности: к ним нас приводят все вопросы о происхождении [содержаний сознания], однако они сами исключают дальнейшие вопросы о происхождении. Ясно, что очевидность внутреннего восприятия, о которой столь много говорилось, очевидность cogitatio, потеряла бы всякое значение и смысл, если бы мы захотели исключить временную протяженность из сферы очевидности и истинной данности.

Рассмотрим теперь это сознание очевидности длительности и проанализируем само это сознание. Если тон С (и притом не просто качество С, но совокупное тональное содержание, которое должно оставаться совершенно неизменным) воспринимается длящимся и дан как длящийся, то это С растягивается на некоторый промежуток непосредственного временного поля, т. д. в каждом Теперь выступает не другой тон, но постоянно и непрерывно тот же самый. То, что выступает тот же самый [тон], эта непрерывность идентичности есть внутренний характер сознания. Временные позиции не отделяются друг от друга посредством обособляющихся актов, единство восприятия есть здесь неразрывное единство, которое лишено всех выделяющихся внутренних различий. С другой стороны, существуют все же различия, поскольку каждая временная точка индивидуально отличается от любой другой, но именно отличается (verschieden), но не отделена (geschieden). Неразличимое равенство темпоральной материи и постоянство модификации темпорально полагающего сознания фундирует по существу сплавленность в единство неразрывного протяжения С, и лишь при этом возникает некоторое

конкретное единство. Лишь как темпорально протяженный, тон С есть конкретный индивидуум. Конкретное есть каждый раз единственно данное, и само собой разумеется, [лишь] процесс интеллектуального анализа создает возможность для рассуждений, которые были только что предприняты. Неразрывное единство С, которое есть Перво-данное (Erstgegeben), обнаруживает себя как делимое единство, как сплавленность идеально (ideell) в нем различных и, возможно, находящихся в нем моментов, например, с помощью одновременной [с этим] последовательности, благодаря которой в параллельно протекающей длительности будут различимы отрезки, в отношении которых затем может иметь место сравнение и идентификация.

Впрочем, в таких описаниях мы уже оперируем немного с идеализирующими фикциями. Это фикция, что тон длится абсолютно неизменно. В те или иные моменты всегда будут иметь место большие или меньшие колебания, и, таким образом, непрерывное единство относительно некоторого момента будет связано с различенностью другого момента, которая придает этому непрерывному единству косвенную делимость. Разрыв качественной тождественности, прыжок от одного качества к другому внутри одного и того же рода качеств в некоторой временной позиции — дает новое переживание, переживание изменения, причем, очевидно, что не в каждой точке временного интервала возможна дискретность. Дискретность предполагает непрерывность, будь это в форме неизменной длительности или постоянного изменения. Что касается предельного, постоянного изменения, то фазы сознания изменения (Änderungsbewußtsein) равным образом переходят друг в друга неразрывно, следовательно, в модусе сознания единства, сознания тождества, как и в случае лишенной изменения длительности. Но единство обнаруживает себя не как лишенное различий единство. То, что в начале переходит друг в друга неразличимо, выявляет в дальнейшем ходе непрерывного синтеза отклонение и все большее отклонение, и, таким образом, смешивается равенство с различенностью, и вместе с растущим растяжением дана непрерывность увеличения различенное™. Первичная Теперь-интенция является, сохраняя себя индивидуально и дальше, во все новом и новом сознании синхронности (Siraultanbewußtsein) как положенная в един-

стве с интенциями, которые, чем далее они стоят от нее темпорально, выявляют все увеличивающуюся различенность, дистанцию. Вначале Совпадающее, а затем почти Совпадающее все более отходят друг от друга, Старое и Новое более не является как в сущности полностью одно и то же, но как всегда другое и более чуждое, несмотря на родовую общность. Так появляется сознание «постепенно изменяемого», сознание увеличивающей дистанции в потоке постоянного идентифицирования.

В случае неизменяющейся длительности мы имеем постоянное сознание единства, которое в дальнейшем продвижении постоянно остается однородным сознанием единства. Совпадение полагается сквозь весь ряд постоянно продвигающихся интенций, и пронизывающее единство есть всегда единство совпадения, оно не дает появиться сознанию [определенного] «иначе», отдаления, дистанции. В сознании изменения так же имеет место совпадение, которое так же определенным образом проходит сквозь все темпоральное протяжение; однако при совпадении в общем появляется одновременно и увеличивающееся отклонение в отношении различия. То, как материя изменения распределяется во временном интервале, определяет сознание быстрого или медленного изменения, его скорости и ускорения. Однако в любом случае, а не только в случае постоянного изменения, сознание инаковости, различенности предполагает единство. В перемене должно быть нечто Дящееся, и точно так же в изменении — нечто, что составляет тождество того, что изменяется или претерпевает некоторую перемену. Само собой понятно, это отсылает к сущностным формам сознания Индивидуального. Если качество тона остается неизменным, а изменяется интенсивность тона или окраска звучания, то мы говорим: тот же самый тон изменяет свою окраску звучания или изменяется относительно интенсивности. Если во всем феномене в целом ничего не остается неизменным, если он изменяется «по всем определенностям», то и здесь еще есть возможность установить единство: а именно, неразличенность, с которой смежные фазы переходят друг в друга и тем самым устанавливают сознание единства. Вид и форма целого остается по своему роду теми же самыми. Подобное переходит в подобное внутри многообразия подобных, и наоборот: Подобное есть то, что может

принадлежать единству непрерывного перехода, или все, что имеет некоторую дистанцию — точно так же как Равное есть то, что может лежать в основе единства неизменяющейся длительности (покоя), или то, что не имеет никакой дистанции. И так — везде, где только идет речь об изменении и перемене. Сознание единства должно лежать в основе.

§ 42. Импрессия и репродукция

При этом нужно заметить, что если мы прослеживаем конституирование не импрессиональных содержаний в их длительности, но, например, содержаний памяти, то мы не можем говорить о первичных впечатлениях, которые соответствуют их Теперь-точке. Во главе стоят здесь первичные воспоминания (как абсолютные фазы), не то, что вносится «извне», «чуждое сознанию», первично сотворенно-возникшее (Urgezeugt-Er-sprungenes), но всплывающее, повторно всплывающее, как мы могли бы сказать (по крайней мере, в отношении памяти). Этот момент, хотя он сам не есть импрессия, все же подобно импрессии не есть продукт спонтанности, но некоторым образом есть нечто рецептивное. Можно было бы говорить здесь о пассивном принятии (Empfängnis) и различать пассивное принятие, которое привносит Новое, Чуждое, Первичное, и пассивное принятие, которое только заново приносит, воспроизводит.

Каждое конституируемое переживание есть импрессия или репродукция; как репродукция оно есть воспроизведение (Vergegenwärtigen), или нет. В любом случае, оно само есть (имманентно) присутствующее-настоящее (Gegenwärtiges). Но каждому сознанию настоящего и сознанию, осуществляющему настоящее (gegenwärtigen und gegenwärtigenden Bewußtsein) соответствует идеальная возможность точно соответствующего воспроизведения этого сознания. Импрессиональному восприятию соответствует возможность его воспроизведения, импрессиональному желанию — его воспроизведение и т. д. Это воспроизведение касается так же каждого чувственного содержания ощущения. Ощущаемому красному соответствует фантазм «Красное», сознание воспроизведения импрессионального Красного. При этом ощущению (Empfin-

den) (т.д. восприятию гилетических данных) соответствует воспроизведение ощущения. Каждый [акт] воспроизведения (Vergegenwärtigen) есть сам, однако, снова настоящий (gegenwärtig), благодаря импрессиональному сознанию. Таким образом, в определенном смысле все переживания осознаются через импресии или отпечатываются [с них] (imprimieren). Среди них есть, однако, такие, которые появляются как репродукции, как воспроизводящие модификации импресий, и каждому сознанию соответствует такая модификация (при этом воспроизведение [как акт] не понимается здесь и как пристальное внимание). Восприятие есть сознание некоторого предмета. Как сознание, оно есть в то же время импрессия, имманентно присутствующее-настоящее. Этому имманентно осуществляющемуся настоящему (Gegenwärtigen), [акту] восприятия (Wahrnehmen) некоторого А соответствует репродуктивная модификация: воспроизведение [акта] восприятия, [акт] восприятия в фантазии или в воспоминании. Однако такое «восприятие в фантазии» есть одновременно фантазия воспринятого объекта. В восприятии присутствует предмет, скажем, вещь или вещественный процесс как настоящий. Восприятие, таким образом, не только само есть настоящее (gegenwärtig), но в то же самое время оно есть некоторое осуществление настоящего (ein Gegenwärtigen), в нем находится некоторое присутствующее настоящее (ein Gegenwärtiges), вещь, процесс. Точно так же воспроизводящая модификация восприятия есть в то же время воспроизведение воспринятого объекта: вещь как объект фантазируется, вспоминается, ожидается.

В первичном сознании конституируются все импресии, первичные содержания как переживания, а также переживания, которые суть «сознаниео...». Ибо переживания разделяются на эти два фундаментальных класса переживаний: одни суть акты, суть «сознание о...», суть переживания, которые «имеют отношение к чему-либо», другие нет. Ощущаемый цвет не имеет отношения к чему-либо '. Точно так же [не имеет

Если правомерно называть актом первичное сознание, поток, конституирующий имманентное время и принадлежащие к нему переживания, или разделить его на единства и акты, то можно и нужно было бы, пожалуй, сказать; первичный акт, или первичный связывающий акт, конституирует единства, которые сами — или

отношения к чему-либо] содержание фантазии, например, фантазм «Красное» как парящее перед нами Красное (даже если оно не стало объектом внимания). Однако, пожалуй, фантазия-сознание красного [обладает таким отношением как и] все первичные воспроизведения. Мы находим, таким образом, импресии, которые суть воспроизведения импрессионального сознания: как импрессиональное сознание есть сознание имманентного, так и импрессиональное воспроизведение есть воспроизведение имманентного.

Импрессию (в узком смысле, в противоположность воспроизведению) нужно понимать как первичное сознание, которое позади себя не имеет какого-либо сознания, в котором оно бы осознавалось, напротив, воспроизведение, даже наименее имманентное воспроизведение есть уже вторичное сознание, оно предполагает первичное [сознание], в котором оно осознается импрессионально.

§ 43. Конституирование явлений вещей и вещей. Конституируемые схватывания и первичные схватывания

Давайте рассмотрим такое первичное сознание, как например, восприятие этой медной пепельницы: она находится здесь как длящееся вещественное бытие. Рефлексия позволяет различить: само восприятие (воспринимающее схватывание, взятое конкретно вместе с данными схватывания: например, восприятие-явление в модусе достоверности) и воспринятое (оно должно быть описано в очевидных, основанных на восприятии, суждениях); оно есть в то же время полагаемое (Gemeintes): определенное полагание (das Meinen) «живет» в восприятии. Воспринимающее схватывание в своем модусе, как показывает рефлексия, само есть нечто имманентно-темпорально конституируемое, находящееся в единстве [осуществленного] настоящего (Gegenwärtigkeit), хотя оно не есть полагаваемое. Оно конституируется через многообразие Теперь-фаз и ретенций. Как содержания схватывания, так и интенции схватывания, к которым принадлежит модус достоверности, кон-

акты, или нет. Это, однако, создает трудности.

ституируются таким образом. Содержания ощущений конституируются как единства в чувственных впечатлениях, схватывания — в других переплетенных с ними акт-импрессиях. Восприятие как конституируемый феномен есть, в свою очередь, восприятие вещи.

5

В первичном сознании-времени конституируется явление вещи, схватывание вещи как длящийся, неизменный феномен, или как изменяющийся. И в единстве этого изменения «осознается» новое единство: единство неизменной или изменяющейся вещи, неизменной или изменяющейся в своем времени, в своей длительности. В том же самом импрессиональном сознании, в котором конституируется восприятие, конституируется так же и именно вследствие этого воспринятое. Быть в одно и то же время сознанием единства имманентного вида и сознанием единства трансцендентного вида — это принадлежит к сущности таким образом устроенного сознания. К его сущности принадлежит и то, что полагающий (*meinender*) взгляд может быть направлен то на чувственное ощущение, то на явление, то на предмет. *Mutatis mutandis* это имеет силу для всех «актов». К их сущности повсюду принадлежит то, что они имеют интенциональность трансцендентного вида и могут ее иметь только посредством имманентно конституируемого, благодаря «схватываниям». И везде это обосновывает возможность ставить имманентное, схватывание с его имманентным содержанием в отношении к трансцендентному. И это установление отношения снова дает «акт», акт более высокой ступени.

10

15

20

25

При этом нужно, пожалуй, обратить внимание: комплекс содержаний ощущений, которые сами в изначальном временном потоке суть конституируемые единства, подвергается в восприятии единству схватывания. И само объединяющее схватывание есть опять-таки конституируемое единство в первом смысле. Имманентные единства осознаются в своем конституировании не тем же самым образом, как являющееся в трансцендентном явлении, воспринятое в трансцендентном восприятии. С другой стороны, они все же должны иметь, что касается их сущности, некоторую общность. Ибо имманентная импрессия есть осуществление настоящего (*Gegenwärtig*), так же как и восприятие есть осуществление настоящего; в одном случае, мы имеем имманентное осуществление настоя-

3°

35

щего, в другом — трансцендентное осуществление настоящего «через» явления. Таким образом, в то время как трансцендентные явления суть единства, конституируемые во внутреннем сознании, «в» этих единствах снова должны конституироваться другие единства: являющиеся объекты.

5

Имманентные единства, как мы видели, конституируются в потоке темпорального многообразия оттенков. Мы имеем здесь: принадлежащие к каждой темпоральной точке имманентного содержания и идущие вдоль направления потока сознания многообразные модифицированные первичные содержания, которые характеризуются как ретенциальные модификации первичного содержания, в [моменте, имеющем] характер Теперь. И эти первичные содержания суть носители первичных схватываний, которые в своей текучей связи конституируют временное единство имманентного содержания в его отодвигании в прошлое. «Содержания» в случае явления в восприятии (*Wahrnehmungerscheinung*) суть именно все эти явления в целом как темпоральные единства. Так же и схватывание в восприятии (*Wahrnehmungsauffassung*) конституируется в таком многообразии оттенков, которое становится единым благодаря единству темпорального схватывания. Мы должны здесь, таким образом, понимать схватывание в двояком смысле: как то, которое имманентно конституируется, и как то, которое принадлежит имманентному конституированию, фазам самого первичного потока, [как] первичное схватывание, которое больше не конституируется. В имманентном протекании явлений, в непрерывном следовании схватываний друг за другом в феноменологическом времени, которые мы называем восприятиями, конституируется теперь временное единство, поскольку непрерывность схватываний дает не только единство изменяющихся явлений (как, например, ряд аспектов при вращении вещи, которые являются как аспекты одной и той же вещи), но и единство явлений длящейся и изменяющейся вещи.

10

15

20

25

3°

35

Имманентное время объективируется во время конституируемых в имманентных явлениях объектов вследствие того, что в многообразии оттенков содержаний ощущений как единств в феноменологическом времени, и, соответственно, в феноменологически-темпоральном многообразии оттенков схватываний этих содержаний является тождественная веще-

ственность, которая постоянно во всех фазах представляет себя самое в многообразиях оттенков'. Вещь конституируется в протекании своих явлений, которые сами конституированы как имманентные единства в потоке первичных импрессий, и с необходимостью конституируется одно вместе с другим. Являющаяся вещь конституируется, так как конституируются в первичном потоке единства ощущений и единообразные схватывания, следовательно, постоянно сознание о чем-то, изображающее представление (*Darstellung*), точнее, представление чего-либо в качестве настоящего (*Gegenwärtigung von etwas*), и в непрерывной последовательности — изображающее представление того же самого. Протекания изображающих представлений (*Darstellungsfluentien*) обладают такого рода потоком и связью, что являющееся в них расходится именно в такие, точно так же сформированные многообразия оттенков изображающих представлений, как содержание ощущений — в оттенки ощущений. Именно поэтому многообразие схватываний характеризуется как то, что осуществляет настоящее (*gegenwärtigende*), точно так же как имманентные импрессии.

Сразу же видно, что, если первично представленные (*urgräsenten*) чувственные данные кроме первичных представлений (*Urgräsentation*) и сущностно с ними взаимосвязанных первичных ретенций и первичных протекций непрерывно несут [в себе] характер схватывания конституирования пространственной вещи, [то] феноменологическое время, к которому принадлежат данные ощущений и схватывания вещи, и время пространственной вещи (*Raumzeit der Dinge*) должны совпадать во всех точках. Вместе с каждой заполненной точкой феноменологического времени представляет себя (благодаря содержаниям ощущений и их схватываниям, которые в нем заключены) точка наполненного объективного времени.

5

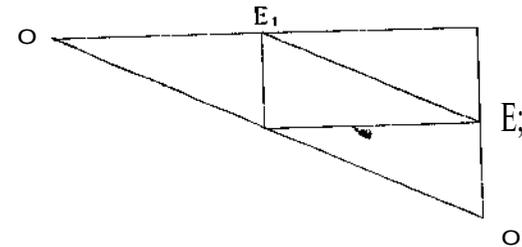
10

15

20

25

3°

При этом мы имеем в вертикальных рядах диаграммы не только сплошное вертикальное совпадение, которое принадлежит к феноменологическому конституированию времени (в соответствии с чем первичное данное E_2 и ретенциальная модификация O' объединены в одном моменте), но так же и принадлежащие к каждому вертикальному ряду ретенциальные оттенки схватываний вещи, как схватываний вещи, находятся в сплошном совпадении. Здесь два совпадения. Ряд схватываний вещи совпадает [с ретенциальными модификациями первичного данного] не только в том случае, когда он со-конституирует непрерывную последовательность, но в том случае, когда он конституирует ту же самую вещь. Первое есть совпадение в связующем сущностном равенстве, последнее есть совпадение идентичности, так как в непрерывном идентифицировании последовательности осознается длящееся тождественное. Естественно сюда относится так же непрерывное последовательное идентифицирование от вертикального ряда к вертикальному ряду при наполнении протекций, которые теперь также имеют объективно-пространственный смысл.

Уже было указано на аналогию в конституировании имманентных и трансцендентных единств: Так же как «ощущения-оттенки» (первичные данные изображающего представления для единств ощущений в феноменологическом времени) имеют свой закон, свой сущностный характер в первичной последовательности (*Urfolge*), и вследствие переданной на диаграмме модификации конституируют единство ощущения, аналогично этому обстоит дело с оттенками вещей, или с «явлениями», которые функционируют как первичные данные первичной последовательности. Первичная последователь-

ность моментов явления конституирует, благодаря темпорально-основывающим ретенциям и т.п., (изменяющееся или неизменяющееся) явление как феноменологически-темпоральное единство. Однако к этому: явления из многообразия явлений, которые принадлежат к той же самой неизменяющейся вещи, имеют оптическую сущность (сущность являющегося), которая полностью та же самая — так же как и принадлежащие к некоторому неизменяющемуся красному данным [определенных] моментов суть полностью [данные] той же самой сущности. Точно так же ряды изменений вещи, как и ряды изменений Красного, подчиняются твердому закону. Таким образом, интенционально конституируется в одном двойное: явление и являющееся, и в различных явлениях — неизменное или же изменяющееся являющееся. Естественно, теперь вопрос в том, какие свойства имеют явления вещи, которые суть явления того же самого (*vorn Selben*). Это вопрос конституирования пространственной вещи, которое предполагает темпоральное конституирование.

§ 44. Внутреннее и внешнее восприятие¹

Теперь мы говорим, однако, о ддящемся восприятии, и притом с таким же правом при восприятии вещи, как и при имманентном восприятии. При восприятии вещи к восприятию причисляют так же постоянное явление в восприятии, непрерывность Теперь-явлений вещи, отвлекаясь от ретенциальных и протенциальных переплетений. Явление вещи, «вещь в ее ориентации», в определенном изображающем представлении и т. д. есть нечто ддящееся, так же как и просто вещь, которая является. Так же просто являющаяся боковая поверхность есть нечто, что длится и изменяется в этой длительности. Я не могу, собственно, сказать: «вещь в ее ориентации», но: процесс явления вещи, которое, если ориентация остается неизменной, продолжает длиться, а в другом случае, имеет место постоянное протекание изменения явлений, однако внутри длительности.

¹ Ср. Приложение XI: Адекватное и неадекватное восприятие, с. 147 ел., и Приложение XII: Внутреннее сознание и схватывание переживаний, с. 151 ел.

Так же и при восприятии имманентного объекта мы можем имманентное Теперь [-моментов] собрать в его непрерывности: тогда это, однако, есть длительность самого объекта. В том смысле, как при внешнем восприятии, объект как раз не является. Таким образом, тогда как «восприятие» в случае сознания некоторого внешнего объекта может обозначать внешнее явление как имманентный объект, причем тогда восприятие и воспринятое, само собой разумеется, есть нечто различное, нельзя, если мы говорим о внутреннем восприятии, и при этом так же восприятие и воспринятое должны оставаться различными, под восприятием понимать имманентное, т. е. именно сам объект. Если мы говорим о внутреннем восприятии, то под этим может быть понято только следующее: или 1. внутреннее сознание единого имманентного объекта, который наличен так же без поворота к нему внимания, а именно, как [сознание], конституирующее темпоральное; 2. внутреннее сознание с поворотом внимания. При этом легко увидеть, что акт поворота внимания, схватывание есть имманентный процесс, который имеет свою имманентную длительность, которая совпадает с длительностью имманентного тона во время поворота внимания к нему.

В случае внешних объектов мы имеем, таким образом:

1. внешнее явление;
2. конституирующее сознание, в котором внешнее явление конституируется как [нечто] имманентное;
3. поворот внимания, который равным образом может быть поворотом внимания как к явлению и его компонентам, так и к являющемуся.

Только последнее принимается в соображение при разговоре о внешнем восприятии.

Аналогичное рассуждение следует провести и для воспоминания, только воспоминание как таковое имеет свою собственную интенциональность, а именно, интенциональность воспроизведения. Воспоминание обладает своим единством как процесс во внутреннем сознании и обладает в единстве имманентного времени своей позицией и своей длительностью. Это имеет силу как в отношении воспоминания имманентного, так и воспоминания трансцендентного. И всякое воспоминание является (если отвлечься от поворота внимания) одновре-

менно и воспоминанием имманентного. В то время как сознание имманентного тона как первичное внутреннее сознание не может иметь никакой имманентной временности, воспроизводящее сознание (*Vergegenwärtigungsbewußtsein*) имманентного тона (которое в соответственно измененном смысле есть воспроизводящее сознание внутреннего сознания тона) есть имманентный объект, принадлежащий к имманентной временности.

§ 45. Конституирование не-темпоральных трансценденций

Далее нужно заметить: каждое сознание в смысле единства (как конституированное имманентное единство) есть в то же время с необходимостью единство сознания предметного, к которому оно «относится». Но не каждое есть само сознание времени (*Zeitbewußtsein*), т. д. сознание некоторого временного (*Zeitlichen*), [сознание], конституирующее интенционально-время.

Так, судящее сознание (*Urteilbewußtsein*) о некотором математическом положении дел есть импрессия, но математическое положение дел, которое «присутствует» (*dasteht*) как однородное в своем единстве, не есть [нечто] временное; акт суждения (*das Urteilen*) не есть акт представления настоящего (или воспроизведения) *. Соответственно, можно говорить о том, что вещь, событие, временное бытие представляется в фантазии, что оно является в фантазии, в воспоминании, в ожидании или ретенциально, точно так же можно сказать, что оно является и воспринимается как настоящее. Напротив, нельзя говорить о том, что математическое положение дел является как настоящее или воспроизведенное. Акт суждения может длиться более долго или менее долго, он имеет свое расширение в субъективном времени и может быть настоящим или воспроизведенным. Обсуждаемое (*Geurteilte*) не есть, однако, долгое или короткое, длящееся или менее длящееся.

* Ср. Приложение XIII: Конституирование спонтанных единств как имманентных временных объектов. - Суждение как временная форма и абсолютное темпорально конституирующее сознание, с. 157 сл.

И точно так же квази-обсуждаемое в воспроизведении суждения. Воспроизводится суждение, но не обсуждаемое. Если говорят о том, что некоторое положение вещей «просто мыслится», то это не означает, что оно воспроизведено, но что в нем имеет место характер нейтральной модификации, вместо характера веры. Модальности веры ни в коем случае не совпадают с модальностями Настоящего-Ненастоящего, но перекрещиваются с ними. По отношению к индивидуальному положению дел можно еще — в переносном смысле — говорить о темпоральных свойствах в той мере, в какой вещь (*Sache*), которая в положении вещей (*Sachverhalt*) логико-аналитически выделена и синтетически схвачена, может быть настоящей в восприятии или воспроизведенной в фантазии. Однако для невременного положения вещей, для такого, которое совершенно не говорит [нам] о временном, это не имеет смысла. Воплотить свою фантазию в математическом суждении не означает: превратить математическое положение вещей в представление фантазии, как если бы оно могло быть тем, что представлено (*Dargestelltes*), осуществляясь в настоящем или воспроизводясь.

Явление в точном смысле презентации принадлежит только к сфере представления настоящего (*Gegenwärtigung*) и его модификаций, а к конституированию являющегося, или, лучше, к собственной данности индивидуального бытия принадлежит то, что оно дано в форме непрерывности явлений как изображающих представлений. То, что и положения вещей могут «только являться» и требуют удостоверения собственной данности, это само собой разумеется. Однако это ничего не меняет в сказанном, что основанные на индивидуальных явлениях (природных явлениях) положения вещей («факты природы») приходят к данности в силу лежащих в основе данностей явлений, следовательно, подобным образом в бесконечностях «изображающих представлений» (*Darstellungen*). Несмотря на это, нужно сказать: «изображающее представление» (явление) положения вещей не есть изображающее представление в собственном смысле, но в некотором производном смысле. Положение вещей не есть к тому же, собственно, нечто временное, оно существует некоторое определенное время, но оно само не есть нечто во времени как вещь или процесс. Не к положению вещей как таковому, но к его ве-

ю

15

20

25

3°

35

5

10

15

20

25

3°

35

щи относится сознание времени и акт изображающего представления (Darstellen).

То же самое действительно и в отношении всех других фундированных актов и их коррелятов. Ценность не имеет временной позиции. Временной объект может быть красивым, приятным, полезным и т. д., и это может быть в определенное время. Но красота, привлекательность и т. д. не имеют никакой позиции в природе и во времени. Они не есть [нечто] являющееся в актах представления настоящего или в воспроизведениях.

10

ДОПОЛНЕНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ К АНАЛИЗУ СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ 1905 - 1910 ГОДОВ

<i>Приложение I.</i> Первичное впечатление и его континуум модификаций	109
<i>Приложение II.</i> Воспроизведение и фантазия — импрессия и воображение	112
<i>Приложение III.</i> Интенции связи восприятия и воспоминания. — Модусы сознания времени	116
<i>Приложение IV.</i> Воспоминание и конституирование временных объектов и объективного времени	122
<i>Приложение V.</i> Одновременность восприятия и воспринятого	125
<i>Приложение VI.</i> Схватывание абсолютного потока. — Восприятие в четвероюм смысле	127
<i>Приложение VII.</i> Конституирование одновременности	133
<i>Приложение VIII.</i> Двойная интенциональность потока сознания	135
<i>Приложение IX.</i> Первичное сознание и возможность рефлексии	138
<i>Приложение X.</i> Объективация времени и вещественности во времени	141
<i>Приложение XI.</i> Адекватное и неадекватное восприятие	147
<i>Приложение XII.</i> Внутреннее сознание и схватывание переживаний	151
<i>Приложение XIII.</i> Конституирование спонтанных единств как имманентных временных объектов. — Суждение как временная форма и абсолютное темпорально-конституирующее сознание	157

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

Приложение I. Первичное впечатление (Urimpression) и его континуум модификаций '

Каждое первичное впечатление характеризуется как таковое и каждая модификация — как таковая. Далее, каждая модификация есть непрерывная модификация. Это отличает как раз этот вид модификации от иллюзорного и образного. Каждая из этих временных модификаций есть зависимая граница в континууме. И этот континуум имеет характер одностороннего, ограниченного, ортоидного (orthoiden) многообразия. Оно имеет свое начало в первичном впечатлении и продолжается как модификация в некотором направлении. Пары точек, имеющие равные расстояния между собой в этом континууме, конституируют объективно равно далеко отстоящие временные фазы объекта. 10

Когда мы говорим о «модификации», то мы, прежде всего, имеем в виду изменение, в соответствии с которым первичное впечатление постоянно «ослабевает». Между тем, каждую модификацию, очевидно, нужно рассматривать, равным образом, как и модификацию любой предыдущей модификации. Если мы выделяем какую-либо фазу континуума, мы можем сказать, что она затухает; и точно так же о каждой дальнейшей фазе. Ведь это заключено в сущности такого и любого такого односторонне направленного континуума. Дело обстоит точно так же, как в непрерывности исходящих из [точки] О напряженностей сил (Intensitäten). Само-увеличение (Sichsteigern) — вот здесь модификация, которую претерпевает каждая сила. Каждая сила есть в себе то, что она есть, и каждая новая сила есть именно новая. Но в отношении к любой уже данной силе любая последующая в ряду может рассматриваться как результат некоей операции. Если b есть увеличение a , тогда c есть увеличение увеличения относительно a . 20

Благодаря непрерывности, каждая точка есть не просто увеличение по отношению к предшествующей точке, но увеличение увеличения и так далее in infinitum и бесконечно малыми [порциями]. Бесконечность модификаций друг в друге. Только здесь нет начальной точки, которая могла бы сама рассматриваться как напряженность сил. Начало здесь — это ну- 35

левая точка.

К сущности каждого линейного континуума принадлежит то, что, исходя из произвольной точки, мы можем мыслить любую другую точку как непрерывно порождаемую из нее, и каждое непрерывное порождение есть порождение посредством непрерывного повторения (Iterierung). Мы можем ведь делить каждый интервал in infinitum, и с каждым делением мы можем мыслить последующую точку деления как опосредованно произведенную предыдущими, и, таким образом, любая произвольная точка порождается, в конце концов, одним из бесконечно многих увеличений (каждое из которых есть точно такое же бесконечно малое увеличение). Так же и при темпоральной модификации, или, скорее, тогда как обычно в отношении других континуумов говорить о порождении — это образ, то здесь мы говорим в собственном смысле. Темпорально-конститутивный континуум есть поток непрерывного порождения модификаций (von) модификаций. Начиная с актуального Теперь, с соответствующего первичного впечатления U, идут модификации в смысле итераций, однако непрерывно вперед; они суть не только модификации относительно U, но так же, по очередности, модификации друг друга в ряду последовательности, в котором они протекают. Это есть то, что характеризует непрерывное порождение. Модификация постоянно порождает все новую модификацию. Первичное впечатление есть абсолютное начало этого порождения — первичный источник, из которого непрерывно порождается все другое. Но оно само, однако, не производится, оно возникает не как порожденное, но через genesis spontanea, оно есть первичное сотворение (Urzeugung). Оно не вырастает (у него нет зародыша), оно есть первичное творение (Urschöpfung). Если говорят: к Теперь, которое модифицируется в Не-Теперь, непрерывно присоединяется новое Теперь, или оно порождает, из него проистекает совершенно внезапно источник, то это суть образы. Можно только сказать: сознание ничто без первичного впечатления. Где нечто длится, там переходит аха\ха' — в ух'а" и т. д. Продуцирующее сознание (Erzeugung des Bewußtseins) идет, однако, только от а к а\ от ха' к хV; напротив, а, х, у не есть нечто произведенное сознанием (Bewußtseins-Erzeugtes), это есть первично порожденное, «Новое», возникшее как чуждое сознанию, воспринятое

(Empfangene), по сравнению с тем, что порождено собственной спонтанностью сознания.

Своеобразие этой спонтанности сознания состоит, однако, в том, что она только осуществляет рост, развертывание первично порожденного, но не создает ничего нового. Конечно, то, что мы называем эмпирически становлением, производством (Erzeugung), это относится к объективности и имеет место совсем в иной сфере. Здесь речь идет о спонтанности сознания, или, выражаясь более осторожно, о его первичной спонтанности.

Изначальный момент (Ursprungsmoment) есть — смотря по тому, идет ли речь о первоисточнике для соответствующего Теперь в отношении определенного конституируемого содержания или о спонтанных продуцированиях сознания, в которых сохраняется тождественность этого Теперь в его бывшем бытии — или первичное впечатление, или первичная память (Ur-Erinnerung), первичная фантазия и т.д. Если мы идем в соответствии с последовательностью слоев, то каждый изначальный момент слоя есть первоисточник спонтанных продуцирований, которые проходят сквозь дальнейшие слои в их непрерывных изменениях и которые представляют в них этот изначальный момент (который как раз принадлежит только лишь первоначально схваченному слою). Каждый изначальный момент есть, далее, фаза непрерывного ряда изначальных моментов, которые переходят друг в друга благодаря последовательности слоев. Или, каждый изначальный момент помогает конституировать конкретную длительность, и к конституированию конкретной длительности принадлежит то, что каждой ее точке соответствует актуальное Теперь, которому, со своей стороны, требуется для своего конституирования собственный изначальный момент. Эти моменты в последовательности суть постоянно одно, «постоянно переходят друг в друга». Переход опосредуется «качественно» и в то же время — темпорально: квази-темпоральный характер есть постоянный характер.

Приложение II. Воспроизведение и фантазия — импрессия и воображение (Imagination) '

«Воспроизведение» в самом широком смысле и фантазия в самом широком смысле, в смысле общего, хотя и не совсем од- 5
 позначного рассуждения, не есть одно и то же. Прежде всего, имеют место как воспоминания вне сферы усматривающей ин-
 туитии, так и прочие воспроизведения, которые никто не на-
 зовет фантазиями. С другой стороны, в случае интуитивных
 воспроизведений говорят, правда, что вспомненное представ- 10
 ляется «в фантазии» (или, по крайней мере, можно выразить-
 ся таким образом). Однако само воспоминание не называют
 фантазией. Воспроизведение может, впрочем, быть самово-
 спроизведением или наглядно-образным (аналогизирую-
 щим). В последнем случае скажут, что воспроизведенное ви- 15
 дится «в форме образа фантазии», или образно представлено
 в явлении фантазии. Тогда образ фантазии есть дело фанта-
 зии, а то, что выходит за его пределы, отношение к тому, что
 представлено в образе (Abgebildete), — уже нет. Само пред-
 ставленное в образе нельзя будет назвать являющимся в фан- 20
 тазии, как если бы здесь были две фантазии, выстроенные од-
 на на другой. Везде, где речь идет о фантазии, и притом о фан-
 тазии некоторого предмета, общим является то, что предмет
 является в явлении, и притом в воспроизводящем явлении, а
 не в том, которое представляет настоящее (gegenwärtigende). 25
 Что же заключено в этом? Что есть здесь «явление»? Предмет
 может быть дан в созерцании, он может быть представлен
 «символически» (посредством знака), и наконец, может быть
 представлен без конкретного наполнения (leer). Созерцание 3°
 (а так же пустое представление (Leervorstellung) есть про-
 стое, непосредственное представление предмета; символичес-
 кое представление есть фундированное представление, опос-
 редованное простым представлением, и притом пустым. Со-
 зерцательное представление приводит предмет к явлению,
 пустое — нет. Мы можем прежде всего различить в простых 35
 представлениях простые созерцательные и простые незапол-
 ненные (leer). Незаполненное представление, однако, может
 так же быть и символическим; оно не только представляет

предмет незаполненно, но представляет его «посредством»
 знаков или образов. В последнем случае предмет образно
 представлен, наглядно представлен в некотором образе, но не
 представлен «сам» в созерцании. Каждое воспроизведение не- 5
 которого предметного в интуитивно созерцательном опыте
 представляет его в фантазии (phantasiemäßig). Оно «содер-
 жит» его явление-в-фантазии. При этом воспроизведение мо-
 жет иметь характер актуальности или не-актуальности *, и мо-
 дус определенности (модус установки) может быть произ- 10
 вольным: определенность, предположение, догадка, сомне-
 ние и т. д. В дальнейшем безразлично, схватывает ли воспро-
 изведение предметное как прошлое или как Теперь-существу-
 ющее (все же при ожидании, когда оно делает наглядным
 ожидаемое, мы уже имеем символическое сознание). Везде в 15
 качестве общего ядра остается «чистое явление-в-фантазии».
 Конечно, здесь есть проблема — прояснить, как это ядро оку-
 тано, так сказать, всем прочим; каким образом со схватывани-
 ем ядра связаны дальнейшие схватывания. — Точно так же,
 во всех просто интуитивно-созерцательных представлениях
 настоящего (Gegenwärtigungen) мы находим некоторое явле- 20
 ние, и явление лежит в основе [представлений, которые дела-
 ют] символически наглядным [предмет] — но теперь это не
 явление фантазии, но явление восприятия. Мы различаем,
 таким образом, явления-в-восприятии и явления-в-фантазии; 25
 последние содержат [в качестве] материала схватывания
 «фантазмы» (модификации ощущений при воспроизведе-
 нии), первые — ощущения.

Каким же образом явление-в-фантазии есть модифика-
 ция (воспроизводящая модификация) соответствующего яв- 3°
 ления-в-восприятии? Естественно, не со стороны квалитатив-
 ных модусов, модальностей установки, которые ведь остаются
 вне игры. С другой стороны, несмотря на возможное измене-
 ние этих модусов, мы имеем одну модификацию. Ощущениям
 соответствуют фантазмы, однако и схватывания (и полные яв- 35
 ления), кажде со своей стороны, и притом в том же самом от-
 ношении, модифицированы; схватывания — несмотря на
 свою модальность. Если бы случилось так, что схватывание и

полное явление требовали бы некоторого квалитативного модуса, то это вовсе не касалось бы той «имагинативной» модификации, о которой мы здесь говорим.

Назовем явление восприятия независимо от модусов «установки» явленностью (Apparanz), и более определенно перцептивной явленностью, если она выступает в восприятии (модус веры), и иллюзорной, если она выступает в иллюзии. С другой стороны, мы должны так же разделить между импрессиональной явленностью (явленностью ощущений) и имагинативной явленностью, причем последняя, со своей стороны, может быть содержанием воспоминания, иллюзии в воспоминании и т. п. Различие между импрессией и воображением (Imagination) касается, таким образом, явленности как тождественного ядра всех созерцательно-интуитивных актов, и это различие обуславливает для всего феномена различие между представлением настоящего и воспроизведением. Далее, очевидно, что это различие между импрессией и воображением касается не только сферы «внешнего чувства», но так же и внутреннего. Другими словами: так же и все модальные характеристики (die modalen Charaktere), с которыми может быть связана явленность, и соответствующие онтические характеристики (характер «действительного» существования, бывшего существования, будущего существования, и притом существования, начинающего свое становление, характер видимости, характер воспроизводящего Теперь-бытия и т. д.) подлежат расщеплению на импрессию и воображение; точно так же желание, воля и т. д. При этом, однако, в сфере «внутреннего чувства» точно так же нужно разделять ощущение и явленность, как и в сфере внешнего, а в случае явленности — ее саму и ее модальные характеристики. Так, например, я верю в то или это. Вера есть актуальная вера, импрессия. Этому соответствует фантазм «вера». Веру в себе, или ощущение веры нужно отличать от веры в схватывании как моего состояния, моего акта суждения. Я обладаю здесь сознанием восприятия себя и своего акта суждения, и в этом схватывании мы должны различать внутреннюю явленность и модальность веры, которая полагает бытие (мою веру) и встраивает в существующую действительность.

Достаточно разделения «веры» и «схватывания» «веры», чтобы уже не принимать последнее как психологичес-

кую апперцепцию, которая полагает имманентное в связи с действительным миром.

Таким образом, каждое «сознание» имеет или характер «ощущения», или характер «фантазма». Каждое сознание, каждое «ощущение» в самом широком смысле есть именно нечто «воспринимаемое» («Wahrnehmbar») и «представимое» («Vorstellbar»), и, соответственно, вспоминаемое и в любом модусе - переживаемое (Erfahrbares). Однако все снова и снова мы имеем сознание, которое имеет свой возможный эквивалент в фантазме.

Приложение III. Интенции связи восприятия и воспоминания. — Модусы сознания времени

Поразмышляем теперь о [таком] сознании [как] «воспоминание». Как немодифицированное сознание оно есть «ощущение», или, что означает то же самое, «импрессия». Или более точно: оно может содержать фантазмы, но оно само не есть [производимая] фантазией модификация [по отношению] к некоторому другому сознанию как соответствующему ощущению. В нем, однако, содержится явленность. Я вспоминаю о некотором событии: в воспоминании содержится воображаемая явленность события, которое является вместе с фоном явленности, к которому я сам принадлежу; эта совокупная явленность имеет характер воображаемой явленности, однако, имеет [так же] модус веры, который характеризует воспоминание. Мы можем затем полагать само воспоминание в фантазии, можем иметь воспоминание в фантазии и так же в воспоминании: я живу в воспоминании, и появляется воспоминание, «что я о том-то и о том-то вспоминал», или я фантазирую, что у меня есть некоторое воспоминание. При этом, хотя мы находим, что модальность воспоминания превратилась в соответствующий фантазм, однако материя воспоминания, явленность воспоминания (Erinnerungs-Apparenz) сама далее не модифицируется, так же как не модифицировались далее содержащиеся в нем фантазмы. Фантазм второго уровня не существует. И вся явленность воспоминания, составляющая материю воспоминания есть фантазм и далее не претерпевает никакой модификации.

Если затем я имею воспоминание о воспоминании, то в связях процесса воспоминания, т.е. сознания, в котором находятся и протекают воображаемые явленности в квалитативном модусе воспоминания, появляется некоторое «модифицированное» воспоминание. При этом по существу нужно сказать то же самое, что и прежде. Квалитативный модус простого воспоминания заменяется «воспоминанием воспоминания», т.е., я имею фантазм воспоминания в квалитативном модусе воспоминания (который идет в единстве с модусом всего процесса воспоминания). Но фантазм воспоминания имеет

характер воспоминания о..., основанный на воображаемой явленности, а последняя — идентично та же самая [явленность] как при простом воспоминании, так и при воспоминании воспоминания. Если говорят, что характерной чертой воспоминания по отношению ко всему тому, что составляет его содержание, является то, что здесь существует схватывание, которое придает ему отношение к актуальной действительности восприятия, то в этом есть верная мысль; однако это ничего не меняет в сказанном. Мы должны затем в самом этом схватывании разделить содержание и модус веры. Естественно, при простом воспоминании, которое я сейчас, например, имею, и при воспоминании воспоминания, которое относит вспомненное воспоминание к вспомненному Теперь как точке актуальности, схватывание различно. Но главное здесь в том, что явленности (которые мы принимаем совершенно интуитивно, именно как явления) не могут претерпевать никакой модификации. И то же самое будет иметь силу для содержания вспоминающих схватываний, которые придают явленностям отношение к Теперь, и которые, естественно, не могут стать полностью интуитивными.

Это отношение к актуальному Теперь, которое составляет характерную черту воспоминания и отличает его от «простой фантазии», не следует, однако, понимать как нечто пристегнутое извне. Оно имеет очевидную аналогию с отношением каждого восприятия к актуальному Здесь. Далее, точно так же как каждое воспоминание указывает на бесконечную связь воспоминаний (на предшествующее), так и каждое восприятие отсылает к бесконечной связи восприятий (многослойная бесконечность). (При этом определенное Здесь (das Hier) не воспринимается, т.е. в самом воспоминании не дано.) Мы можем теперь взять восприятие чисто в себе (rein für sich), вне его связи. Однако связь, даже если она не присутствует здесь реально (reell) как связь восприятия с дальнейшими восприятиями, все же заключена «потенциально» в интенции. Т.е., если мы берем полное восприятие любого мгновения, то оно все еще обладает связями в той форме, что к нему принадлежит комплекс определенных или неопределенных интенций, который ведет дальше и при реализации осуществляется в дальнейших восприятиях. Эти интенции связи нельзя отрезать. Что касается отдельного ощущения, то оно, по истине, не

есть нечто отдельное. Т.е., первичные содержания повсюду суть носители лучей схватывания (Auffassungsstrahlen), и без таковых они не возникают, какими бы неопределенными последние не были. Точно так же и в воспоминании. Оно имеет себе свою «связь», т.е., как воспоминание оно имеет свою форму, которую мы описываем как вперед и назад направленные интенциональные моменты, без которых оно не может существовать. Его осуществление требует серий воспоминаний, которые оканчиваются в актуальном Теперь. Невозможно отделить само по себе определенное воспоминание, отвлекаясь от интенций, которые связывают его с другими воспоминаниями, и сами эти интенции.

Воспоминание «само по себе» (für sich) уже имеет эти интенции, и никакую «чистую фантазию» не извлечешь из него. Если теперь говорят: воспоминание есть все же воспоминание о предшествующем Теперь, [есть] некоторое квази-восприятие, оно делает осознанным темпоральное протекание; почему нельзя было бы удержать весь феномен в целом и срезать с обеих сторон собственно интенции воспоминания? — На это следует ответить: само восприятие, «изначальный» акт не только имеет свою пространственную связь, но так же свои темпоральные связи. Каждое восприятие имеет свое ретенциальное и протенциальное обрамление. Так же и модификация восприятия должна — модифицированным образом — содержать это двойное обрамление, и что отличает «чистую фантазию» от воспоминания, так это то, что весь этот интенциональный комплекс в одном случае имеет характер актуальности, а в другом — Не-актуальности.

Каждое ощущение имеет свои интенции, которые ведут от Теперь к новому Теперь и т. д.: интенции к будущему, а с другой стороны, интенции к прошлому. Что касается воспоминания, то оно также имеет свои, встроенные в процесс воспоминания (erinnerungsinäbigen) интенции будущего. Они полностью определены в той мере, в какой осуществление этих интенций (если только оно вообще реализуемо) течет в определенном направлении и содержательно полностью определено, в то время как в случае восприятия интенции будущего в отношении материи суть в общем неопределенные интенции и определяются лишь посредством дальнейшего фактического восприятия. (Определено только то, что вообще

нечто придет).

Что касается интенций прошлого, то в восприятии они совершенно определенные, но, так сказать, перевернутые. Существует определенная связь между соответствующим восприятием и цепью воспоминаний, однако так, что интенции воспоминания (как односторонне направленные) находят свое завершение в восприятии. Само собой разумеется, что эти воспоминания суть только возможности, они, как правило, не даны вместе с восприятием, или даны некоторые из них. С другой стороны, дело обстоит все же так, что восприятие наделено соответствующими интенциями прошлого, однако, пустыми, соответствуя тем воспоминаниям и связям воспоминаний. Как пустое Только-что-прошедшее (Soeben-vergangen), которое обладает направленностью к актуальному Теперь, так и, как можно, пожалуй, сказать, смутные, пустые интенции, которые относятся к тому, что лежит еще далее позади [в прошлом], все направлены к Теперь. Эти интенции актуализируются, или приходят к осуществлению, когда мы, так сказать, прыжком переносимся в прошлое посредством припоминания и затем снова интуитивно воспроизводим прошлое шаг за шагом вплоть до Теперь. Можно сказать: настоящее всегда рождается из прошлого, естественно, определенное настоящее из определенного прошлого. Или лучше: всегда разворачивается определенный поток, актуальное Теперь погружается и переходит в новое Теперь и т. д. Пусть это будет даже необходимость априорного вида, но все же она обуславливает «ассоциацию», т.е., в сфере опыта (erfahrungsmäßig) определена прошлая связь, и кроме того, «что какое-либо нечто придет». Однако теперь мы все же от этого Вторичного (от комплекса темпоральных интенций опыта) приведены к Изначальному, и оно состоит ни в чем ином, как именно в переходе от соответствующего Теперь к новому Теперь. Это принадлежит к сущности восприятия, что оно не только удерживает во взгляде точечное Теперь и не только выпускает из своего взгляда Только-что-бывшее и характерным способом все же «еще осознает» «только что бывшее», но и переходит от Теперь к Теперь и идет ему навстречу, предвосхищая (vorblickend). Бодрствующее сознание, бодрствующая жизнь есть жизнь-навстречу (Entgegenleben), жизнь от Те-

перь навстречу новому Теперь. При этом думается не только и не в первую очередь о внимании, мне, скорее, кажется, что независимо от внимания (в более узком или более широком смысле) изначальная интенция идет от Теперь к Теперь, связывая себя то с неопределенными, то с более или менее определенными интенциями опыта, которые вырастают из прошлого. Последние намечают, пожалуй, линии связи. Взгляд [из] Теперь на новое Теперь, этот переход, есть, однако, нечто Изначальное, которое просто подготавливает путь для предстоящих интенций опыта. Я сказал, что это принадлежит к сущности восприятия; лучше бы сказать, это принадлежит к сущности импрессии. Это относится к каждому «первичному содержанию», к каждому ощущению. «Фантазм» и содержание воспоминания означает соответствующую модификацию этого сознания, «как-бы-сознание». И если это будет действительное воспоминание, то к этому как-бы-сознанию принадлежит встроенность в прошлое. Модификация-воспоминание состоит в том, что все совокупное изначальное сознание данного момента полностью и всецело сохраняет свою модификацию, следовательно, темпоральные интенции, к связи которых полностью принадлежит импрессиональный взгляд, и, таким образом, [принадлежит] вообще вся интенциональная связь, в которую включилась та изначальная импрессия и которая наделяет ее [присущим] ей характером.

На акт ощущения смотрим мы как на первичное сознание времени; в нем конституируется имманентное единство цвета или тона, имманентное единство желания, удовольствия и т. д. Фантазирование есть модификация этого сознания времени, это есть воспроизведение, в нем конституируется воспроизведенный цвет, воспроизведенное желание и т.д. Воспроизведение, однако, может быть воспоминанием, ожиданием или же «чистой фантазией»: так что нельзя говорить об одной модификации. Ощущение есть сознание времени, которое представляет настоящее. Также и воспроизведение есть ощущение, оно представлено в настоящем (*ist gegenwärtig*), конституируется как единство в представляющем настоящее сознании времени. В качестве модусов сознания времени, представляющего настоящее, могут рассматриваться только [следующие] различия: между Теперь-представлением-настоящего (*Jetzt-Gegenwärtigung*) и Только-что-представлением на-

стоящего, которые принадлежат к конкретному сознанию, представляющему настоящее; далее, различие между представлением настоящего, которое имеет при себе свою Теперь-представляющую-настоящее-фазу, и самостоятельной ретенцией, которая хотя и имеет отношение к актуальному Теперь, однако сама не содержит в себе точку Теперь-представления-настоящего: например, сознание только что отзвучавшего тона. Мы имеем, таким образом, в качестве существенных модусов сознания времени: 1. «ощущение» как представление настоящего (презентация) и с ним сущностно переплетенные, однако также становящиеся самостоятельными ретенцию и протенцию (изначальная сфера в более широком смысле); 2. полагающее воспроизведение (воспоминание), со-воспроизведение и повторяющееся воспроизведение (ожидание); 3. фантазию-воспроизведение как чистую фантазию, в которой все те же самые модусы появляются в фантазии-сознании.

5

10

15

20

25

3°

35

10

Приложение IV: Воспоминание (Wiedererinnerung) и конституирование временных объектов и объективного времени*

Восприятие временного объекта я могу «повторить», однако в последовательности этих восприятий конституируется сознание последовательности двух равных временных объектов. Только в воспоминании я могу повторить идентичный временной предмет, и я могу так же констатировать в воспоминании, что ранее воспринятое есть то же самое, как и вспомненное впоследствии. В простом воспоминании происходит: «я это воспринимал», а в воспоминании второго уровня — «я об этом вспоминал». Таким образом, временной объект может стать идентичным [объектом] повторенных в опыте актов. Если объект однажды дан, то он может быть произвольно часто воспроизведен, рассмотрен заново и идентифицирован в различных актах, которые тогда образуют последовательность.

Воспоминание есть не только заново-сознание объекта, но так же как восприятие временного объекта ведет вместе с собой свой временной горизонт, так и воспоминание повторяет сознание этого горизонта. Два воспоминания могут быть о равных временных объектах, например, о двух одинаковых тонах. Однако они суть воспоминания о том же самом объекте, если не [только] простое содержание длительности тождественно, но и тождественен временной горизонт, если, следовательно, оба воспоминания полностью и всецело повторяют друг друга по интенциональному содержанию, несмотря на различия ясности или смутности, неполноты и т. д. Тождество временных объектов есть, таким образом конститутивный продукт единства определенных возможных идентифицирующих совпадений воспоминаний. В субъективном временном потоке устанавливается временная объективность, и к ее сущности принадлежит то, что она может идентифицироваться в воспоминаниях и тем самым быть субъектом тождественных предикатов.

Актуально настоящее время — направлено, оно постоянно в потоке, и постоянно направлено из нового Теперь. В воспоминании время, хотя и дано тоже в каждый момент как

направленное, однако каждая точка представляет (darstellen) объективную временную точку, которая всегда снова может быть идентифицирована; и временной интервал образуется только из объективных точек и сам всегда может быть снова идентифицирован. Что есть здесь идентичный объект? Ряд первичных импрессий и постоянных модификаций, некоторый ряд подобий, который устанавливает совпадающие формообразования рядов равенства или различия, однако внутри общего равенства: этот ряд дает первичное сознание единства. В таком ряду модификаций с необходимостью осознается единство — дльщийся (непрерывно равный или измененный) тон, а при другой направленности взгляда затем — длительность, в которой тон есть некоторый один тон, [и которая] изменяется или не изменяется. И тон длится дальше, его длительность «становится больше», и он «прекращается», он проходит, вся его длительность истекла и погружается все больше и больше в прошлое. Таким образом, он, определенный тон, обнаруживает себя здесь как тон, скажем, устойчиво неизменный в своей длительности; однако этот в своей длительности — содержательно — неизменный тон, претерпевает изменение, которое касается не содержания, но всего модуса данности «содержания в его длительности». Если мы придерживаемся феноменов, то мы имеем как раз различные образования единств: Бесперывное изменение модуса данности — однако сквозь линии изменения, которые соответствуют каждой точке длительности, некоторое единство: определенная тональная точка. Однако несмотря на идентичность, тональная точка есть снова и снова другая, а именно в модусе темпоральной глубины. С другой стороны, непрерывность временного потока дает единство: единство изменяющегося или неизменяющегося содержания, временного предмета. Именно это единство отодвигается в прошлое. Но при этом мы еще не имеем полную временную объективность.

К конституированию времени принадлежит возможность идентификации: я всегда снова могу осуществить ретроспективную память (повторяющее воспоминание), всегда «снова» создать каждый отрезок времени во всей его полноте и в последовательности [этих] повторяющих продуцирований, которые я теперь имею, схватить то же самое: ту же самую длительность с тем же самым содержанием, тот же самый

объект. Объект есть единство сознания, которое может выявиться в повторных актах (следовательно во временной последовательности) как то же самое [единство], [как нечто] идентичное в интенции, которое может быть идентифицировано в произвольно многих актах сознания, и причем в произвольно многих восприятиях может быть воспринято или снова воспринято. Я могу «каждый раз» убедиться в идентичности «это есть». Возьмем событие во времени; я могу пережить его в опыте в первый раз, я могу снова пережить его в повторных (воспроизводящих) опытах [Wiedererfahrungen] и схватить его идентичность. Я могу всегда снова вернуться к нему в моем мышлении, и могу это мышление удостоверить через изначально воспроизводящий опыт (originäre Wiedererfahrung). И лишь таким образом конституируется объективное время и прежде всего объективное время только-что прошедшего, по отношению к которому процесс опыта, в котором устанавливается длительность, и каждая ретенция всей длительности суть только «оттенение». Я имею первичную схему: поток со своим содержанием; но к нему — первичное многообразие [того, что] «я могу»: я могу переместиться в любое место потока и произвести его «еще раз». Так же и здесь, как и при конституировании объективной пространственности мы имеем некий оптимум. Образ длительности в простом ретроспективном взгляде неясен. В ясном снова-производении (Wiedererzeugung) я имею «сам» [этот образ], и чем яснее, тем совершеннее.

Приложение V: Одновременность восприятия и воспринятого'

На каком основании можно сказать, что восприятие и воспринятое одновременны? Для объективного времени — в наивной установке — это не годится, ибо возможно, что во временной точке восприятия воспринятый объект уже более не существует (звезда); с этой точки зрения, нужно было бы даже сказать, что временные точки восприятия и воспринятого всегда расходятся.

Возьмем — теперь в феноменологической установке — являющееся объективное время, в котором длится трансцендентный объект. Тогда длительность восприятия не совпадает с длительностью воспринятого объекта: мы говорим, что он уже существовал до восприятия и после его протекания далее еще будет существовать. Можно, однако, сказать, что он есть коррелят потенциального непрерывного восприятия, которое следует за ним от начала до конца его длительности. Тогда каждой фазе длительности объекта соответствует некоторая фаза восприятия. Этим еще, однако, не сказано, что начальная точка длительности объекта и начальная точка восприятия должны совпадать, что, таким образом, временные точки соответствующих друг другу фаз должны быть идентичными. Для этого нужно принять в расчет, что данные ощущений, которые играют свою роль при конституировании трансцендентного объекта, сами суть конституированные единства во временном протекании. С момента, где начинается схватывание, начинается восприятие, до этого не может быть речи о восприятии. Схватывание есть «одушевление» чувственного данного (Empfindungsdatum). Остается все же спросить, начинается ли оно одновременно с чувственным данным, т. е. не должно ли последнее — будь это даже лишь в течение некоторого временного дифференциала — быть конституировано прежде, чем может начаться одушевляющее схватывание. Кажется, что последнее соответствует действительности. Кроме того, в момент, в который начинается схватывание, часть чувственного данного уже истекла и сохраняется еще только ретенциально. Схватывание одушевляет теперь не только соответствующую

щую фазу первичного ощущения, но все совокупное чувственное данное, включая истекший интервал; это означает, однако, что схватывание полагает объект в [его] свойстве, которое соответствует протеканию ощущений во всей длительности протекания ощущений, а так же, следовательно, для временного отрезка, который предшествует ему самому — схватыванию в восприятии. В соответствии с этим, существует различие между начальной точкой восприятия и начальной точкой объекта. Через прояснение «внешних условий», при которых имеет место появление данного ощущений, можно, повидимому, сделать полностью ясным вышеупомянутое натуралистическое утверждение о неодновременности восприятия и воспринятого.

Давайте исключим теперь трансцендентные объекты и спросим, как в имманентной сфере обстоит дело с одновременностью восприятия и воспринятого. Если мы понимаем здесь восприятие как акт рефлексии, в котором приходят к данности имманентные единства, то он предполагает, что уже нечто конституировано (и ретенциально сохранено), на что он может направить ретроспективный взгляд: восприятие тогда следует за воспринятым и неодновременно с ним. Однако — как мы видели — рефлексия и ретенция предполагают в своем первичном конституировании импрессиональное «внутреннее сознание» соответствующего имманентного данного, и последнее есть конкретное единство с первичными импрессионами и неотделимо от них: если мы хотим также «внутреннее сознание» назвать «восприятием», то мы имеем здесь в самом деле строгую одновременность восприятия и воспринятого».

Приложение VI: Схватывание абсолютного потока. — Восприятие в четверояком смысле'

Объекты, о которых здесь идет речь, суть временные объекты, которые должны конституироваться. Чувственное ядро (явление без схватывания) есть «теперь» и есть только что бывшее и еще более ранее бывшее и т. д. В этом Теперь в то же время есть ретенция прошедшего Теперь всех уровней длительности, которую мы теперь осознаем. Каждое прошедшее Теперь таит в себе ретенциально все предшествующие уровни. Птица летит как раз сейчас (soeben) сквозь солнечный сад. В фазе, которую я как раз схватываю, я нахожу ретенциальное сознание прошлых оттенков темпорального положения (Zeitlage), и точно так же в каждом новом Теперь. Но временной хвост каждой фазы сам есть нечто, что погружается во время и имеет свое оттенение. Все содержание каждого Теперь погружается в прошлое, это погружение не есть, однако, процесс, который мог бы репродуцироваться in infinitum. Птица изменяет свое место, она летит. В каждом новом положении следует за ней (т.е. за ее явлением) отголосок предыдущих явлений. Каждая фаза этого отголоска затухает, однако, в то время как птица летит дальше, и, таким образом, к каждой последующей фазе принадлежит серия «отзвуков», и мы имеем не простой ряд последовательных фаз (например, каждое актуальное Теперь с некоторой фазой), но серию — для каждой отдельной фазы последовательности.

Каждое темпоральное явление растворяется, таким образом, после феноменологической редукции в таком потоке. Сознание, в котором все это растворяется, я не могу, однако, само снова воспринять. Ибо это новое воспринятое было бы снова чем-то темпоральным, которое отсылало бы к конституирующему сознанию точно такого же вида, и так in infinitum. Таким образом, возникает вопрос, откуда я знаю о конституирующем потоке " В соответствии с предыдущими рассуждениями, уровни описания (и конституирования) временных объектов суть следующие: мы имеем

I. Восприятие эмпирических объектов в обычном смысле

К §§ 34 и сл., с. 77 ел.
Ср. § 40, с. 88 ел.

ле: они находятся здесь и т. д.

2. В феноменологическом созерцании я беру объект как феномен, я направлен на восприятие, на явление и являющееся в их корреляции. Действительная вещь существует в действительном пространстве, длится и изменяется в действительном времени и т. д. Являющаяся вещь восприятия имеет пространство явления и время явления. И опять-таки, сами явления и все формообразования сознания имеют свое время, а именно свое Теперь и свое временное расширение в форме Теперь-Прежде: субъективное время.

При этом нужно обратить внимание: объект восприятия является в «субъективном» времени, объект воспоминания — в вспоминаемом, объект фантазии — в фантазированном субъективном времени, ожидаемый объект — в ожидаемом. Восприятие, воспоминание, ожидание, фантазия, суждение, чувство, воля — короче все, что есть объект рефлексии, является в том же самом субъективном времени, и притом в том же, в каком являются объекты восприятия.

3. Субъективное время конституируется в абсолютном вневременном сознании, которое не есть объект. Обдумаем теперь, как это абсолютное сознание приходит к данности. Мы имеем тон-явление, мы обращаем внимание на явление как таковое. Так же как определенный (помысленный как вещь) скрипичный тон, как и тон-явление имеет свою длительность и в этой длительности свою неизменность или изменение. Я могу обратить внимание на какую-либо фазу этого явления: явление есть здесь имманентный тон или имманентное тональное движение, отвлекаясь от его «значения». Однако это не есть предельное сознание.

Этот имманентный тон «конституируется», а именно, вместе с соответствующим тональным Теперь мы имеем так же непрерывно тональные оттенки, причем в этих последних представляет себя протяжение прошлых тональных [фаз] (Ton-Vergangenheiten), которые принадлежат к этому Теперь. Мы можем до некоторой степени присмотреться к этому ряду. В случае мелодии, например, мы можем, так сказать, остановить некоторый момент и обнаружить в нем оттенки памяти предшествующих тонов. Очевидно, что то же самое так же имеет силу и в отношении каждого отдельного тона. Мы имеем в таком случае имманентное тональное Теперь и имманент-

ное тональное-прошедшее в их ряду, или непрерывности. Кроме того, мы должны, однако, иметь следующую непрерывность: восприятие Теперь и воспоминание прошлого, и эта вся непрерывность сама должна быть Теперь. В самом деле: живя в сознании предмета, я смотрю назад в прошлое из Теперь-точки. С другой стороны, я могу схватить все в целом сознание предмета как Теперь и сказать: Теперь. Я схватываю определенный момент и схватываю все в целом сознание как Вместе, как некое Все-сразу (Zugleich). Я слышу длинный свист. Он существует как растянутая линия. В любой момент я останавливаюсь, и отсюда тянется линия. Взгляд этого момента охватывает всю линию в целом, и сознание линии схватывается как одновременное с Теперь-точкой свиста. Таким образом, я имею восприятие в многообразном смысле: '

1. Я имею восприятие парового свистка, или лучше, свиста свистка. 15

2. Я имею восприятие самого тонального содержания, которое длится, и тонального процесса в его длительности, не обращая внимания на его встроенность в природу. 20

3. Восприятие тонального Теперь и одновременно поворот внимания к связанному с ним тональному только-что-бывшему (Ton-Soeben -gewesen).

4. Восприятие сознания-времени в Теперь: я обращаю внимание на Теперь-явление (Jetzt-Erscheinen) свиста, или тона, и на Теперь-явления свиста, так-то и так-то простирающегося в прошлое (в этом Теперь мне является Теперь-фаза-свиста и непрерывность оттенения). 25

Какие трудности существуют относительно этого последнего восприятия? Естественно, я имею сознание времени, без того, чтобы оно само снова было объектом. А если я превращаю его в объект, то оно само опять-таки имеет временную позицию, и если я последую за ним от момента к моменту, то оно имеет темпоральное расширение. Нет никакого сомнения, что такое восприятие существует. Схватывающий взгляд может направляться как на поток тональных фаз, так и на их непрерывность в Теперь [моменте] явления, в котором пред-

стает вещно-объективное, и потом опять на непрерывность изменения этой непрерывности мгновения. И время этого «изменения» есть то же самое, как и время объективного. Если речь идет, например, о неизменяюдемся тоне, то субъективная темпоральная длительность имманентного тона идентична темпоральной протяженности непрерывности изменения явления.

Однако не есть ли здесь нечто в высшей степени примечательное? Можно ли говорить здесь об изменении в собственном смысле, там, где ведь неизменность, неизменно заполненная длительность немислима? Непрерывный поток фаз явлений нельзя уподобить какой-либо возможной неизменности.

В первичном потоке нет никакой длительности'. Ибо длительность есть форма длящегося Нечто, некоторого длящегося бытия, некоторого идентичного во временном ряду, который функционирует как его длительность. При таких процессах как гроза, падение метеорита и т. д. речь идет о единой связи изменения длящегося объекта. Объективное время есть форма «устойчивых» предметов, их изменений и прочих процессов в них. «Процесс» (Vorgang) есть, таким образом, понятие, которое предполагает устойчивость. Устойчивость есть, однако, единство, которое конституируется в потоке, к сущности которого принадлежит то, что в нем не может быть ничего устойчивого. В потоке существуют фазы переживаний и непрерывные ряды фаз. Однако такая фаза не есть нечто устойчивое, и точно так же — некоторый непрерывный ряд. Конечно, и они суть некоторого рода предметность. Я могу направить взгляд на некоторую выделяющуюся фазу в потоке или на отрезок потока, идентифицировать их в повторяющемся воспроизведении и сказать: это отрезок потока. И то же самое в отношении всего потока в целом, который я могу идентифицировать специфическим образом как этот один [поток]. Однако эта идентичность не есть единство устойчивого и никогда не может стать таковым. К сущности устойчивости принадлежит то, что устойчивое может быть устойчивым или как неизменное, или как изменяющееся. Каждое изменение может в идеальном случае перейти в неизменное, движение — в покой

и наоборот, качественное изменение — в неизменность. Длительность заполнена тогда «теми же самыми» фазами.

Однако в потоке принципиально не может появиться какая-нибудь часть Не-потока. Поток не есть некий случайный поток, как объективный поток, изменение его фаз никогда не может прекратиться и перейти в само-непрерывность всегда равных фаз. Однако не имеет ли поток так же нечто определенным образом пребывающее, даже если ни одна часть потока не может превратиться в Не-гготок. Пребывающей является прежде всего формальная структура потока, форма потока, Т. е., течение — это не только течение вообще, но каждая фаза есть одной и той же формы, постоянная форма всегда заново наполнена «содержанием», но содержание не есть как раз нечто привнесенное в форму извне, но определяется формой закономерности: но только так, что не только эта закономерность определяет конкретное. Форма состоит в том, что Теперь конституируется посредством импресии и что к последней присоединяется хвост ретенций и горизонт протенций. Эта непреходящая форма несет, однако, сознание постоянного изменения, которое есть первичный факт: сознание изменения импресии в ретенцию, в то время как здесь постоянно снова присутствует импресия; или же в отношении к Что импресии, — сознание изменения этого Что, в то время как только что еще осознанное как «теперь» модифицируется в характер «только что бывшего». При таком понимании, следовательно, мы приходим — как мы ранее обозначили — к вопросу о сознании-времени, в котором конституируется время сознания-времени тональных явлений.

Если я живу в тональном явлении, то для меня присутствует здесь тон, и он имеет свою длительность или изменение. Если я обращаю внимание на тональное явление, то последнее присутствует здесь и имеет свою темпоральную протяженность, свою длительность или изменение. При этом тональное явление может означать различное. Оно может, скажем, означать акт внимания на непрерывность оттенков Теперь, Только-что и т.д. Теперь поток (абсолютный поток) опять должен быть предметным и снова иметь свое время. Так же и здесь снова стало бы необходимым сознание, конституирующее эту объективность и сознание, конституирующее это время. В принципе мы могли бы снова рефлексировать, и так

in infinitum. Был ли бы здесь безобидным бесконечный регресс?

1. Тон длится, конституируется в непрерывности фаз.

2. В то время как, или, поскольку тон длится, к каждой точке длительности принадлежит серия оттенков, от соответствующего Теперь в расплывающееся прошлое. Мы имеем, таким образом, непрерывное сознание, каждая точка которого есть непрерывный континуум. Это, однако, есть снова временной ряд, на который мы можем обратить внимание. Итак, игра начинается заново. Если мы фиксируем какую-либо точку этого ряда, кажется, что сюда должно принадлежать сознание прошлого, которое относится к серии прошедших рядов и т. д. Даже если рефлексия не практикуется in infinitum, и вообще не нужна никакая рефлексия, то все же должно быть дано то, что делает возможным эту рефлексию и, как кажется, по крайней мере принципиально делает возможным in infinitum. И здесь заключена проблема.

Приложение VII: Конституирование одновременности'

[Пусть] a , скажем, какой-то тон, конституируется в своей длительности во временной точке одной из определенных фаз, посредством первичной импрессии a , к которой присоединяется такая-то и такая-то модификация вместе с первичным созданием новых импрессий (новых Теперь-моментов). Пусть b будет одновременным имманентным единством, например, цветом, и пусть будет схвачена точка, одновременная с той тональной точкой. Ей соответствует в континууме первичная импрессия/?. Что общего имеют теперь a и β ? Что приводит к тому, что они конституируют одновременность и что две модификации a и β конституируют бывшее одновременное?

К слою внутреннего сознания могут принадлежать многообразные первичные впечатления, первичные фантазмы и т. д., короче, многообразные первичные моменты (мы можем также сказать: первичные моменты внутреннего сознания). Все принадлежащие к одному слою первоначальные моменты имеют тот же самый характер сознания, который сущностно конститутивен для соответствующего «Теперь»: оно есть то же самое для всех конституируемых содержаний, общность характера конституирует одновременность, «одно-теперешность». («*Gleich-Jetzigkeit*»).

Благодаря первичной спонтанности внутреннего сознания, каждый первичный момент есть точка-источник для непрерывности продуцирований, и эта непрерывность — одной и той же формы; способ продуцирования, [способ] первичной темпоральной модификации тождественен для всех первичных моментов, одна и та же закономерность господствует во всех модификациях. Эта закономерность гласит: Непрерывное продуцирование внутреннего сознания имеет форму однородного ортоидного многообразия, все первичные моменты внутри одного слоя претерпевают ту же самую модификацию (они создают те же самые моменты прошлого). Таким образом, модификации двух принадлежащих к одному и тому же слою первичных моментов, которые имеют одно и то же расстояние от соответствующих первичных моментов, принадлежат к одному и тому же слою; или так же модификации, кото-

рые принадлежат к одному слою, продуцируют все снова и снова из себя всегда только модификации, принадлежащие к одному и тому же слою. Продуцирование происходит всегда с одной и той же скоростью.

Внутри каждого слоя различные точки непрерывной серии имеют различное расстояние от первичного момента. Это расстояние какой-либо точки идентично расстоянию той же самой точки от своего первичного момента в предыдущем слое. Конституирующее первичное поле сознания-времени есть постоянное расширение, которое состоит из первичного момента и определенной серии повторяемых модификаций; повторяемых не по содержанию, но по форме. Определенности этих модификаций по форме во всех первичных полях (в их последовательности) все те же самые. Каждый первичный момент есть именно первичный момент (Теперь-сознание), каждое прошлое есть сознание прошлого, и степень прошлого есть нечто определенное; ей соответствует строго определенный формальный характер в первично конституирующем сознании.

В последовательности слоев снова всегда могут появиться в качестве первичных моментов моменты одинакового «содержания», т.е. одинакового внутреннего состава. Эти первичные моменты различных слоев, которые имеют полностью равное внутреннее содержание, индивидуально различны.

Приложение VIII: Двойная интенциональность потока сознания '

В потоке сознания мы имеем двойную интенциональность. Или мы рассматриваем содержание потока вместе с его формой. И в этом случае мы всматриваемся в первичный ряд переживаний, который есть ряд интенциональных переживаний, сознание о... Или мы направляем взгляд на интенциональное единства, на то, что в течении потока осознается интенционально как единообразное: тогда перед нами объективность в объективном времени, собственное временное поле в противоположность временному полю потока переживаний.

Поток переживаний со своими фазами и отрезками сам есть единство, идентифицируемое в воспоминании с ретроспективной направленностью на протекающее: на импрессию и ретенцию, на появление и закономерное превращение и исчезновение или потускнение. Это единство конституируется изначально посредством самого факта потока; его собственная сущность состоит не только в том, чтобы вообще быть, но быть единством переживаний и быть данным во внутреннем сознании, в котором к нему может быть обращен луч внимания (который, не попадая сам в поле внимания, обогащает поток; однако он не изменяет поток, на который должно быть направлено внимание, но «фиксирует», делает предметным). Восприятие этого единства с направленным на него вниманием есть интенциональное переживание с изменяемым содержанием, и воспоминание может быть направлено на ушедшее и повторно его модифицировать, сравнивать его с подобным ему, и т. д. То, что эта идентификация возможна, что здесь конституируется объект, заключено в структуре переживаний: именно то, что каждая фаза потока превращается в ретенцию «о...», последняя — снова и т. д. Без этого не мыслимо было бы содержание как переживание, в противном случае переживание в принципе не было бы дано и не могло бы быть дано субъекту как единство, и было бы, таким образом, ничем. Течение состоит в переходе каждой фазы первичного поля (т. е. линейного континуума) в ретенциальную модификацию этой же фазы, однако только что прошедшей. И так продолжается далее.

Во второй интенциональности я не следую ни потоку полей, ни потоку следующей формы: »теперь (первично)-ретенциальное изменение различных уровней» как единообразному ряду изменений, но я направляю свой взгляд на то, что интендировано в каждом поле и в каждой фазе, которая обладает полем как линейным континуумом. Каждая фаза есть интенциональное переживание. В предыдущем опредмечивании конституирующие переживания были актами внутреннего сознания, предмет которого — как раз «феномены» темпорально-конституирующего сознания. Последние сами суть, следовательно, интенциональные переживания, их предмет — это временные точки и временные длительности с их соответствующей предметной полнотой. В то время как течет временной поток, интенциональные фазы смещаются, однако таким образом, что конституируют единства в сопринадлежности, переходят друг в друга именно как феномены Единого, которое оттеняет себя в протекающих феноменах, так, что мы имеем предметы в определенном и все новом модусе (*Gegenstände im Wie*). Форма модуса (*des Wie*) есть ориентация: Нынешнее (*das Jetztige*), только что прошедшее, предстоящее. По отношению к предметам мы можем снова тогда говорить о потоке, в котором Теперь превращается в прошлое и т. д. И это с необходимостью предписано а priori через структуру потока переживаний как потока интенциональных переживаний.

Ретенция есть своеобразная модификация воспринимающего сознания, которое в первичном темпорально-конституирующем сознании есть первичная импрессия, а относительно временных объектов, в случае имманентных — как длящегося тона в тональном поле или же цветового данного в поле зрения — есть имманентное восприятие (адекватное). Если $W(t)$ есть восприятие ощущаемого тона, которое схватывает его как длящийся тон, то $W(t)$ превращается в непрерывность ретенции $Rw(t)$. Однако $W(t)$ дано так же во внутреннем сознании как переживание. Если $W(t)$ превращается в $Rw(t)$, то во внутреннем сознании изменяется с необходимостью как раз внутреннее сознание о (*von*) $Rw(t)$. Ибо здесь совпадают бытие и внутренне-осознанное-бытие. Теперь, однако, изменяется и внутреннее сознание о $W(t)$ в ретенциальную модификацию этого внутреннего сознания, и последняя сама внутренне

осознается. Следовательно, осознается Только-что-воспринятое.

Если тональное восприятие переходит в свою соответствующую ретенцию (сознание только что бывшего тона), то сознание только что бывшего акта восприятия присутствует здесь (во внутреннем сознании, как переживании), и оба совпадают, я не могу иметь одно без другого. Иначе говоря, оба с необходимостью составляют одно целое: переход восприятия объекта в ретенциальную модификацию этого восприятия и переход акта восприятия в ретенциальную модификацию акта восприятия. Таким образом, мы имеем необходимо ретенциальные модификации двух родов, которые даны вместе с каждым восприятием, которое не есть восприятие внутреннего сознания. Внутреннее сознание есть поток. Если в нем должна быть возможность переживаний, которые не являются «внутренними восприятиями», то должны иметь место ретенциальные ряды двух видов, а именно, рядом с конституированием потока как единства посредством «внутренних» ретенций, еще и ряд «внешних». Последний конституирует объективное время (конституируемую имманентность, внешнюю [по отношению к] первому [ряду], но все же имманентную). При этом нужно обратить внимание, что внутреннее сознание имеет в качестве коррелята не имманентные данные, которые длятся (как тональное данное или длящиеся радость, страдание, длящиеся процессы, называемые суждениями), но конституирующие эти единства фазы.

Приложение IX: Первичное сознание и возможность рефлексии'

Ретенция не есть модификация, в которой реально (geell) сохранились бы импрессиональные данные, только в измененной форме: но она есть интенциональность, и притом интенциональность собственного рода. Из-за того, что появляется первичное данное, новая фаза, предшествующая не исчезает, но удерживается в хватке (т. е. именно «ретенируется») и благодаря этой ретенции возможна ретроспекция (Zurückblicken) на истекшее; сама ретенция не есть ретроспекция, которая превращает истекшую фазу в объект: в то время как я имею в схватывании истекшую фазу, я переживаю настоящую, и благодаря ретенции «учитываю» ее, и обращен к приходящему (в протекции).

Однако, так как я удерживаю ее в схватывании, я могу обратить на нее внимание в некотором новом акте, который мы называем рефлексией (внутренним восприятием) или воспоминанием (Wiedererinnerung) — в соответствии с тем, воспроизводится ли далее истекший акт переживания в новых первичных данных, и следовательно, [он] есть импрессия, или уже как завершенное целое «отходит в прошлое». К ретенции эти акты находятся в отношении осуществления (Erfüllung). Ретенция сама не есть «акт» (т. д. некоторое конституируемое в ряду ретенциальных фаз имманентное единство длительное), но мгновенное сознание истекшей фазы и в то же время основа для ретенциального сознания последующей фазы. Тем, что каждая фаза ретенциально осознает предшествующую, она заключает в себе в цепи опосредуемых интенций весь ряд истекших ретенций: именно поэтому конституируются единства длительностей, которые переданы в вертикальных рядах диаграммы времени и которые являются объектами ретроспективных актов. В этих актах наряду с конституируемым единством (например, наряду с ретенциальным сохранением длительности неизменяющегося тона) приходит к данности ряд конституирующих фаз. Мы обязаны ретенции, таким образом, тем, что сознание может быть сделано объектом.

Можно теперь подставить вопрос: как обстоит дело с на-

чальной фазой конституирующегося переживания? Приходит ли она к данности так же только на основе ретенции, и осталась бы она «неосознанной» (unbewußt), если к ней не присоединилась бы ретенция? На это нужно сказать: объектом начальная фаза может стать только после своего протекания по указанному пути, через ретенцию и рефлексия (или репродукцию). Однако, если бы она осознавалась только через ретенцию, то оставалось бы непонятным, что дает ей выделяющее обозначение «Теперь». Во всяком случае ее можно было бы негативно отличить от ее модификаций как такую фазу, которая более не делает ретенциально осознанной никакую предшествующую фазу; однако ведь в отношении сознания (bewußtseinsmässig) она характеризуется всецело позитивно. Как раз бессмысленно говорить о некотором «неосознанном» содержании, которое лишь впоследствии становилось бы осознанным. Сознание с необходимостью есть сознание в каждой из своих фаз.

Как ретенциальная фаза осознает предшествующую, не превращая ее в объект, так и первичное данное уже осознается — и притом в специфической форме «теперь» — не будучи предметным. Именно это первичное сознание есть то, которое переходит в ретенциальную модификацию — которая тогда есть ретенция его самого и первично осознанного в нем данного, поскольку оба составляют неразделимое единство — : если бы оно не имело места, то никакая ретенция не была бы мыслимой; ретенция неосознанного содержания сознания невозможна. Впрочем, первичное сознание не есть нечто выведенное из предпосылок, но так же точно как ретенции есть созерцаемое в рефлексии на конституируемые акты переживания как конституирующие фазы. Нельзя только это первичное сознание, это первичное схватывание — назвать можно как угодно — понимать как схватывающий акт. Не говоря уже о том, что это было бы явно ложным описанием положения дел, вследствие этого мы вовлеклись бы в неразрешимые трудности. Если говорят: каждое содержание осознается только через направленный на него акт схватывания, то тотчас возникает вопрос о сознании, в котором осознается этот акт схватывания, который ведь сам есть содержание, и бесконечный регресс неизбежен. Если, однако, каждое «содержание» «первично осознается» («urbewußt») в себе и с необходимостью,

то вопрос о дальнейшем формирующем данности (gebenden) сознании будет бессмысленным.

Далее, всякий акт схватывания сам есть конституируемое имманентное единство длительности. В то время как он выстраивается, то, что он должен сделать объектом, уже давно миновало и было бы для него — если бы мы не предполагали всю эту игру первичного сознания и ретенций — уже совершенно недоступным. Так как, однако, первичное сознание и ретенции имеются в наличии, то существует возможность взглянуть в рефлексии на конституируемое переживание и конституирующие фазы и даже уловить различия, которые, существуют, например, между первичным потоком, как он был осознан в первичном сознании, и его ретенциальной модификацией. Все возражения, которые были выдвинуты против метода рефлексии, объясняются незнанием сущностного конституирования сознания.

Приложение X: Объективация времени и вещественности (Dinglichem) во времени ' 5

Параллельные проблемы — это конституирование одного всеобщего пространства (All-Raum), которое воспринимается вместе с и в каждом отдельном восприятии в той мере, в какой воспринимаемая вещь является в своей телесности (seinem Körper nach) как заключенная в нем, и конституирование одного времени, в котором заключена темпоральность вещи, в которое встраивается ее длительность, так же как и длительность всех принадлежащих к окружению вещи вещей и вещественных процессов. В это же самое время встраивается так же «Я», и не только Я-тело, но так же его «психические переживания». Время, принадлежащее каждой вещественности, есть ее время, и все же мы имеем только одно время: дело не только в том, что вещи упорядочиваются одна рядом с другой в одно единственное линейное протяжение, но различные вещи, или процессы, являются как одновременные, они имеют не параллельные равные времена, но одно время, нумерически одно. Здесь дело обстоит не так, как при многослойном пространственном наполнении (Fülle), где совпадают визуальные и тактильные наполнения. Скорее, мы имеем отделенные, не совпадающие вещественности, которые все же существуют и делятся в тождественном временном промежутке.

Данность вещи осуществляется как процесс в феноменологической временности; все в целом протекание мотивируемых ощущений движения (K) и посредством них мотивированных «образов» (B) темпорально расширяется. В переходе от KO к KI имеют мотивированные вследствие этого образы свое протекание B_0 — B, и темпорально совпадают с K. Как и каждый заполненный временной поток, этот так же имеет свою темпоральную форму (Zeitgestalt); и она может быть изменяющейся темпоральной формой; поток [ощущений движения] K и вместе с ним поток [мотивированных образов] (B) может следовать быстрее или медленнее, и при этом он наполняет различнейшим образом, с равной или неравной скоростью, в зависимости от того, как расширяется временное наполнение во временном промежутке, с большей или мень-

шей «густотой» те или иные частичные промежутки. Далее, протекание К и вместе с ним [протекание] последовательности образов может претерпеть обращение, и опять-таки в изменяющейся временной форме. Ему следуют временные формы сознанияданности.

Некоторым образом, все это не имеет особого значения для являющегося и присутствующего в качестве данности объекта, так же как и большая или меньшая протяженность кинестетических образов-истечений (Bilder-Abflusses), или большее или меньшее истечение возможных явлений из идеального (ideell) совокупного многообразия. Я говорю «не имеет значения», поскольку ведь постоянно присутствует та же самая, например, содержательно неизменная и покоящаяся вещь, постоянно расширяя в той же самой временной форме свою вещественную содержательную наполненность во всецело равномерной густоте. И все же временность потока должна сказать свое слово для объективации: все же является временное, временность сущностно принадлежит к являющемуся предмету, и в нашем случае — временность в форме длительности неизменной, покоящейся вещи. Теперь скажут: и все же объективация времени должна иметь свое «представляющее» (darstellenden) содержание в феномене, и в чем же ином, как не в феноменологической временности. Более пристального внимания потребует, конечно, вопрос о явлении в более узком смысле, явлении, имеющем место при соответствующих мотивирующих обстоятельствах, и о том, как в нем образ посредством своей месторасположенности (Ortlichkeit) представляет объективное месторасположение (das Ortliche), посредством своей квази-фигуры и квази-величины — объективную фигуру и величину, и далее, посредством своей квази-окраски — объективную окраску, и, таким образом, посредством своей временности — объективную временность. Образ есть образ в потоке непрерывности образов; каждой фазе образа соответствует в этом потоке являющаяся объективная временная фаза вещи, и более определенно, [она соответствует] представляющей себя в этом образе стороне объекта; доэмпирическая временная позиция образа есть изображающее представление (Darstellung) объективной временной позиции, доэмпирическое темпоральное расширение в протекании непрерывности образов есть изображающее представление

объективного темпорального расширения вещи, следовательно, ее длительности. Все это очевидно.

Если рассмотреть подробнее, то, конечно, это «изображающее представление» объективного времени есть по существу иное, чем представление существующей в объективном времени и длящейся в нем вещи как вещи тождественной во времени и наполняющей время модусом длительности. Если мы возьмем для простоты некоторую непрерывность равных, следовательно, равно богатых образов внутри более узкой сферы «наиболее отчетливого видения», то интенциональная связка лучей так проходит сквозь протекающие в квази-временности образы, что вследствие этого образы полагаются в однозначном соответствии. Точки, лежащие на одном и том же интенциональном луче представляют посредством своих содержаний одну и ту же объективную точку. Здесь, таким образом, сознание, полагающее единство, проходит сквозь доэмпирически-темпоральную непрерывность. Поток содержаний, нанизанный на интенциональный луч, представляет фазу за фазой ту же самую точку вещи. Каждая точка образа имеет так же свою доэмпирическую временную позицию. Однако сквозь следующие друг за другом временные позиции не проходит уже объективирующее их в тождественное единство сознание единства: Расширяющийся в этой непрерывности временных позиций ряд точек образов представляет ту же самую точку вещи, однако ряд временных позиций [представляет] не тождественную временную точку вещи, но снова некоторый временной ряд. И отдельная точка образа имеет ту же самую временную позицию, как и все другие сосуществующие точки образа. Весь образ в целом имеет некоторую временную позицию, любой другой — другую. Каждая другая временная позиция в доэмпирическом потоке образов представляет другую объективную временную позицию. Иначе ведь не являлась бы вещь, которая как таковая имеет свою длительность, заполненный объективный временной ряд.

Расширяющееся в доэмпирическом временном протекании сознание единства полагает единство во временном протекании представляющих образов тем, что оно каждый образ превращает в представляющий, полагает в нем данность, и с каждым новым образом — данность «его самого». Данное в каждой фазе дано и положено, однако, как Теперь с таким-то

и таким-то содержанием, в переходе к ближайшей фазе оно удерживается в своем Теперь. Так, новая и любая новая фаза дана вместе с своим удержанным Теперь; следовательно, в постоянном переходе единство фаз полагается таким образом, что каждая фаза сохраняет в объективации свое Теперь и что ряд Теперь-точек (как объективных Теперь-точек) наполнен непрерывно единообразным и идентичным содержанием. Если фаза а — актуальна, она имеет характер актуального Теперь. Однако во временном потоке присоединяются фаза к фазе, и как только мы имеем новую актуальную фазу, только что «теперь» бывшие [фазы] изменяют свой характер в отношении актуальности. В этом потоке изменений осуществляется временная объективация в той мере, в какой в потоке феноменологического изменения, которое претерпевает в погружении определенное а, происходит непрерывно полагание идеичного а вместе с определенной временной точкой. В объективирующем сознании является протекающий поток образов как поток изменений чувственных содержаний, если, конечно, каждый образ с его Теперь был объективирован так, как он есть в себе: единство этого многообразия было бы единством, «заключенным» в этом многообразии, единством, которое нужно было бы извлечь из него.

При объективации вещи, однако, содержание образа в смысле кинестетического единства мотивации схватывается так-то и так-то трансцендентно. Это содержание образа, однако, не просто принимается как оно есть, но как изображающее представление (*Darstellung*), как носитель так-то и так-то охарактеризованной, постоянно себя осуществляющей в модусе чистого совпадения интенциональной связки (*Bündel*). Это интенциональность проходит сквозь содержания образа, в то время как каждый Теперь-момент, который принадлежит данному образу, претерпевает ту же самую объективацию временной точки, которую он претерпел бы и без объективации вещи. Таким образом, объективный временной ряд конституируется повсюду одинаково. Однако ряд явлений, в потоке которых конституируется объективная временность, различается по своей материи, в зависимости от того, конституируется ли вещественная или не-вещественная временность, например, в зависимости от того, конституируется ли объективное время в длительности или изменении имманентного тона или

же некоторой вещи. Оба ряда явлений имеют общее, общую форму, которая составляет характер темпоральной объективации как таковой. Однако явления в одном случае суть явления имманентного, а в другом — вещественного. Так же как идентичность тона в потоке тональных фаз, каждая из которых обладает своей темпоральной индивидуацией и есть единство в непрерывности фаз, идентичность существующего во всех фазах и, таким образом, длящегося тона, так же и идентичность вещи в потоке явлений есть идентичность являющейся во всех явлениях в модусе Само- и Теперь-данности и во всем новом Теперь являющейся и таким образом длящейся вещи.

При этом нужно подчеркнуть, что в трансцендентном восприятии фазы предшествовавшего явления не только сохраняются ретенциально, как это имеет место в каждой последовательности явлений или, по крайней мере, внутри определенных границ; каждый раз актуальное в Теперь-точке явление в восприятии не завершается вместе с тем, что оно приводит к актуальной данности, [а именно,] как теперь положенную посредством восприятия реальность. Дело обстоит не так, что предшествовавшие явления как продолжающие жить в ретенции просто сохраняются в качестве явлений бывшего (*von Gewesenem*). (Первичное) вспоминающее сознание предыдущих фаз есть, конечно, вспоминающее сознание, однако относительно предыдущего восприятия. То, что было ранее воспринято, теперь есть не только настоящее как ранее воспринятое, но оно принято в Теперь, оно положено как теперь еще существующее. В качестве теперь положено не только то, что было только что непосредственно воспринято, но одновременно так же прежде данное бывшее. Во время потока непосредственного восприятия положено не только собственно видимое как длящееся бытие в потоке своих явлений, но так же бывшее видимое (*das Gesehen-gewesene*). И точно так же относительно будущего: в качестве Теперь полагается, в ожидании последующих фаз собственного восприятия, предстоящее-быть-воспринятым, оно есть теперь и оно длится и наполняет то же самое время. — Именно то же самое имеет силу и для всего невидимого, но могущего быть увиденным: т. е. для всего, что при возможном протекании определенного К могло бы быть воспринято как принадлежащее ему.

Здесь осуществляется только расширение темпорально-

го объективирования, которое мы обсуждали в ограничении постоянно видимым и во время видения все снова и снова иначе себя представляющим. Все видимое может быть так же неуловимым, однако остается все же обнаруживаемым. Каждый поток восприятия, по своей сущности, допускает расширение, которое, в конечном итоге, превращает воспринимаемое в невоспринимаемое. Темпоральное полагание, тем что оно идентифицирует являющуюся здесь «полностью» видимую вещь в изменении исчерпывающих ее явлений, со-объективирует каждую временную позицию фаз явлений и придает ей значение объективной временной позиции, так что объективно длящееся расходится в серию явлений: и подобным же образом осуществляется темпоральное полагание относительно всей совокупности явлений, которые осуществляют представление (*Darstellung*) одной и той же объективности в незавершенном и все гда опять в незавершенном модусе.

io

Приложение XI: Адекватное и неадекватное восприятие'

Адекватное восприятие как чисто имманентное и адекватная данность предмета может пониматься в двойном смысле, из которых один имеет близкую аналогию с внешним восприятием, а другой — нет. В имманентном слышании тона я могу принять двоякое направление схватывания: в одном случае, на ощущаемое во временном потоке, а во втором случае, на Конституирующееся в этом потоке и все же имманентное.

ю

1. Тон может колебаться относительно качества и интенсивности или может находиться передо мной как длящийся в совершенно неизменной внутренней определенности, во всяком случае я обнаруживаю поток, и только в этом потоке может быть мне дана такая индивидуальная предметность. Тон начинается как тональное Теперь, и к нему постоянно присоединяется все новое и новое Теперь, и каждое Теперь имеет свое содержание, на которое, как оно есть, я могу направить свой взгляд. Так, я могу плыть в течении этого потока, следовать ему моим созерцающим взглядом; я могу также обратить внимание не только на какое-либо данное содержание, но и на все расширение, которое называется здесь потоком, вместе с его конкретной полнотой или абстрагируясь от нее. Этот поток не есть поток объективного времени, которое я определяю с помощью часов или хроноскопа, не время мира, которое я фиксирую по отношению к земле и солнцу. Ибо оно подпадает под феноменологическую редукцию. Скорее мы назовем этот поток доэмпирическим или феноменологическим временем. Оно предоставляет первичные репрезентанты для репрезентации объективно-временных предикатов, говоря по аналогии: темпоральные ощущения. В случае описанного восприятия мы, следовательно, обращаем внимание на соответствующее темпоральное содержание в его временном растяжении и определенном виде заполнения этим содержанием этого растяжения; или на темпоральное содержание *in abstracto*, или на темпоральное растяжение *in abstracto*: во всяком случае на реально (*teell*) данное, на реально присущее восприятию в качестве [его] момента. Это — с одной стороны.

20

35

2. Однако, с другой стороны: Если длится тон, скажем, тон с, то наше воспринимающее смыслоформирование может быть направлено на тон с, который здесь длится, т. е. на предмет «тон с», который во временном потоке есть один и тот же предмет, всегда тот же самый во всех фазах потока. И опять-таки, если тон изменяется, например, со стороны интенсивности или даже в своем качестве, например, колеблется, то уже в этих словах выражено направление восприятия, которое имеет перед глазами идентичное — изменяющееся или остающееся тем же самым, в то время как его качество и интенсивность изменяются. Это, следовательно, другой предмет [внимания], чем прежде. Там это был временной поток звучания, здесь — это идентичное в потоке времени.

Временной поток звучания есть время, наполненное конкретное время, однако этот поток не имеет времени, не существует во времени. Тон, однако, существует во времени, он длится, он изменяется. Он, как идентичное, «субстанционально» один в изменении. Однако так же как время есть доэмпирическое, феноменологическое время, так и субстанция, о которой идет здесь речь, есть доэмпирическая, дофеноменальная субстанция.

Эта субстанция есть Идентичное, «носитель» изменяющегося или устойчивого, например, устойчивого качества и изменяющейся интенсивности или непрерывно изменяющегося качества и прерывисто изменяющейся интенсивности и т. д. Когда мы имеем в виду «субстанцию», взгляд направляется на идентичное в противовес меняющемуся от фазы к фазе временного потока то одинаковому, то различному временному содержанию. Это есть идентичное, которое объединяет все временные фазы потока благодаря единству общей сущности, следовательно, родовой общности, которая, однако, не выявляется вообще в абстрактной сущности и не берется в себе. Идентичное есть сохраняющаяся в своей индивидуации сущность в непрерывном и общем потоке. В усмотрении субстанции выделяется не абстракция из потока данных при усмотрении содержаний, а взгляд направляется не на обобщенное (das Generelle), но поток темпоральной наполненности (Zeitfülle) сохраняется в видении, и из него высматривается Идентичное, которое есть в нем, остается привязанным к нему.

Субстанция есть Идентичное полного, конкретного по-

тока. Если мы выделяем, абстрагируясь, несамостоятельный момент, как, например, интенсивность тона, то и здесь имеет место идентифицирование такого же рода; мы говорим: интенсивность устойчива или она изменяется. Эти идентичности суть феноменологические акциденции. Тон, феноменологическая «вещь», имеет различные «свойства», и каждое есть снова Идентичное в устойчивости или изменении; это есть, так сказать, несамостоятельный луч субстанциального единства, некоторая сторона субстанции, несамостоятельный момент ее единства, однако, само [оно] в том же самом смысле есть единообразное. Субстанция и акциденция в этом доэмпирическом смысле суть феноменологические данности: они суть данности в возможных восприятиях, и притом адекватных восприятиях. Эти восприятия, как я говорил, родственны внешним восприятиям. В самом деле, внешние восприятия суть в равной мере восприятия вещей или акциденций вещей, и характер этих восприятий аналогичен характеру восприятий имманентной феноменологической субстанции*. Если мы воспринимаем дом, этот предмет, и это принадлежит к его сущности (следовательно, к сущности смысла восприятия), имеет свое темпоральное расширение, является, продолжая длиться, как неизменный, как идентичное в этой длительности, как устойчивое во временном растяжении. Если мы возьмем нечто изменяющееся во внешнем восприятии, птицу в полете или пламя, изменяющее интенсивность своего свечения, то имеет силу то же самое. Внешняя вещь имеет свое феноменологическое время и является как Идентичное этого времени, и притом как идентичное движения и изменения.

Но, конечно, все эти восприятия неадекватны; время со своей наполненностью дано неадекватно, не может быть выявлено как ощущение. И точно так же идентичность вещи и свойств нельзя реализовать адекватно в отличии от идентичности тона в его звучании, в потоке затухания и нарастания и т. п. Очевидно, однако, что в своей основе то идентифицирование или субстанциализирование, которое адекватно дано или осуществлено в имманентности, во внешнем восприятии имеет место как неадекватное, осуществляясь на основе транс-

* Субстанция, естественно, понимается в таком случае не как реальная субстанция, носитель реальных свойств, но просто как тождественный субстрат фантомного восприятия.

5
10
15
20
25
3°
35

5
10
15
20
25
3°
35

цендентных апперцепции. Так же ясно, что любой анализ смысла вещи и свойства, субстанции и акциденции прежде всего должен вернуться в имманентно-феноменологическую сферу и выявить здесь сущность феноменологической субстанции и феноменологической акциденции, точно так же как каждое прояснение сущности времени приводит назад к доэмпирическому времени.

Мы познакомились, таким образом, с важными типами адекватного и неадекватного восприятия. В отношении терминов «внутреннее» и «внешнее» восприятие теперь очевидно, что они вызывают определенные сомнения. Именно с точки зрения рассмотренного нужно обратить внимание, что термин «внутреннее восприятие» имеет двоякий смысл и в каждом из них означает существенно различное, а именно, во-первых, восприятие имманентной восприятию составной части, во-вторых, [восприятие] имманентно созерцаемого, но не какой-либо части.

Если мы сравним оба типа адекватного восприятия, то общим для них является то, что в них осуществляется адекватная данность их предметов; вся опосредованность (*Uneigentlichkeit*), всякое трансцендентное толкование исключено. Однако, только в одном виде восприятия предметное есть реальный (*reell*) конститuent феномена восприятия. Временной поток звучания со всеми своими компонентами присутствует в феномене восприятия, составляет его. Каждая фаза, каждая составная часть этого потока есть часть феномена. Напротив, то Идентичное во временном потоке, феноменологическую субстанцию и ее свойства, то, что устойчиво или изменяется, хотя и нужно назвать во втором виде восприятия подлежащим адекватному усмотрению, однако это не реальный момент или часть в этом восприятии.

Приложение XII: Внутреннее сознание и схватывание переживаний'

Каждый акт есть сознание чего-либо, однако каждый акт так же осознается. Каждое переживание «ощущается», имманентно «воспринимается» (внутреннее сознание), но, конечно, не полагается, не имеется в виду (воспринимать — не означает здесь полагая-быть-обращенным-к и схватывать). Каждый акт может быть репродуцирован, к каждому «внутреннему» сознанию акта как [акту] восприятия (*Wahrnehmen*) принадлежит возможное репродуктивное сознание, возможное воспоминание, например. Конечно, кажется, что это ведет к бесконечному регрессу. Ибо не есть ли теперь внутреннее сознание, восприятие акта (суждения, внешнего восприятия, радости и т.д.) снова некоторый акт, и поэтому сам внутренне воспринимаемый и т. д.? На это можно сказать: каждое «переживание» в точном смысле внутренне воспринимается. Однако внутреннее восприятие не есть в том же самом смысле «переживание». Само оно снова внутренне не воспринимается. Каждое переживание, которое может схватить взгляд, дает себя как длящееся, протекающее, так-то и так-то изменяющееся. И это делает не полагающий взгляд, он только смотрит на это.

Каждое настоящее, теперешнее, длящееся переживание есть уже, как мы можем обнаружить посредством изменения взгляда, «единство внутреннего сознания», сознания времени, и это есть как раз сознание восприятия. «Восприятие» («*Wahrnehmen*») есть здесь не что иное, как темпорально-конституирующее сознание с его протекающими фазами ретенций и протекций. Позади этого восприятия не стоит снова восприятие, как если бы сам этот поток был снова единством в некотором потоке. То, что мы называем переживанием, то, что мы называем актом суждения, радости, внешнего восприятия, а так же актом всматривания в некоторый акт (что есть полагющее смыслоформирование (*setzende Meinung*)) — все это суть единства сознания-времени, следовательно, суть восприимчивости (*Wahrgenommenheiten*). И каждому такому единству соответствует некоторая модификация. Точнее: изначальному темпоральному конституированию, восприятию соответству-

ет репродуцирование, а воспринятому — воспроизведенное.

Мы полагаем теперь друг подле друга первичный акт и его воспроизведение. В таком случае, положение дел — следующее: пусть А какой-либо акт, который осознан во внутреннем сознании (конституировался в нем). Если W] — внутреннее сознание, то тогда мы имеем W,(A). Относительно А мы имеем воспроизведение V_i(A); последнее есть опять-таки внутренне осознанное, следовательно, имеет место W_i[V_i(A)].

В пределах внутреннего сознания и всех его «переживаний» мы имеем, вследствие этого, два соответствующие друг другу рода событий, А и V_i(A).

Вся феноменология в целом, как я ее понимал в *Логических исследованиях*, была феноменологией переживаний в смысле данностей внутреннего сознания, и это есть, во всяком случае, некоторая замкнутая сфера.

Некоторое А может быть разным, например, чувственным содержанием, скажем, ощущаемым Красным. Ощущение есть здесь не что иное, как внутреннее сознание содержания ощущения. Ощущение Красное (как акт ощущения (Empfinden) Красного) есть, таким образом, W_i (красное), а фантазм красного есть V_i (красное), которое, однако, имеет свое бытие сознания (Bewußtseinsdasein). W^AV_i[Красное)]. Таким образом, понятно, почему я *Логических исследованиях* мог отождествлять [акт] ощущения (Empfinden) и содержание ощущения. Если я двигался в рамках внутреннего сознания, то там, естественно, не было никакого [акта] ощущения, но только ощущаемое. Следовательно, было так же корректным противопоставить друг другу акты (интенциональные переживания внутреннего сознания) и не-акты. Последние были как раз совокупностью «первичных», чувственных содержаний. Что же касается «фантазмов», то было, конечно, ошибочным говорить о них (в рамках внутреннего сознания), что они суть «переживания», ибо переживание означало бы данность во внутреннем сознании, внутреннюю восприимчивость. Мы должны в таком случае разделить воспроизведенные содержания, например, сфантазированные чувственные качества и воспроизведения таковых, V_i(S), и это суть интенциональные переживания, принадлежащие сфере внутреннего сознания.

Рассмотрим теперь случай, где А есть «внешнее» восприятие. Оно есть, естественно, единство внутреннего созна-

ния. И во внутреннем сознании имеет место его воспроизведение, как и каждого переживания. Таким образом, W_a(g) как W_i[W_a(g)] имеет свое V_i[W_a(g)]. К сущности восприятия как такового принадлежит то, что ему соответствует параллельное воспроизведение, а именно, акт, который воспроизводит то же самое, что воспринимает восприятие. «Репродукция» есть воспроизведение внутреннего сознания, и оно противопоставляется изначальному протеканию, импрессии. Воспроизведение вещественного процесса не может тогда называться репродукцией. Природное событие не продуцируется еще раз, оно вспоминается, оно стоит перед сознанием, имея характер воспроизведенного.

Рассмотрим теперь примечательное отношений обоих здесь сравниваемых и очевидно друг от друга различающихся в себе воспроизведений.

1. (Dem) W_a противостоит V_i(W_a) или, как мы теперь можем написать, R(W_a) (внутренняя репродукция внешнего восприятия);

2. (dem) W_a противостоит V_a (воспроизведение внешнего предмета a).

Существует сущностный закон, согласно которому R(W_a)=V_a. Воспроизведение дома, например, и репродукция восприятия этого дома выявляют те же самые феномены.

Далее, мы можем теперь сказать: в специфическом смысле «объективирующий» смыслоформирующий акт (Meinen) может 1. иметь характер «внутренней рефлексии», «внутреннего восприятия» как полагающего смыслоформирования (setzende Meinung) на основе «внутренне осознанного». Акт смыслоформирования (Das Meinen) может вживаться в сознание, может принимать внутреннее сознание в качестве субстрата, затем, по возможности, все предметности, implicite наличные во внутреннем сознании как таковом, приходят к данности, они становятся «предметами». Таким способом становятся предметами ощущения, поняты как чувственные содержания, а, с другой стороны, все конституируемые во внутреннем сознании в качестве единств акты, cogitationes, интенциональные переживания внутреннего сознания.

2. Во внутреннем сознании мы имеем так же «интенциональные переживания», как то, восприятия, суждения, чувства, стремления и т.п. Эти единства могут функционировать

в качестве субстратов. Вместо того, чтобы полагать и воспроизводить их во «внутренней рефлексии», т.е. в смыслоформирующем внутреннем восприятии, акт смыслоформирования вживается в их интенциональность, таким образом, смыслоформирующий акт «выбирает» из них *implicite* в них интендированные предметы и превращает их в интендированные в точном смысле объективирующего полагания. При этом акт, который функционирует как субстрат, может быть незаполненно (*leer*) воспроизводящим актом. Конечно, может появиться воспоминание о радости, о желании и т. д., и смыслоформирующий акт может направиться на то, что радовало ранее, на желаемое как таковое, без того, чтобы господствовало при этом живое представление.

Таким образом, следует разделять: дофеноменологическое бытие переживаний, их бытие до рефлексивного поворота к ним, и их бытие как феномен. Благодаря повороту внимания и схватыванию переживание получает новый модус бытия, оно становится «различным», «выделенным», и это различие есть как раз не что иное, как схватывание, а различность — не что иное, как быть-схваченным, быть предметом поворота. Однако не нужно теперь представлять вещи так, как будто различие состояло просто в том, что это — то же самое переживание, но только связанное с поворотом, с некоторым новым переживанием, с переживанием направленности на него, что, следовательно, имеет место некоторое усложнение. Несомненно, мы с очевидностью различаем, если имеет место поворот, предмет поворота (переживание А) и сам поворот. И, конечно, с основанием мы говорим о том, что прежде наше внимание было обращено к другому, затем был осуществлен поворот к А и что А уже до поворота «было здесь». Однако первым делом нужно обратить внимание на то, что речь о том же самом переживании весьма многозначна и никоим образом из нее нельзя без всяких оговорок вывести (там, где она находит оправданное применение), что для переживания ничего феноменологически не изменилось в определенном модусе (*in der Weise des Wie*) этого «того же самого».

Рассмотрим подробнее: так же и поворот, который, как мы говорили, обращен один раз к одному, другой раз — к другому, есть нечто, что схватывается благодаря новому повороту и, таким образом, становится первично предметным (в пер-

вичном ознакомлении с ним); таким образом, и полагание отношения между предметом поворота и поворотом, и первичное ознакомление с этим отношением есть новый феномен, точно так же как полагание отношения поворота к предмету до поворота вместе с принятием к сведению того, что сюда присоединяется поворот к предмету, к которому [ранее] не был обращен поворот.

Мы понимаем без разъяснений, что означает быть обращенным к предмету — например, к бумаге или конкретно — к углу бумаги, который особо выделен. Нечто совершенно другое, чем то, на что в объекте специально обращают или не обращают внимание, есть это различие «с субъективной стороны», сам акт внимания (*Aufmerken*) в его шагах. Предмет дан в некотором модусе внимания, и на изменение этого модуса мы можем при случае снова обратить внимание: как раз на то, что мы сейчас описали — что относительно предмета то одно, то другое особым образом становится предметным, и что то, чему теперь отдается предпочтение, прежде уже было здесь без всякого предпочтения, что каждое выделенное в предпочтении имеет задний план, некоторое окружение в этой совокупной предметной сфере и т. д. К сущности этого предмета принадлежит то, что он есть нечто несамостоятельное, что он не может существовать без «своего» модуса изображающего представления (*Darstellungsweise*), т. е. без идеальной возможности превратить этот модус в предмет и снова перейти от модуса к предмету; а к сущности «одного и того же» предмета, который я осознал в некотором ряду, принадлежит то, что взгляд должен быть направлен именно на этот ряд модусов изображающих представлений и т. д.

Эти рефлексии осуществляются в единстве сознания-времени; новое схваченное было уже здесь, как говорят, и относится к ранее схваченному как задний план и т. д. Каждое «изменение внимания» означает непрерывность интенций, а, с другой стороны, в этой непрерывности может быть схвачено некоторое единство, конституируемое единство: единство того же самого, которое представляет себя только в различных изменениях внимания и каждый раз «замечается», «высвечивается» в аспекте различных моментов, частей.

Чем же иным является теперь внимание, как не протеканием различий таких модусов «сознания как такового», [как

не тем] обстоятельством, что такие восприятости сходятся в одно, в форму «то же самое», которое имеет то один, то-другой модус внимания. Что же означает теперь — рефлексировать на момент «поворота-к...»? Сначала протекают модусы внимания «наивно»: в их протекании я обращен к являющемуся в них предмету; затем опредмечивающий взгляд направляется на сам ряд модусов, я могу их пробежать, повторив в памяти, и этот ряд как таковой имеет свое единство.

Приложение XIII: Конституирование спонтанных единств как имманентных временных объектов. — Суждение как временная форма и абсолютное темпорально-конституирующее сознание'

Если мы имеем суждение (например, $2 \times 2 = 4$), то полагаемое как таковое есть невременная идея; в бесчисленных актах суждений может быть мыслимо то же самое в абсолютно идентичном смысле, и это Самое может быть истинным или ложным. Возьмем последнее как «положение» («Satz») и рассмотрим «суждение» как коррелят положения. Следовательно, скажут, акт суждения? Сознание, в котором как раз полагается, что $2 \times 2 = 4$? Нет. Поразмышляем: вместо того, чтобы обратиться к помысленному как таковому, я направляю свой взгляд на [акт] суждения (Urteilen), на процесс, в котором для меня приходит к данности то, что $2 \times 2 = 4$.

Совершается некоторый процесс; я начинаю с образования субъекта мысли 2×2 и довожу это образование до конца, и это служит в качестве основы для прибавления к этому «равно 4». Следовательно, некоторый спонтанный [акт] образования (Bilden), который начинается, продолжается и заканчивается. То, что я здесь образываю, не есть, однако, логическое положение: это положение есть при этом полагаемое. «Образованное» («Gebildete») не есть полагаемое (Gemeinte), но в спонтанности образуется сначала « 2×2 » и затем к этому — « $2 \times 2 = 4$ ». Спонтанно осуществлено (образовано в спонтанном акте) сознание « 2×2 » и, в конечном итоге, сознание « $2 \times 2 = 4$ ». Если это формообразование (Gebilde) — готово, то как процесс оно уже прошло, оно тотчас погружается в прошлое.

При этом это формообразование не есть, очевидно, процесс формирования (Bildungsprozess) (иначе было бы ошибочным употребление метафоры [акта] формирования (Bilden). Я могу так же обратить внимание на непрерывно поступательное сознание и на единство поступательного процесса (точно так же как при восприятии мелодии я могу обратить внимание на непрерывное сознание, на непрерывное протекание «феноменов», [но] не самих тонов). Однако этот процесс не есть при своем окончании готовый феномен, в котором по-

лагается « $2 \times 2 = 4$ ». Ведь точно так же процесс сознания, конституирующий явление движения руки, не есть само явление, в котором является движение руки. Явлению в нашем случае соответствует полагание $2 \times 2 = 4$, эксплицитная «предикация», в которой является, так сказать, «это есть так». К единству явления движения руки принадлежат не фазы процесса сознания, но конституирующиеся в них фазы явления. Так и в процессе сознания суждения (в его «потоке») конституируются составные части предикации, субъект, предикат и т.п. И субъект (Subjektglied) суждения как единообразного судящего смыслоформирования (Urteilsmeinung) принадлежит, после того как он сконституировался, к судящему смыслоформированию, хотя сознание его непрерывно продолжает модифицироваться (точно так же как к явлению движения принадлежит постоянно находящееся в модусе погружения явление начальной фазы, однако не формообразования сознания (Bewußtseinsgestaltungen), в которых она конституируется в погружении как устойчивая фаза движения).

Таким образом, нужно сказать, что должно быть различено двойственное:

1. Поток сознания,

2. Конституирующееся в нем,
а во втором случае, снова:

а) суждение как конституирующееся «явление» или смыслоформирование $2 \times 2 = 4$, которое есть процесс становления, и

б) то, что здесь становится, суждение, которое присутствует в конце [становления] как образованное, ставшее: готовая предикация,

Суждение есть здесь, таким образом, имманентное единство протекания в имманентном времени, процесс (не поток сознания, но протекание (Vorgang), которое конституируется в потоке сознания), который начинается и оканчивается и вместе с окончанием проходит, как проходит движение в тот момент, где оно завершилось. Разумеется, в то время как при явлении чувственно воспринимаемого становления всегда мыслимо то, что становление переходит в устойчивое бытие или движение любой фазы — в покой, здесь покой вообще не-

мыслим.

При этом, однако, исчерпаны еще не все различия. С каждым актом спонтанности появляется нечто Новое, он функционирует, так сказать, в каждый момент своего потока как первичное ощущение, которое претерпевает свое оттенение согласно основному закону сознания. Шаг за шагом работающая в потоке сознания спонтанность конституирует временной объект, и притом становящийся объект, процесс: в принципе — только процесс, а не длящийся объект. И этот процесс погружается в прошлое. Нужно при этом обдумать следующее: если я начинаю с какого-либо Это-полагания, то спонтанное ухватывание (Zufassung) и схватывание (Erfassung) есть момент, который присутствует как момент в имманентном времени, чтобы тотчас погрузиться. Однако к нему присоединяется для образования всего в целом единства процесса суждения в имманентном времени удержание; непрерывно переходит первичное полагание Этого («захватывание» («Einschnappen»)), как говорит Липпс) в удерживающее Это-сознание, и это удержание не есть сохранение первичного полагания, которое ведь претерпевает свою имманентную временную модификацию, но вплетенная в это сознание форма; при этом примечательно то, что в этом непрерывном феномене конституируется не просто погружение начальной фазы, но непрерывно себя сохраняющее, продолжающееся Это-сознание конституирует Это как устойчиво положенное. Это означает, что начало и продолжение составляют непрерывность спонтанности, которая сущностно основывается в процессе темпорального погружения, которое вызывает погружение начальной фазы и следующих за ней во временном протекании удерживающих фаз, и при этом так же вызывает погружение того, что они несут с собой в качестве лежащих в основе представлений (созерцаний, пустых представлений) и модификаций представлений. Акт начинается, идет, однако, в измененном модусе как акт (как спонтанность) дальше, и затем начинается новый, продолжающий все это спонтанное протекание акт, например, акт предикативного полагания. Результат, если формирование не продолжается далее, не есть новая спонтанность предикативного полагания как своего рода первоисточник, скорее это полагание имеет место на одной основе: в той же самой имманентной временной фазе, в которой

оно появляется, в форме удерживающей спонтанности и в модифицированной форме, которую оно имеет по отношению к первично фонтанирующему (urquellenden) полаганию субъекта, действительно осуществляется полагание субъекта, и на нем выстраивается первичное предикативное полагание, оно образует с ним единство, единство совокупного суждения: в качестве существующей фазы темпорального процесса, в качестве временного момента, в котором суждение актуально «готово». Этот момент погружается, однако я не перестаю тотчас судить, т.е. интервал, в котором удерживается акт суждения непрерывно присоединяется здесь, как и везде, к последнему завершающему моменту осуществления, и благодаря этому, суждение, как так-то и так-то темпорально сформированное, получает дальнейшее протяжение. При случае я опять присоединяю к этому новые, более высокого уровня формообразования суждения, выстраиваю их на этом и т. д.

Таким образом, суждение как имманентный объект во внутреннем сознании-времени есть единство процесса, непрерывное единство постоянного «полагания» (естественно, судящего полагания), в котором появляются два или больше моментов осуществления, первично полагающих моментов. Этот процесс перетекает из промежутка без таких моментов в промежутки, который есть, «соответствующим» образом, сознание о нем; вера в то, что пришло к осознанию «первичным» образом благодаря моментам осуществляющего акта. Суждение (предикация) возможна только в таком процессе, в нем уже заключено то, что ретенция необходима для возможности суждения.

Тот вид, каким конституируется в качестве имманентного временного объекта такое спонтанное единство как предикативное суждение, резко отличается от вида конституирования чувственного процесса, некоторой непрерывной последовательности. Именно вследствие того, что в последнем случае «Первичное», которое есть первичная точка-источник все заново и заново наполняемого временного момента, есть или простая фаза первичного ощущения (его коррелят — первичное содержание в Теперь), или точно такая же, [но] сформированная посредством схватывания как первичная фаза явления. Первичное в случае суждения есть, однако, спонтанность полагания, которая имеет в качестве основы какой-либо

аффективный материал. Сооружение уже в этом отношении более сложное.

Далее, здесь появляется двойственная первичность. Для суждения как темпорального формообразования «первично» Конститутивным является непрерывность «полагания», которое в этом отношении есть постоянно первично дающее. В сознании-времени с его ретенциями конституируются тогда непрерывные моменты суждения, [т. е.] временные точки суждения как темпорального формообразования. Однако мы должны различать моменты собственно осуществляющего полагания работающей спонтанности в противоположность непрерывным моментам спонтанности, удерживающей и сохраняющей совершенное. Это есть различие в непрерывной темпоральной форме, в которой выделены точки-источники, и, естественно, так же различие в конституирующем сознании-времени, в котором первичные фазы распадаются на два вида: на творческие и данные.

Поскольку мы после этого могли бы считать проясненной идею суждения как темпоральной формы (Zeitgestalt), в отличие от абсолютного темпорально-конституирующего сознания (и вместе с этим как раз соответствующие различия при других спонтанных актах), то теперь нужно сказать, что это суждение есть смыслоформирование (Meinen), аналог имманентно-объективного явления, в котором, например, является пространственно-временное бытие. В смыслоформировании как бы является помысленное (Geineinte), в смыслоформировании (темпоральной формы) $2 \times 2 = 4$ [является] именно пропозициональное, так-то и так-то синтаксически оформленное положение дел. Последнее, однако, не есть вещь, это не объективно-временное бытие, ни имманентное, ни трансцендентное. Оно есть устойчиво (dauernd) полагаемое, однако само не есть длящееся, его полагание начинается, однако само оно не начинается, а так же и не прекращается. По своей сущности оно может быть осознано, или дано, различным образом, оно может быть артикулировано и затем осознано в определенном образом выстроенной спонтанности, которая, как имманентная темпоральная форма может протекать «более быстро» или менее быстро, она, однако, может так же быть осознана в некотором осуществленном модусе.

Спонтанные темпоральные формы как и все имманент-

3

ю

15

20

25

3°

35

5

10

15

20

25

3°

35

ные объекты имеют свое отражение (Gegenbild) в своих репродуктивных модификациях. Суждение-фантазия, как и любая фантазия, сама есть темпоральная форма. Первичные моменты для ее конституирования суть «первичные» фантазии в противоположность модификациям, которые присоединяются к ним непосредственно, согласно основному закону сознания, т. е. [в противоположность] ретенциальным [модификациям]. Когда фантазия конституируется как имманентный объект, то благодаря ее собственной фантазирующей интенциональности, которая имеет характер нейтрализованного воспроизведения, конституируется так же имманентный *квази-объект*, единство имманентно сфантазированного в имманентном квйзм-времени фантазии. И там, где фантазия есть воспроизводящая модификация некоторого «явления», конституируется далее единство некоторого трансцендентного сфантазированного, скажем, сфантазированного пространственно-временного объекта или единство сфантазированного положения дел: такого, каковое *квази-дано* в некотором *квази-суждении* восприятия, или квазм-помыслено в акте фантазирующего суждения иного вида.

5

10

15

20

ББК 87.3 (4Ф)

Г 15

Гуссерль Эд.

Г 15 Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В. И. Молчанова. М.: Издательство чГнозис», 1994. - 12 с.

ISBN 5-7333-0487-1

Издательство «Гнозис»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17
Тел. 246-5632

Эд. Гуссерль
Собрание сочинений
Том!

Подписано к печати 12.03.94. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Заказ N 64.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
АО «Астра семь», 121019, Москва, пер. Аксакова, 13